

3811n. 14

15

15
191

w 317.

Пушкин и его
сборники. Выпуклые XIX.
Манускрипты и изображения.
1911г.

ПУШКИНЪ.

II
230

ПУШКИНЪ

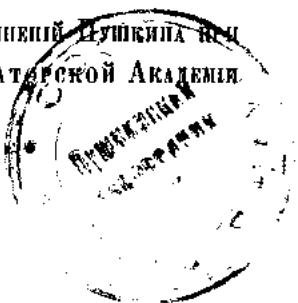
и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Материалы и изслѣдованія.

Выпускъ XIV.

Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина и
Отдѣления Русского языка и словесности Императорской Академии
Наукъ.

С.-Петербургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1911.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.
Апрель 1911 г. Непременный Секретарь, Академик. *С. Олденбург*.

	стр.
Ранняя любовь Пушкина. И. О. Лернера.....	1— 12
Письма Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиныхъ къ ихъ дочери, Ольги Сергеевнѣ Павлищевой.	
Сообщ. Л. Н. Павлищевъ.....	13— 28
Puschkinskaja за 1908—1909 г. Пр. А. Дилакторского .	29— 52
Изъ разысканий въ области биографий и текстов Пушкина.	
П. Е. Щеголева.....	53—193
Въ отвѣтъ П. Е. Щеголеву. М. О. Герценштейна.....	194—198
Дополненія къ «Разысканіямъ». Н. Е. Щеголева.....	199—216
Указатель.....	217—230

Ранняя любовь Пушкина.

„Первая любовь“... Эта краткая отмѣтка записана подъ 1814 г. въ бѣглой программѣ¹⁾ автобиографическихъ записокъ, которыя Пушкинъ задумалъ писать, какъ вѣрно опредѣляетъ Аниенковъ, „уже въ эпоху своей извѣстности и славы“²). Два лицейскіе товарища Пушкина упоминаютъ о „первой“ любви своего однокашника, но расходятся въ своихъ показаніяхъ. „Первую, платоническую, истинно-поэтическую любовь возбудила въ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищѣ его, фрейлина Екатерина Павловна Бакунина“, писалъ С. Д. Коноваловский³⁾. Читая въ рукописи статью В. П. Гаевскаго „Пушкинъ въ Лицѣ и лицейскія его стихотворенія“, баронъ М. А. Корфъ остановился на имени графини Натальи Викторовны Кочубей и замѣтилъ: „едва ли не она (а не Бакунина) была первымъ предметомъ любви Пушкина“.

1) П. В. Аниенковъ, „Материалы для біографіи Пушкина“, изд. 2-е, стр. 18—19; снимокъ въ Сочиненіяхъ Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VIII, 1905 г., при стр. 574. Въ прямых скобках поставлены зачеркнутыя слова.

2) Аниенковъ, оп. с., 18.

3) „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, сборникъ Я. К. Грота, С.-Пб., 1899, стр. 220.

кина”¹⁾). Такимъ образомъ, вопросъ о первой любви Пушкина еще не решенъ, и трудно сказать, кто именно была ея предметомъ — Бакунина или Кочубей.

Но въ той же программѣ мы встречаемъ другую отмѣтку, относящуюся къ гораздо болѣе раннему времени: „Ранняя любовь“. Наличность обѣихъ отмѣтокъ на одномъ листкѣ, отнесеніе ихъ самимъ поэтомъ къ различнымъ periodамъ своей жизни ясно показываютъ, что Пушкинъ рѣзко отдѣлялъ другъ отъ друга оба эти события своей внутренней жизни.

„Первый впечатлѣнія. Юсуповъ садъ — землетрясеніе — няня. Отѣздъ матери въ деревню. — Первые непріятности гувернантки. [Смерть Николая. Ранняя любовь] — Рожд. Льва. Мои непріятныя воспоминанія. — Смерть Николая. — Монфоръ — Руслан — Кат. П. и Ан. Ив. — Нестерпимое состояніе. — Охота къ чтенію. — Меня везутъ въ П. Б. Езуиты. Тургеневъ. Лицей“.

Братъ Пушкина Николай умеръ въ 1807 г.²⁾. Другой братъ, Левъ, родился въ 1805 г. Конечно, нельзя предполагать, что изложеніе событий въ программѣ слѣдуетъ въ строгомъ хронологическомъ порядке, и требованіемъ полной точности она удовлетворить не можетъ. Но такая точность и не нужна. Достаточно и того, что программой неопровержимо устанавливается определенный, сравнительно небольшой periodъ времени, къ которому относится запись: „ранняя любовь“. Пушкину тогда было 6—9 лѣтъ.

Что Пушкинъ очень рано сталъ созрѣвать, что первоначальное дѣтство его длилось недолго, этому мы имѣемъ ясное свидѣтельство; оно по психологической цѣнности своей дороже и значительнѣе всякихъ показаній, ко-

торыя могли бы намъ дать свидѣтели его дѣтства, если бы они ихъ оставили побольше. До насъ дошли очень раннія стихотворенія Пушкина, относящіяся къ первымъ годамъ его пребыванія въ Лицѣ, когда ему было лѣтъ 12—14. Въ этомъ возрастѣ большинство мальчиковъ еще дѣти, и на литературныхъ опытахъ такихъ мальчиковъ еще лежитъ печать дѣтства. Но ни малѣйшей „дѣтскости“ мы не находимъ въ раннихъ стихахъ Пушкина; они еще незрѣлы, подражательны, слабы, но въ нихъ видно міроточеніе отрока, а не ребенка. Въ Лицѣ Пушкинъ вошелъ уже не ребенкомъ. Дѣтство оставило его еще въ родительскомъ домѣ. Уже зрѣлымъ мужемъ, окидывая бѣглымъ взоромъ прожитые годы, онъ рѣзко отграничилъ дѣтство отъ отрочества, — „первую любовь“ отъ „ранней любви“. Раннюю любовь онъ не внесъ даже въ „счетъ“ своихъ сердечныхъ переживаній, какъ бы говоря, что это чувство не было, не могло быть настоящей любовью.

Это о „первой“ любви, а не о „ранней“ говорилъ онъ, вспоминая про свой расцвѣтъ въ садахъ Лицея, про тѣ дни, когда

говорить старался басомъ
И стригъ надъ губой первый пухъ...
.....тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскул безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ся слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ...¹⁾

1) „Пушкинъ и его современники“, вып. VIII, стр. 25, 27—28.

2) Анищенковъ, 5, 158.

1) „Евгений Онѣгинъ“, гл. 8-я, варианты.

О ранней любви, дѣтской любви Пушкинъ не могъ сохранить такихъ жгучихъ воспоминаній. Но и она, конечно, не прошла безслѣдно для его души. Онъ уже переживалъ „первую“ любовь или, по крайней мѣрѣ, мучился отроческой тоскою по любви, когда, „томясь обманомъ пылкихъ сновъ“, вспомнилъ свою „раннюю“ любовь, и это воспоминаніе заполнило его сердце. Не подѣтски говорить онъ о ней, не подѣтски рисуетъ ее. Это было въ 1815 году. Пушкину было тогда 16 лѣтъ. Онъ писалъ „Посланіе къ Юдину“):

Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои,
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался.
Гдѣ жъ *дѣтства ранніе слады?*
Прелестной возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бѣется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вѣтается
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,—
И въ беспокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языккомъ, сердцу внятнымъ,
О нѣжной страсти говорить.
Подруга возрасла златова,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя ли вижу, взорогъ сонъ,
Другъ сердца, милая ***,
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый:
Во тмѣ полуночи унылой,

Въ часы денницы золотой —
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, въ задумчивости томной
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью стань не покровенный,
Твой взоръ на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливой цвѣтъ...
Все тихо; брѣжетъ лунной свѣтъ,
Нахмуряясь тополь шевелится,
Ужъ сумракъ тусклой пеленою
На холмы дальние ложится,
И завѣсь рощицы струится
Надъ тихо сияющею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли¹⁾ мои склоняясь,
Стоишь подъ ивою густою,
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь блѣдоснѣжной твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
Ужасной зимнею порой,
Я жду красавицу драгую.
Готовы сани; мракъ густой,
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,
И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкой,

1) Поэтъ изображаетъ себя вернувшимся съ „поля битвы и чести“.

Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша идеть украдкой,
И дѣва друга обняла.

Помчались кони, вдали пустились,
По вѣтру гривы разпустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ,
Прижалась робко ты ко мнѣ,—
Чуть-чуть дыша; мы обомѣли...
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли,
Но что! мечтанья отлетѣли!
Увы! я щастливъ быть во снѣ...

„Посланіе къ Юдину“ долго печаталось лишь въ извлеченияхъ¹⁾, и приведенный отрывокъ появился лишь въ „Русской Старинѣ“ 1884 г. (февраль, стр. 433—434), где впервые была напечатана вся пьеса съ собственноручного пушкинского подлинника. Анненковъ²⁾ находилъ, что стихотворенію „наивно, какъ ученическая мечта“, но не могъ не замѣтить, что въ этихъ „раннихъ мечтахъ“ видны „какая-то существенность и ясность“; описаніемъ Захарова, где Пушкинъ провелъ часть своего дѣтства, Анненковъ даже воспользовался какъ биографическимъ материаломъ³⁾. Никто изъ писавшихъ о дѣтствѣ Пушкина не оцѣнилъ какъ должно этого разсказа поэта, какъ никто еще не заинтересовался многозначительной записью: „Ранняя любовь“ въ набросанномъ Пушкинымъ планѣ автобиографіи. Между тѣмъ за этими признаніями самого поэта кроется весьма значительный въ психологическомъ отношеніи моментъ внутренней жизни Пушкина.

1) Сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, т. I, стр. 6; т. II, стр. 148—150; перепечат. въ изданіяхъ Геннади, 1859 г., т. I, стр. 151—153, и Ефрѣмова, 1880 г., I, 126—128; 1882 г., I, 122—124.

2) Сочин. II, II, 149.

3) Ор. с., I, 6.

Л. Н. Майковъ¹⁾ сдѣлалъ попытку разъяснить, чье имя замѣнено въ посланіи тремя звѣздочками; кто была та, которая впервые пробудила дѣтское сердце будущаго поэта. „Сознаваясь, что еще не знаетъ истинной любви, и только мечтая о ней, авторъ „Посланія къ Юдину“ все же сохраняетъ живое чувство дѣйствительности: среди этихъ мечтаний вспоминаетъ подругу своихъ дѣтскихъ игръ, но имени ея не рѣшается довѣрить даже своей рукописи и замѣняетъ его тремя звѣздочками. Комментарій къ Пушкину не связанъ такою сдержанностью, и въ немъ позволительно высказать по крайней мѣрѣ догадку о лицѣ, которое можно разумѣть подъ тремя звѣздочками, „Посланія“: по всему вѣроятію, это—Марія Дмитріевна Мертваго, которая въ 1810—1812 годахъ жила со своими родителями въ селѣ Демьяновѣ подъ Клиномъ; ея отецъ, одинъ изъ видныхъ административныхъ дѣятелей Александровскаго времени, известный своимъ безкорыстіемъ, былъ женатъ на Варварѣ Марковнѣ Полторацкой, а съ многочисленной семьей Полторацкихъ Пушкины состояли въ короткихъ сношеніяхъ; Демьяново приходилось на пути изъ Москвы въ Петербургъ и, какъ разсказываетъ Д. В. Мертваго въ своихъ „Запискахъ“ (изданіе „Русскаго Архива“, М., 1867, ст. 312), всѣ его знакомые, слѣдя по этой дорогѣ, заѣзжали въ его имѣніе; очень можетъ быть (?), что тамъ побывалъ и Пушкинъ, когда, въ исходѣ лѣта 1811 года, дядя Василій Львовичъ повезъ его въ Петербургъ для помѣщенія въ лицей: правда, молодой Мертваго едва минуло тогда пять лѣтъ, но вѣдь и Пушкину было всего двѣнадцать лѣтъ; эта дѣтская встрѣча и могла послужить поводомъ къ мечтаніямъ, которыми юный авторъ „Посланія къ Юдину“ заключаетъ свое произведеніе“.

1) Соч. II, изд. Академіи Наукъ, т. I, изд. 2-ое, примѣч., стр. 163—164.

Догадка Майкова была безъ всякихъ колебаній принята П. О. Морозовымъ, который даже внесъ въ текстъ „Посланія къ Юдину“ въ редактированномъ имъ изданіи имя „Мертваго“¹⁾, а въ примѣчаніяхъ къ плану автобіографіи²⁾ замѣтилъ, что „ранняя любовь — быть можетъ, воспоминаніе о Машѣ Мертваго“. За то эта догадка вызвала вполнѣ резонное возраженіе П. А. Ефремова³⁾: „Л. Н. Майковъ полагаетъ, что въ стихотвореніи этомъ Пушкинъ вспоминаетъ „подругу возраста златаго, подругу красныхъ дѣтскихъ лѣтъ“ Марию Дмитріевну Мертваго, которая жила съ родителями въ 1810—1812 годахъ въ с. Демьяново, подъ Клиномъ. Но это не по соображенію, а „красные дѣтскіе годы“ должно бы ограничить только однимъ 1810-мъ, когда „подругѣ возраста златаго“ было только 5 лѣтъ. Если бъ это была Мертваго, Пушкинъ не поставилъ бы для риѳмы слово, которое надо читать злато, для риѳмы же съ „златою“ не сталъ бы перемѣнять фамилію въ „Мертвово“. Ему риѳмъ не надо было искать, сами приходили“.

Разбирая высказанныя Майковымъ и Ефремовымъ соображенія, С. А. Венгеровъ⁴⁾ замѣтилъ: „Конечно, никому не возбраняется „высказать, по крайней мѣрѣ, догадку“, но надо для этого имѣть хоть какое-нибудь основаніе. А Майковъ и намека на такое основаніе не представилъ. И совершенно непонятно, почему его вниманіе остановилось на пятилѣтней Мертваго, которую Пушкинъ видѣлъ (?) во время какой-то остановки по пути въ Петербургъ... Соображенія Ефремова получаются подкрайсленіе въ ореографіи первоисточника для „Посланія къ Юдину“ — рукописи Румянц. Музея № 2364, согласно ко-

торой въ нашемъ изданіи риѳмующій съ *** стихъ напечатанъ такъ:

Подруга возраста златова.

Итакъ, догадка относительно Мертваго падаетъ сама собой, и при добромъ желаніи можно начать розыски среди знакомыхъ Пушкина какой-нибудь дѣвицы съ фамиліей Благово, Петрово Соловово, Дурново и т. д.

Но если „Посланіе къ Юдину“ не даетъ основаній для точнаго указанія опредѣленного лица, то возможно, однако, что оно устанавливаетъ какой-то неизвѣстный намъ романническій эпизодъ изъ истории дѣтства Пушкина. Все посланіе носить на себѣ яркіе слѣды автобіографичности, и нѣтъ основанія именно въ эпизодѣ съ „подругой возраста златова“ усматривать простое литературное упражненіе. Но, конечно, при той смѣси Wahrheit und Dichtung, которую представляетъ собою лицейское творчество Пушкина, вполнѣ возможно и то, что неизвѣстный намъ изъ семейныхъ преданій предметъ ранней страсти Пушкина какъ разъ всецѣло относится къ области Dichtung“.

Совпаденіе автобіографической помѣты „Ранняя любовь“ съ заключающимся въ „Посланіи къ Юдину“ разсказомъ вполнѣ подтверждаетъ, что здесь мы имѣемъ дѣло не съ Dichtung, а съ Wahrheit, и что „подруга возраста златова“ никакъ не вымыселъ. Странно было бы искать риѳму къ „златова“ среди фамилій на „ово“ (Благово, Петрово - Соловово) или даже „овѣ“ (Дурново), но имѣются снованія къ догадкѣ болѣе вѣроятной, чѣмъ предположеніе Майкова. Послѣднее должно быть отвергнуто не только потому, что Пушкинъ не могъ риѳмовать „златова“ и „Мертваго“, а прежде всего потому, что самое знакомство молодого Пушкина съ этой семьей вовсе не доказано, что остановка его въ ихъ деревнѣ тоже только предположеніе, ни на чёмъ не основанное. Къ тому же — и это самое

1) Издание „Прозрѣщенія“, I, 123, 487.

2) То же изданіе, VI, 695.

3) Сочин. II., т. VIII, 1805 г., стр. 94—95.

4) Сочиненія Пушкина, изд. Венгерова, I, 275, 282, 284.

главное,—какъ видно изъ автобиографического наброска Пушкина, „раннюю любовь“ Пушкинъ испыталъ задолго отъѣзда въ Петербургъ, въ еще болѣе раннемъ возрастѣ, когда Маріи Мертваго было года два, а то и меньше!... Послѣ признанія самого поэта, признанія не поэтическаго, въ которомъ еще можно было бы предполагать вымыселъ, а чисто-биографическаго, относящагося къ тому времени, когда онъ собирался писать исторію своей жизни, сомнѣваться въ событиї, о которомъ согласно говорить автобиографическая запись и „Посланіе къ Юдину“, уже не приходится. Первая ясно, строго-формально устанавливаетъ фактъ; второе его подтверждаетъ и даже подсказываетъ разъясняющую догадку.

Кто была эта „подруга возраста златова“? Нечего и говорить, что имя ея нужно искать дѣйствительно въ той средѣ, въ которой протекло дѣтство Пушкина. Дошедшія до настѣ свѣдѣнія о дѣтствѣ поэта, вѣроятно, далеко не исчерпываютъ всего круга знакомствъ семьи Пушкина. Среди всѣхъ извѣстныхъ намъ имёнъ мы нашли только одно „подходящее“, которое не только даетъ возможность представить подъ *** правильную риѳому къ „подругѣ возраста златова“, но даже рисуетъ эпизодъ, болѣе вѣроятный, чѣмъ догадка Майкова.

Изъ московскихъ старожиловъ, рассказами которыхъ пользовался почтенный П. И. Бартеневъ, болѣе полуѣвѣка тому назадъ принявшійся за изученіе жизни Пушкина, многие хорошо помнили допожарную Москву, семью Пушкиныхъ и дѣтство поэта. „Маленький Пушкинъ“ — разсказываетъ П. И. Бартеневъ¹⁾ — „часто бывалъ у Трубецкихъ (князя Ивана Дмитріевича) и у Сушковыхъ (Николая Михайловича, тоже литератора), а по четвергамъ его возили на знаменитые дѣтскіе балы танцмейстера Іогеля“.

1) „А. С. Пушкинъ. Материалы для его биографии. Гл. I-я. — Дѣтство“ — „Московская Вѣдомость“ 1854 г., № 71; отд. отт., стр. 15.

Невольно напрашивается фамилія — Сушкова. У Н. М. Сушкова дѣйствительно была дочь, притомъ единственная, — Софія Николаевна. Бывая у Сушковыхъ, Пушкинъ не могъ ее не знать, и, конечно, она не разъ участвовала вмѣстѣ съ будущимъ поэтомъ въ общихъ дѣтскихъ играхъ. Пушкинъ былъ немногимъ старше ея. С. Н. Сушкова родилась въ 1800 г., умерла 28 июня 1848 г.; она была замужемъ за Александромъ Александровичемъ Панчулидзеымъ, пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ (ум. 7 января 1867 г.). Кромѣ этихъ данныхъ¹⁾, намъ ничего больше о ней неизвѣстно.

„Подруга возраста златова, другъ сердца, милая Сушкова“... Эта гипотеза не только даетъ вѣрную риѳому, но и вполнѣ согласуется съ свѣдѣніями, правда скучными, которыми мы располагаемъ, и, конечно, достовѣрнѣе майковской догадки. Но Сушкова ли, другая ли, — не это важно. Не столько въ историческомъ, сколько въ психологическомъ отношеніи для настѣ важенъ фактъ, о которомъ рассказалъ намъ самъ поэтъ, — „ранняя любовь“, открывшая собою длинный рядъ сердечныхъ увлеченій²⁾), то серьезныхъ и глубокихъ, то мимолетныхъ и легкомысленныхъ, но неизмѣнно озаренныхъ отсвѣтомъ поэзіи и въ большей или меньшей степени хранившихъ въ своей основѣ идеалистическое томленіе по любящей женской душѣ, по „вѣчно-женственному“. Сердцемъ поэтъ началъ жить еще раньше, чѣмъ разумомъ.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,

1) В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. II, С.-Пб., 1887; въ „Запискахъ“ Ф. Ф. Вигеля (ч. VII, М., 1893, прилож., стр. 71) смерть С. Н. Панчулидзевой датирована 1843 г.

2) См. мою ст. „Дант-Жуанскій сплесокъ“ въ Сочин. П., изд. Венгерова, IV, 88—100.

Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайного волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?...

Это „прежде“ Пушкинъ могъ отнести еще къ годамъ
дѣтства. Не вспоминалъ ли онъ, когда писалъ эти строки,
про свою „раннюю любовь“?...

Н. Лернеръ.

Письма Надежды Осиповны и Сергея
Львовича Пушкиныхъ къ ихъ дочери,
Ольгѣ Сергеевнѣ Павлищевой.¹⁾

I.

Михайловское, ce 24 Août. 1833.

Demain nous allons à Ostroff pour assister à la Noce de Paulinka²⁾), où je serai Mère assise; le tems et les routes sont épouvantables, mais il faut passer par là; tu sais, ma bonne amie, comme je crains les mauvais chemins, tu conçois mes inquiétudes. Annette Woulf³⁾ qui est presqu'aussi courageuse, nous accompagne avec crainte, mais l'espoir de danser et de s'amuser à la noce lui donne le courage qui me manque. Cette lettre partira avec moi pour être expédiée ce 28; il me semble qu'elle te parviendra plus-tôt que de Novorjew; si j'ai le tems, j'ajoutterai encore quelques lignes pour te parler de tout ce train qui nous attend chez la cousine⁴⁾), mais je ne crois pas que j'y puisse

1) Перепатаются по подлинникамъ, доставленнымъ въ Редакцію Л. Н. Павлищевымъ. Ред.

2) Пелагея Ивановна Меландерь, дочь Екатерины Исааковны, рожд. Ганибаль; она выходила за-мужъ за Василия Яковлевича Кирьякова (см. „Пушкинъ и его совр.“, вып. XII, стр. 79—80). Б. М.

3) Анна Николаевна Вульфъ.

4) Екатерина Исааковна Меландерь, рожд. Ганибаль. Б. М.

trouver une place, car toute Mère assise à peine pourrai-je me tenir debout, la maison sera tellement remplie qu'à peine pourrons nous remuer, et les allées et venues de Сухопольцово à Ostroff, les dîners et les bals me prendront tout mon tems. Je me fais une fête d'avance du plaisir que j'aurai à retourner à Михайловское et pour comble de satisfaction d'y trouver peut être une lettre de vous, mes bien chers Enfans¹⁾). Annette a voulu t'écrire, mais elle est toute occupée des préparatifs pour notre voyage, elle fait des robes et des modes pour paraître belle à toutes ces fêtes; elle t'écrira à son retour. Je te dirai pour nouvelle que la pauvre Madame Kerne vient de perdre sa petite Olinka; elle charge Annette de te faire part de son chagrin, étant sûre que tu donneras quelques regrets à ta filleule; mais ce qui peut la consoler, — c'est la mort de son Mari²⁾; je ne sais, si c'est vrai, mais c'est une nouvelle qui nous est parvenue depuis peu, elle l'ignore peut être encore. La lenteur de la poste me désole, mais que cela ne vous empêche pas de continuer à nous écrire. Je vais toujours mon train, et les momens où je m'entretiens avec vous, mes bons amis, me rapprochent de vous au moins en idée. Depuis ton pèlerinage, chère Olga, ou plus tôt ton projet de le faire, je ne sais rien de ce qui se passe chez vous, je me contente de relire chaque jour vos lettres, c'est ma seule consolation; je vais de tems en tems voir les habitants de Тригорское, Прасковья Алекс.³⁾ ne quitte presque pas le lit, elle est toujours malade; la vieille gouvernante se meurt, on a envoyé après le médecin, la maison est triste et déserte, le vent et la pluie se font en-

1) Надежда Осиповна говорить и объ Левѣ Сергеевичѣ Пушкинѣ, проживавшемъ тогда тоже въ Варшавѣ у Шавлищевыхъ.

2) Анна Петровна Кернъ, рожденная Покторацкая; ея дочь Ольга была крестницей О. С. Шавлищевой; слухъ о смерти ея мужа, Ермолова Федоровича, былъ пеффренъ: онъ умеръ лишь въ 1841 г. Б. М.

3) Прасковья Александровна Осипова.

tendre de tous côtés. J'ai fait une petite course ces jours-ci chez nos voisines,—les Timof[éeff]¹⁾ et Madame Poustchine; elles sont si bonnes, si contentes de me voir, que je me fais un plaisir d'être chez elles et de les avoir chez nous; pendant mon absence les Chouchoux²⁾ sont venus à Михайловское, au grand désappointement de papa; ils sont restés vingt quatre heures avec lui, et puis ils ont continué leur route de visites en visites comme de coutume, promettant de revenir bientôt, quoique je n'ai pas encore été chez eux depuis mon arrivée. J'aime assez Madame Chouchou, mais je crains le pont de la Каруза, qu'il faut absolument traverser pour aller à Ругодиево. Notre pauvre voisin Рокотовъ³⁾ est bien mal, il s'avise de prendre le remède homéopathique qui le conduira à l'autre monde.

Je n'ai aucune nouvelle de Pétersbourg depuis qu'Alexandre⁴⁾ nous a écrit que sa femme est accouchée⁵⁾, hors la lettre du baron Rozen, qui nous a fait beaucoup de plaisir concernant Léon. Dieu veuille qu'il soit satisfait. Adieu, chers amis, portes vous bien, ecrives nous toujours par Novorjew,—la poste y est plus sûre que celle de Синскъ, où Прасковья Алекс. oublie souvent d'envoyer à cause de sa mauvaise santé, les lettres se perdent, qu'on laisse traîner pendant des semaines à Тригор., comme à Синскъ. Adieu encore une fois, je cède ma plume à votre Père qui est impatient de s'entretenir aussi avec vous. Je vous embrasse mille fois et vous serre contre mon cœur.

Праскова Сердья Льбошица: J'ai voulu, mon cher Léon,

1) См. „Пушкинъ и его сопр.“, вып. XII, стр. 85 и др.

2) Такъ прозвала Надежда Осиповна семейство Шутерныхъ, со-
сѣдей Пушкиныхъ по Михайловскому. Л. И.

3) Иванъ Матвѣевичъ Рокотовъ — другой ихъ соудѣль. Л. И.

4) Александръ Сергеевичъ.

5) Супруга Александра Сергеевича, Наталия Николаевна, разрѣши-
лаась 6-го июля 1888 года старшимъ сыномъ, поэта Александромъ Але-
ксандровичемъ.

t'envoyer la lettre du Baron Rosen, mais comme il étoit intentionné de te faire parvenir par Николай Иванович l'ordre du jour à ton sujet sitôt qu'il sortira, je crois que cela n'est plus nécessaire et qu'au moment que vous recevrez cette lettre, mes chers enfans, tu sera déjà au fait de tout. L'essentiel est qu'il me dit que tu es complètement justifié d'après les renseignements que l'on a reçu de Varsovie, et que tu ne tarderas pas à obtenir ce que tu désires. — C'est un bien bon enfant que ce Baron, son billet est bien aimable; il me promet de m'envoyer en même tems la copie du *Приказ*.

Maman a bien raison de dire que j'ai été desapointé par l'arrivée des Choucherine. Imagine toi, chère Olinka, que ce malheur m'est survenu au moment, où j'allais me mettre à un tout petit dîner fait pour moi seul à deux heures et demi, et non contents de venir avec 10 chevaux, ils m'amènent encore Monsieur Lanskoy et un Ostrogoth que je n'avais jamais vu, et qu'ils appellent je crois Monsieur Delphini. Tout cela couche chez moi et heureusement repart le lendemain à huit heures du matin, — j'étais sur pied depuis cinq. — Les fêtes de Сухопольцово me fatiguent aussi d'avance, mais ce qui me console, c'est que si on obligera maman de rester plus longtems que nous ne le désirons, — je m'en irai avec Mademoiselle Woulf. Nous nous sommes arrangés ainsi. — Il n'y a pas de mal sans bien (j'allais dire du bien sans mal). Le mauvais tems et les pluies ont tellement augmenté les eaux, qu'elles ont formées deux cascades superbes chez nous au jardin, de manière que nous y avons trois étangs et une petite rivière. — Voici l'épitaphe de Rousslan¹⁾:

Ci-gît Rousslan, mon compagnon fidèle,
Des vrais amis il fut le vrai modèle,

1) "Русланъ"—любимая собака Сергея Львовича.

Il m'aima pour moi seul, jamais n'exigea rien;
Passe s'en étonner: Rousslan était un chien.

Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et de toute mon âme. J'ai rêvé à toi cette nuit, chère Olinka, mais ce rêve était inquiétant. J'ai pleuré et je me suis réveillé en sursaut. Au reste ce n'est que l'effet de mes idées pendant que je veille, — j'espère que cela n'est pas d'un mauvais auguro.

P. S. T'ai-je dit que j'avais une petite chienne de la race de Rousslan, que j'appelle *Zaréma*. Elle est jolie, mais très vive, saute sur ma table, me léche, me mord, m'égratigne et me déchire mes robes de chambres, mon surtout et mes mouchoirs.

2¹⁾.

29 Octobre [1834]. Михайловское.

Chère Olinka. Nous venons de recevoir la lettre du 1er octobre; elle est restée quelques jours chez le Maître de poste de Новорижськъ. Nous en avons eu en même tems une de Léon²⁾. Il est à Харьковъ et compte y rester encore une quinzaine de jours; de là il vouloit faire *le tour de la Crimée* et voir *le Pont-Euxin*, mais il dit qu'il renonce à ce projet . . . heureusement! Il ne se doute pas, combien tous ces voyages en pure perte me font de la peine. Ce que tu dis des nouvelles du С. Ивеличъ³⁾ est très vrai, et les bruits que l'on fait continuellement courir sur le compte d'Alexandre⁴⁾ me font mal au coeur. Mais tu que

1) Оть Сергея Львовича.

2) Левъ Сергеевичъ Пушкинъ.

3) Графъ К. Ивеличъ, схваченый черкесами, погиб виновательной смертью: они подвергли его ужаснымъ истязаниямъ; по словамъ Льва Сергеевича и Ольги Сергеевны, съ него содрали кожу, когда онъ былъ дышать. Л. Павлищевъ.

4) Александръ Сергеевичъ.

quand Natalie a fait une fausse couche on a dit que c'était à la suite des coups qu'il lui avait donné! Enfin que de jeunes femmes vont voir leurs parents, passer 2 au 3 mois à la campagne! Est ce qu'on y trouve à redire? Mais quant à lui et à Léon on ne leur passe rien. Qu'est ce que c'est que ce tuyau, avec lequel vos médecins sondent les femmes grosses? C'est digne de *Molière*! Apparemment que de son tems ce moyen n'existait pas. A présent tuyau ou non, nous attendrons de tes nouvelles à toi, j'espère que tu ne feras pas comme Madame B. (?), mais que la volonté de Dieu soit faite, pourvu que tu te portes bien. Ecris nous, chère Olinka, tu ne peux pas, ou plutôt tu peux t'imaginer combien tes lettres me font plaisir. D'abord elles sont de toi, et puis elles sont très bien écrites et je me plais à les lire.

Alexandre¹⁾ ne nous écrit pas du tout. J'ignore où il est, ce qu'il fait. Ce silence n'est pas excusable sous aucun rapport. Je dépend en quelque façon de lui, et il me laisse depuis plus de 2 mois dans une ignorance absolue de mon sort. Adieu, bonne et chère amie. Je t'embrasse de tout mon cœur, de toute mon âme. Que je suis fâché que *Molière* n'existe pas de notre tems! Vous seriez les meilleurs amis du monde, et tu lui donnerais des leçons de sarcasmes contre la faculté!

Принеска Надежды Осиповны: Après bien d'inquiétudes du retard de la poste voilà, grâce à Dieu, deux lettres que nous venons de recevoir à l'instant: l'une de toi, chère Olga, l'autre de Léon, datée du 16 Septembre. A l'heure qu'il est tu dois déjà être en couche et bientôt j'espère avoir cette bonne nouvelle! Le maître de Poste de Pskow se trouve aujourd'hui chez Прасл. Алекс.²⁾; il part dans quelques heures d'ici, et c'est avec lui que je m'empressé

1) А. С. Пушкинъ.

2) Осипова.

d'expédier ma lettre, espérant qu'elle te parviendra plus tôt; hier c'était la fête de Madame Osipoff; nous étions 18 à table, Euphrosine et son mari, Alexandrine avec les siens, les Glaoubitch, les Chelgounoff¹⁾; Madame Plessovsky, cousine de Madame Harlinsky, et tant d'autres personnes peu intéressantes. J'étais très maussade et distraite, n'ayant qu'une seule idée, enfin j'étais à Varsovie auprès de toi, chère et bonne amie.

Le silence d'Alexandre me donne aussi de l'inquiétude, j'ignore ce que nous ferons cet hiver, quand nous pourrons quitter Михайловское; je t'avoue quo je ne suis pas pressé de courir à Petersbourg; c'est la maudite poste de Pskow se..... (вырвано) qui me fait penser à celle de la Capitale..... (вырвано), l'envie de correspondre de là. Tes lettres font ma consolation, ton attachement — le bonheur de ma vie. Adieu, il est temps d'envoyer à Тригорское. Je t'embrasse et te bénis du fond de mon cœur.

На обороть адресъ, написаный рукою Серпя Львовича:
Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву.
Въ Варшавѣ. Помощнику Статьи-Секретаря въ Государ-
ственномъ Совѣтѣ. Д. Д. Ольгѣ Сергеевнѣ Павлищевой.
Почтовый штемпель: Ноя. 3, 1834, Островъ; Zalesie,
27/11.

3²⁾.

7. Novembre [1834 г.]. Михайловское.

Cher Николай Ивановичъ. — Hier, à notre grande satisfaction, nous avons reçu votre lettre, qui nous annonçait l'heureuse délivrance d'Olinka. Que le Ciel répande sur votre nouveau né toutes les bénédictions! Je le regarde

1) Глаубичи — соседи Пушкиныхъ по Михайловскому; Шелгуновы — тоже.

2) Отъ Сергея Львовича Пушкина.

comme un Ange de paix, et j'espère qu'il sera la consolation de vos vieux jours. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Je te remercie, chère Olinka, pour mon petit fils et pour ton postscriptum dans la lettre de Николай Иванович! J'espère que Dieu entendra mes prières pour votre santé à tous les deux — mère et fils. — Quand tu recevras cette lettre, je compte que tu seras tout à fait remise. — Hier nous avons reçu une lettre d'Alexandre¹). Il revient de Boldino, et occupe le ci-devant logement de Вяземский — у Гагариной пристани на набережной въ домѣ Баташова. Je ne sais, où sont les Sontzoff et comment leur adresser ma lettre. Je suis sûr qu'ils partageront notre joie, et voudrai bien leur en faire part. — Je t'embrasse bien et bien tendrement, ainsi que le petit Léon. Nous comptons que vous nous donnerez des détails sur tout ce qui lui concerne. Est-il blond, brun? A-t'il une nourrice? Qui l'a tenu sur les fonds? etc. etc., et surtout si tu es tout à fait rétablie. Adieu encore une fois et encore une fois mille bénédictions à toi et au petit.

Приписка Надежды Осиповны: Comment vous exprimer la joie que j'ai éprouvée en recevant votre lettre, mon cher Николай Иванович! Il faut être grand'mère pour pouvoir se faire une idée de ce que j'ai sentie en la lisant. Que le Ciel bénisse notre petit Léon que j'aime déjà de tout mon coeur. Qu'il fasse Votre bonheur et que j'aie la douce satisfaction de recevoir ses caresses. C'est le voeu sincère que je ne cesserai de former.

Je te serre contre mon coeur, ma bien chère Olga, et te félicite bien tendrement, embrasse le petit Léon pour moi chaque fois qu'il sera dans tes bras; je vous bénis tous les deux, et te remercie beaucoup pour les lignes que tu as

1) А. С. Пушкинъ.

tracées dans l'obscurité tout en faisant une imprudence pour nous tranquilliser, car il ne faut pas fatiguer les yeux, mais j'espère que cela ne te fera points de mal; j'attends une autre lettre de toi, ma bonne amie, avec tous les détails qui me sont si chers.

Enfin nous avons des nouvelles d'Alexandre. Natalie¹) est grosse derechef, ses soeurs sont avec elle et louent une très belle maison de moitié avec eux. Il dit que cela l'accorde quant aux dépenses, mais le gêne un peu, car il n'aime pas à déranger ses habitudes de maître de la maison. Nous avons déjà l'hiver, mais j'ignore quand nous pourrons partir. Je le désire pourtant avec impatience, non pour m'amuser dans la capitale, mais pour être à l'abri du froid. Imagine-toi qu'ici nous n'avons point de doubles fenêtres,—et puis notre correspondance sera suivie. Quel bonheur d'avoir souvent de tes nouvelles! La poste de Pskow m'a fait bien du mauvais sang. Adieu, chère amie, j'espère que cette lettre te trouvera tout à fait rétablie.

На обороть адресъ, написанный рукою Надежды Осиповны:
Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Павлищеву.
Въ Варшавѣ. Помощнику Статьи-Секретаря Государственнаго Совета. Почтовый штемпель: Ноя. 13, 1834,
Островъ; Zalesie, 8/12.

4²).

Ce 14 Novembre 1834. Михайловское.

Viens que je t'embrasse, mon Olga, ma bonne amie, pour ton exactitude à nous donner de tes nouvelles malgré l'état de faiblesse où tu te trouves; quoique tu ne veux pas nous le dire, mais je sais ce que tu souffres de ces vilains....., chose terrible en couche; j'ai bien

1) Супруга Александра Сергеевича — Наталия Николаевна.

2) Отъ Надежды Осиповны Пушкиной.

passé par là, je ne l'ai pas oublié encore. Je suis tâchée pourtant que tu ne continue plus à nourrir, comme tu l'ai déjà fait jusqu'au 7-me jour: il fallait patienter encore deux ou trois, et la douleur cesserait; au reste n'étant pas auprès de toi je ne puis porter là dessus mon opinion. C'est très heureux que tu as trouvé une bonne nourrice et que tu es soignée par une aussi excellente sage-femme, mais tu ne me dis pas, chère amie, qui a tenu au fond du baptême notre Léon, tu ne me parle pas de Madame Lah-tine¹⁾), c'est à son amitié que je te confie en idée; assurement ton mari te soigne, mais les hommes sont si gauches, surtout pendant les premières couches. Tu n'a pas déviné en supposant que ta lettre du 21 Octobre se promenerait comme celle du 22 Juillet; elle est arrivée au moment où je m'y attendais le moins et à ma grande satisfaction, car je commençais à calculer qu'elle n'arriverait qu'après notre départ; nous comptons quitter Михайловское vers le 22 pour être à Ostrow le jour de la Sainte Catherine; ma cousine²⁾) donne un grand bal, ensuite nous passerons quelques jours à Pskow, ayant promis aux Пещуровъ³⁾) de rester un jour de plus avec eux, et je t'avoue encore que c'est pour consulter Bernard; papa souffre des spasmes depuis plusieurs semaines, je t'en parle, par ce que cela va déjà mieux, puisque nous voulons nous mettre en route, mais il a bien souffert, et pour comble de désagrement j'avais mon éruption et une faiblesse à ne pouvoir presque pas traîner mes jambes pour lui donner les soins nécessaires, ce qui augmentait son mal. Tu sais, comme il est avec ses idées noires. Dieu merci, tout est passé; ta lettre, où tu nous a

1) Варвара Петровна Лохтина, рожденная Домогацкая; ее родная внука (по линии) — Варвара Алексеевна Мельникова — была супругой покойного Григория Александровича Пушкина, младшего сына поэта. Л. Н.

2) Е. И. Меландеръ.

3) А. Н. Пешуровъ, Псковский губернаторъ, и его семья.

donné l'heureuse nouvelle de ta délivrance a contribué à notre guérison, tant il est vrai que la tranquillité de l'âme est le meilleur remède. — Je suis charmée d'aller à Pétersbourg, parceque notre correspondance ira son train; parle moi toujours de notre petit Ange, sais-tu que je sens pour lui plus de tendresse que pour les enfants d'Alexandre, je songe à lui continuellement, je désirerais le tenir dans mes bras, l'embrasser; je ne voudrais pas qu'il ressemble à Léon, j'espère qu'il sera plus joli garçon; je viens de commencer à travailler une petite couverture pour lui, qui ne pourra être achevée qu'à Pétersbourg. — Comment te passe tu de ta femme de chambre, ma bonne amie? C'est être malade bien mal à propos, qu'a-t'elle donc, et made-moiselle Cruche¹⁾), en es tu contente? Son amant Егоръ le cuisinier est mort; que fait Петрушка²⁾), — je désirerais te savoir tranquille sous tous les rapports.

Adieu, chère, bonne amie, mes compliments à ton mari. Je te bénis avec ton Enfant et vous embrasse tous les deux, — mère et fils, — du fond de mon cœur.

Приника Серыя Йесоюча: Je ne puis assez te remercier, chère Olinka, de nous avoir écrit encore. — Sans aucun doute cela a contribué à me soulager de mes spasmes. Pour dire les choses tout crûment, depuis plusieurs jours je n'..... qu'à force de..... et craignois beaucoup de m'accoutumer à cela, comme les femmes du 18-me siècle qui faisaient cette humiliante opération tous les matins pour s'éclairer le teint. Parles nous, Душенька, du petit Léon, le voilà déjà grand garçon! Quand tu recevras cette lettre, il aura 6 semaines et te sourira. Je suis sûr qu'il sera mieux que notre Léon à nous, d'abord il sera plus élancé, je lui voudrais seulement son teint et ses che-

1) Груша, горничная, изъ Пушкинскихъ крѣпостныхъ. Л. Н.

2) Тоже изъ тѣхъ же крѣпостныхъ, — камердинеръ. Л. Н.

veux. En attendant je l'embrasse de tout mon coeur, toi aussi et Николай Иванович.

Adieu, chère Olinka, que Dieu veille sur toi, j'espère que tu es remise de ta faiblesse et que tu n'a pas tes..., cela fait souffrir, mais n'est pas dangereux; il faut se tenir bien tranquille. Je t'embrasse et vous embrasse bien tendrement.

P. S. Je crois, Душенька, que tu seras bien d'envoyer ta réponse à cette lettre: Въ С. Петербургъ, оставить на почтѣ до востребования. Poste restante. Si tu écris au nom d'Alexandre¹⁾) il pourra l'oublier pendant quelques jours et ne pas nous la rendre.

На обороть адресъ, написанный рукою Сергея Львовича: Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшавѣ. Помощнику Статьи-Секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Д. Д. Ольгѣ Сергеевнѣ Павлищевой. Почтовые штемпеля: Ноя. 17, 1834, Островъ. Zalesie 15/12.

5²⁾).

Pétersbourg, ce 4 Janvier 1835.

C'est à toi, chère amie, que je dois un bon commencement de l'année. Ta lettre est venue la veille, c'était déjà celle qui se trouvait à la poste restante. Le lendemain, jour de l'an, j'ai eu le doux plaisir de recevoir deux lettres de toi, — l'une de Novorgeff et l'autre en réponse à la notre, écrite le 18 Déc. — deux jours après notre arrivée. Toute la journée je n'ai fait que les lire et relire. Comme je t'ai promis de ne te rien cacher, je te dirai que je suis arrivée malade; j'ai passé bien tristement 15 jours à l'auberge, je suis encore très faible, mais avant hier j'ai eu la

1) А. С. Чушкинъ.

2) Отъ Надежды Осиповны Пушкиной.

force de déménager. Nous voilà à la Маховоѣ, maison Клинбергъ.

Je ne vois que les personnes qui viennent chez moi et je n'ai été nulle part, pas même à l'Eglise, ce qui m'arrive pour la première fois de ma vie de ne pas entendre la messe le jour de Noël et le premier de l'an. Demain je commencerai à prendre des bains, qui me fortifieront, à ce que dit Спаскoy³⁾; il promet que je pourrai sortir bientôt pour prendre l'air. Tout le monde ici est dans les fêtes jusqu'au col, Natalie sort beaucoup avec ses soeurs, elle m'a amené une fois Macha⁴⁾, qui est tellement habituée à ne voir que des élégantes, qu'elle a jeté de hauts cris, en me voyant et en rentrant à la maison; on lui a demandé pourquoi elle n'a pas voulu embrasser la Grand'maman: elle a dit que j'avais un vilain bonnet et une vilaine robe. Je n'ai pas encore vu Sacha⁵⁾. Enfin nous avons des nouvelles des Sontzoff, après quatre mois de silence; je ne conçois pas comment toutes leurs lettres se trouvent égarées. Ma soeur m'a chargé de te féliciter à l'occasion de la naissance de Lolo, ils attendent ta lettre avec impatience. Матвѣй Михайловичъ⁶⁾ est toujours souffrant. Les médecins lui conseillent d'aller au Caucase et il le fera. Amnette Woulff n'arrive pas; je n'ai pas vu Catherine Lvitch, sa mère a été une fois chez moi. Madame Княжинъ⁷⁾ vient presque chaque jour me voir, sa fille, son gendre et l'Enfant sont à Moscou pour un mois de tems. Наталия Романовна est très malade à la suite d'une fausse couche⁸⁾. Sophie Vsevolojsky⁹⁾ a été chez moi, elle est

1) Докторъ, пользовавшій Александра Сергеевича и его родителей..J. H.

2) Старшая дочь поэта — Марья Александровна Гартунгъ.

3) Старший его сынъ — Александръ Александровичъ.

4) Соцковъ.

5) Рожд. княжна Хованская. J. H.

6) Наталия Романовна Алимьевна, рожденная Цебрикова — жена извѣстного тогда педагога. J. H.

7) С. Н. Всеволожская, рожденная княжна Трубецкая. J. H.

toujours aussi bonne, aussi aimante; elle t'embrasse, et s'intéresse beaucoup à toi et à Lolo. Je désirerais bien voir les Talizines¹⁾, elles sont bien tristes: Татьяна est au désespoir, Александръ Павловичъ²⁾ a beaucoup fait pour elle. J'ai vu les Vichenevsky — Lise, Nicolas et Степанъ. Imagines toi que les parents ont quitté Мария Гавриловна, les voilà derechef à Moscou, tirant le diable par la queue! Leur fils Théodore est avec eux, il veut entrer dans le civil. De qui te parlerai-je encore? Miss Hunter³⁾ te salut; quand nous étions à l'hôtel Demouth elle venait me voir souvent; elle loge toujours vis à vis Madame Roste. Les Mimi⁴⁾ ne m'abandonneront pas non plus. Анника a deux filles qui font le bonheur des trois Tantes. Madame Кочетовъ a été chez moi avec Анна Петровна Малиновской qui est venue passer les fêtes avec sa fille. Madame Venevitinoff fut très contente d'apprendre que tu es mère. Maintenant tu sais, ma bonne Olga, combien les enfants nous sont chers. Je te vois d'ici dans des agitations à cause des yeux de Léon; avec les soins et les précautions que tu as prise il ne touchera pas à coup sûr, cela arrive souvent aux petits enfants; leur vue étant encore faible, le regard ne peut pas être comme celui d'une grande personne; il ne fallait pas l'exposer si tôt au grand jour, et en nourrissant il faut couvrir les yeux, c'est ce que je faisais toujours, et ta bonne⁵⁾ t'appelait Занавесная Барыня.

1) Дъвици Тализини — ея родственницы. Л. Н.

2) Генеральша адъютантъ Мансуровъ — мужъ сестры ея. Л. Н.

3) Англичанка — старая наставница Александра Сергеевича и Ольги Сергеевны; обучала ихъ английскйской словесности. Л. Н.

4) Друзья Пушкиныхъ, — Наталья Карловна Нодель и Екатерина Карловна Лолыженская, рожд. Зандачъ; ихъ сестра Елизавета Карловна была за министромъ финансовъ Брокомъ (его 1-я жена; 2-я была рожд. Бекъ). Л. Н.

5) Зваменитая мачеха Александра Сергеевича и Ольги Сергеевны — Арина Родионовна. Скончалась на рукахъ Ольги Сергеевны, на квар-

Je ne sais pourquoi vous vous êtes alarmés tous les deux de ce que je dis que la séparation avec toi m'est pénible, ma bonne amie, et que j'envie le sort des mères qui sont avec leurs enfants; désirer de te voir est tout simple, mais l'exiger serait une folie, connaissant vos circonstances. Si Alexandre¹⁾ ne vous a encore rien envoyé jusqu'à présent, — ne l'en accusez pas, cela n'est ni de sa faute, ni de la nôtre, mais c'est les dettes de Léon qui nous ont mis tout à fait à sec; en engageant notre dernier bien, Alexandre a payé ce que son frère devait, et cela montait à 18 mille; il n'a pu lui donner que très peu de chose pour son voyage à Tiflis. Il attend de l'argent de Бодянко dans le courant de ce mois, et ce qu'il peut faire pour vous il le fera assurément, car cela lui tient à cœur.

Voici une grande lettre, mais c'est une réponse à trois. Te voilà j'espère reconciliée avec les postes. Adieu, chère Olga, je t'embrasse bien tendrement, et fais des voeux pour ton bonheur; si j'étais condamnée à ne pas te voir pendant 14 ans, — cette seule idée me ferait mourir de chagrin.

Приника Серьза Либохина: Chère Olinka, nous recevons très exactement tes lettres et comme tu l'espérais nous en avons reçu une la veille de l'an; vous ne doutez pas que je ne vous la souhaite heureuse à tous les deux. Maman ne m'a laissé presque rien à te dire quant aux nouvelles et à nos circonstances. Je ne te cache pas que l'inconséquence de Léon et son oubli de nos moyens en contractant des dettes qu'il n'aurait pu jamais payer, et pour lesquelles j'étais obligé d'engager les derniers paysans que j'avais de libres ne m'en ont donné et ne me donnent encore beaucoup de chagrins. Il a même continué de

тарб Павлищевыхъ, где я провела последние годы своей жизни (из Петербурга). Л. Н.

1) А. С. Пушкинъ.

faire des dépenses inutiles après même qu'il savoit que c'était notre dernière ressource. Cela a mis Alexandre dans la position de ne pas pouvoir nous donner le strict nécessaire, mais bref là dessus, ce qui est fait est fait; la seule chose qui m'attriste le plus, c'est que j'étais sûr qu'Alexandre t'avait envoyé quelque chose, étant dans une parfaite ignorance du montant des dettes de Léon, que je n'ai jamais pu supposer aussi considérables. Maman t'a écrit au sujet du désir de te voir. Nous n'avons jamais songé à exiger que tu viennes et abandonne tout. Elle n'en a exprimé que le désir, ce qui est très permis. On désire très souvent l'impossible, et l'on prend patience. Adieu, je t'embrasse bien et bien tendrement, le petit Léon que je bénis, et je salue Никол. Иван. de tout mon coeur.

Сообщ. Л. Н. Павлищев.

Puschkiniana за 1908—1909 г.

При составлении дополнения и продолжения статьи „Puschkiniana за 1908—1909 г.“, помещенной въ XI выпускѣ сборника „Пушкинъ и его современники“, я воспользовался указаниями, сообщенными редакціи Н. К. Козминымъ, Н. К. Писсановскимъ и Л. К. Ильинскимъ (изъ Казани), а также указаниями и помощью Б. Л. Модзалевскаго и А. Д. Торопова, которымъ и приношу мою глубокую благодарность.

Для списка новыхъ книгъ я пользовался журналомъ „Книжная Лѣтопись“ (1908 и 1909 гг.) и внесъ въ мой дополненія пѣкоторыя книги съ датой 1910 года, такъ какъ въ действительности ониѣ вышли въ 1909 году.

I.

Изданія сочиненій А. С. Пушкина.

Сочиненія. Иллюстрированное юбилейное издание М. Конради. Съ рис. М. 1908. (16^о, 191 стр.).

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. III. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Пб. 1909. (8^о, 619 стр.). Съ рис. Цѣна 6 р. 50 к.

Избранныя сочиненія съ біографіей и портретомъ поэта. Изд. 2-ое, К. Тихомирова. М. 1909. (8^о, 460 стр.) Цѣна 75 к.

Собрание сочинений со статьей о жизни и произведенияхъ поэта, написанной Ив. Ив. Ивановымъ. Изд. 3-е, И. Д. Сытина. М. 1910. (8⁰, ЛЛ-1131 стр. въ 2 столбца). Съ рис. Ц. 2 р.

Собрание сочинений. Стихотворения. Изд. Л. И. Маслова. М. 1908. (8⁰, 118 стр.). Цѣна 1 р. 50 к.

А. Салниковъ. Пушкинъ для ребятокъ. Сборникъ избранныхъ стихотворений съ иллюстрациями художника В. Табурина. Изд. книгоиздателя Л. К. Штуде. С.-Пб. 1908. (8⁰, 51 стр.).

А. С. Пушкинъ. Стихотворения для дѣтей. Библиотека нашихъ дѣтей. № 80. Издание книгоизд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1909. (16⁰, 57 стр.). Съ рис. Цѣна 20 к.

А. С. Пушкинъ. Стихотворения. Библиотека новой школы. № 29. Изд. т-ва И. Д. Сытина и К°. М. 1909. (16⁰, 32 стр.). Цѣна 3 к.

Русланъ и Людмила. Изд. И. Д. Сытина. М. 1908. (16⁰, 96 стр.).

Русланъ и Людмила. Библиотека новой школы. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Изд. И. Д. Сытина. М. 1809. (16⁰, 108 стр.). Ц. 10 к.

Кавказскій пленникъ. Поэма. Издание „Голубка“. М. 1908. (32⁰, 38 стр.). Ц. 5 к.

Кавказскій пленникъ. Братья разбойники. Изд. торг. дома Е. Коновалова и К°. М. 1908. (16⁰, 24 стр.).

Братья разбойники. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 9. Изд. А. С. Панафициной. М. 1909 (16⁰, 12 стр.). Съ рис. Ц. 2 к.

Бахчисарайскій фонтанъ. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 4. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1908. (16⁰, 28 стр.). Ц. 3 к.

Евгений Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 14. Изд. 9-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1908. (16⁰, 256 стр.). Ц. 20 к.

Евгений Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 11. Изд. А. С. Панафициной. М. 1909. (16⁰, 236 стр.). Съ портр. и рис. Ц. 20 к.

Цыгане. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 5. Изд. 7-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16⁰, 29 стр.). Съ портр. Ц. 3 к.

Цыгане. Новѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 24. Изд. 2-ое, А. С. Панафициной. М. 1909. (16⁰, 26 стр.). Съ рис. Ц. 3 к.

Борисъ Годуновъ. Драма въ стихахъ. Съ портретомъ автора и 8 рис. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 19. Изд. 8-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1908. (16⁰, 96 стр.). Ц. 10 к.

Борисъ Годуновъ. Историческая драма. Библиотека новой школы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. (16⁰, 96 стр.). Ц. 9 к.

Полтава. Поэма. Издание „Голубка“. М. 1908. (32⁰, 79 стр.). Ц. 10 к.

Полтава. Поэма. Иллюстрированное издание „Нового Времени“. Харьковъ. 1909. (8⁰, 47 стр.). Съ рис.

Полтава. Поэма. Рисунки Н. Самокишъ. Начальные буквы-вишитки К. А. Газенкампфъ. Изд. С.-Пб. Общества грамотности. № 47. С.-Пб. 1909. (8⁰, 63 стр.). Съ 7 рис. Ц. 10 к.

Полтава. Поэма. Изд. Вятского товар. „Народная Библиотека“. С.-Пб. 1909 (8⁰, 63 стр.). Ц. 7 к.

Полтава. Поэма. Библиотека для семьи и школы. Изд. журнала „Юная Россия“. М. 1909. (8⁰, 64 стр.). Съ рис. Ц. 6 к.

Полтава. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 13. Изд. 3-ье, А. С. Панафициной. М. 1909. (16⁰, 66 стр.). Съ рис. Ц. 6 к.

Полтава. Въ память 200-лѣтія знаменитаго Полтавскаго боя. Издание „Голубка“. М. 1909. (32⁰, 79 стр.).

Полтава. Библиотека новой школы подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Изд. И. Д. Сытина. М. 1909. (16⁰, 64 стр.). Ц. 5 к.

Памяти великой Полтавской победы. 1. Полтавская победа Петра Великаго надъ Шведами. Очеркъ А. Подолянина. 2. Полтава. Поэма А. С. Пушкина. Изд. И. Д. Сытина. М. 1909. (8⁰, 119 стр.). Съ рис. Ц. 20 к.

Домикъ въ Коломпѣ. Рассказъ въ стихахъ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 16. Изд. 5-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16⁰, 16 стр.). Съ 1 портр. Ц. 2 к.

Пиръ во время чумы. Драматический очеркъ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 23. Изд. 5-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1908. (16⁰, 15 стр.). Съ портр. Ц. 2 к.

Моцартъ и Сальери. Драматический очеркъ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 21. Изд. 5-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16⁰, 16 стр.). Съ портр. Ц. 2 к.

Анджело. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 18. Изд. 4-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16⁰, 28 стр.). Съ 1 портр. и 2 рис. Ц. 3 к.

Нѣсни западныхъ славянъ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 13. Изд. 4-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16⁰, 40 стр.). Съ 1 портр. и 2 рис. Ц. 4 к.

Скупой рыцарь. Драматический очеркъ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 18. Изд. А. С. Панафиной. М. 1909. (16⁰, 22 стр.). Съ рис. Ц. 2 к.

Скупой рыцарь. Библиотека новой школы подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Для старшихъ. № 11. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. (16⁰, 23 стр.). Ц. 3 к.

Мѣдный всадникъ. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 17. Изд. 8-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1908. (16⁰, 24 стр.). Ц. 3 к.

Мѣдный всадникъ. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 16. Изд. 3-е, А. С. Панафиной. М. 1909. (16⁰, 21 стр.). Съ рис. Ц. 3 к.

Мѣдный всадникъ. Библиотека новой школы. Издание т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. (16⁰, 24 стр.). Съ рис. Ц. 3 к.

Галубъ. Поэма. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 7. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16⁰, 16 стр.). Съ 1 портр. Ц. 2 к.

Маленькие рассказы. (Изъ рассказовъ И. П. Бѣлкина). Безплатное приложение къ журналу „Пробужденіе“. С.-Пб. 1909. (8⁰, 95 стр.).

Повѣсти Бѣлкина. (1. Выстрѣль. — 2. Метель. — 3. Гробовщикъ. — 4. Станціонный смотритель. — 5. Барышня-крестьянка). Иллюстрированная Пушкинская библиотека. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1910. (16⁰, 112 стр.). Съ рис. Ц. 10 к.

Выстрѣль. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1910. (16⁰, 26 стр.). Съ рис. Ц. 3 к.

Метель. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 26. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16⁰, 24 стр.). Ц. 3 к.

Метель. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 27. Изд. 2-ое, А. С. Панафиной. М. 1909. (16⁰, 27 стр.). Съ рис. Ц. 3 к.

Гробовщикъ. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 27. Изд. 5-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1908. (16⁰, 16 стр.). Съ рис. и портр. Ц. 2 к.

Гробовщикъ. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 28. Изд. 2-ое, А. С. Панафиной. М. 1909. (16⁰, 17 стр.). Ц. 2 к.

Станціонный смотритель. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 28. Изд. 5-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909 (16⁰, 24 стр.). Съ 1 портр. и 2 рис. Ц. 3 к.

Станционный смотритель. Повесть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 30. Издание 2-ое, А. С. Панафидиной. М. 1909. (16°, 26 стр.). Съ портр. и рис. Ц. 3 к.

Барышня-крестьянка. Издание Е. Коновалова и К°. М. 1908. (16°, 24 стр.).

История Пугачевского бунта. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 34. Изд. 5-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16°, 160 стр.). Съ 9 рис. и 6 портр. Ц. 20 к.

Пиковая дама. Повесть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 34. Изд. 2-ое, А. С. Панафидиной. М. 1909. (16°, 55 стр.). Съ рис. Ц. 5 к.

Пиковая дама. Повесть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 30. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1910. (16°, 46 стр.). Съ 1 портр. Ц. 5 к.

Дубровский. Изд. И. Д. Сытина. М. 1908. (16°, 96 стр.).

Дубровский. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 26. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1908. (16°, 144 стр.). Съ рис. Ц. 10 к.

Дубровский. Повесть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 31. Изд. 7-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16°, 125 стр.). Съ рис. Ц. 10 к.

Арапъ Петра Великаго. Повесть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 32. Изд. 7-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1910. (32°, 60 стр.). Съ рис. Ц. 6 к.

Капитанская дочка. Повесть (отрывки). Киевъ. 1908. (8°, 66 + XXXII + 4 неи. стр.). Ц. 60 к.

Капитанская дочка. Повесть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 32. Изд. 3-е, А. С. Панафидиной. М. 1909. (16°, 242 стр.). Съ рис. Ц. 20 к.

Всѣ сказки. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 36. Изд. 7-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1910. (16°, 88 стр.). Съ портр. Ц. 10 к.

Сказки. Изд. „Голубка“. М. 1908. (32°, 54 стр.). Ц. 5 к.

Сказка о царѣ Салтанѣ. Изд. Е. Коновалова и К°. М. 1908. (16°, 24 стр.).

Сказка о царѣ Салтанѣ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 8. Изд. 7-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16°, 38 стр.). Ц. 4 к.

Сказка о царѣ Салтанѣ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 2. Изд. 2-ое, А. С. Панафидиной. М. 1909. (16°, 40 стр.). Ц. 4 к.

Сказка о царѣ Салтанѣ. Книжка для чтенія на второмъ году обученія. Библиотека новой школы подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. (16°, 47 стр.). Ц. 4 к.

Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 11. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16°, 12 стр.). Съ портр. Ц. 2 к.

Сказка о мертвомъ царевнѣ и о семи богатыряхъ. Библиотека новой школы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. (16°, 32 стр.). Съ рис. Ц. 3 к.

Сказка о попѣ и работникеъ его Балдѣ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 9. Изд. 6-ое, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1909. (16°, 13 стр.). Съ портр. Ц. 2 к.

Сказка о попѣ и работникеъ его Балдѣ. Иллюстрированная Пушкинская Библиотека. № 3. Изд. 2-ое, А. С. Панафидиной. М. 1909. (16°, 10 стр.). Съ портр. и рис. Ц. 2 к.

II.

Изслѣдованія и статьи о Пушкинѣ.

Г. Н. Геннади. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 годъ. Томъ III. Н—Р. Съ предисловіемъ А. Титова. М. 1908. (О Пушкинѣ на стр. 210—220).

Н. П. Дацкевичъ. „Полтава“ Пушкина. Кіевъ. 1908. (8^о, 15 стр.).

Александръ Сергеевичъ Пушкинъ. 26-го мая 1799 — 19-го января 1837 года. Изд. П. Плахова. Кіевъ. 1908. Съ портр. (8^о, 2 стр.). Ц. 10 к.

Александръ Мошинъ. Новое обѣ 11-ти великихъ писателей. Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. Рассказы очевидцевъ о томъ, какое производили на нихъ впечатлѣніе. И. Крыловъ, А. Пушкинъ, Н. Гоголь и др. Изд. 2-ое, дополненное. С.-Пб. 1908. Ц. 60 к.

С. Бураковский. А. С. Пушкинъ. Біографіческія свѣдѣнія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся. Изд. 9-ое, С.-Пб. 1908. (8^о, 100 стр.). Ц. 60 к.

Характеристики и краткіе разборы сочиненій: Гоголя, Пушкина, Лермонтова. 4 выпуска. С.-Пб. 1908. (4^о, 7 + 4 + 15 + 10 стр.).

Н. И. Дюнкинъ и А. И. Новиковъ. А. С. Пушкинъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Подъ ред. Вл. Рябова. Изд. книжн. магазина И. Загряжского. С.-Пб. 1908. (8^о, 70 стр.). Ц. 25 к.

С. Мамонтовъ. Смерть Пушкина. Драматическія сцены. Изд. и литогр. Радеохина. М. 1908. (8^о, 27 стр.). Ц. 1 р.

Івановъ - Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I. Изд. 2-е, дополнен. С.-Пб. 1908 (Гл. VI. Пушкинъ и Лермонтовъ. (Апогей индивидуализма и антимѣщанства въ художественной литературѣ первой половины XIX в.), стр. 132—169.

Н. М. Мендельсонъ. Очерки по исторіи русской литературы. „Народный Университетъ“ (серія наукъ общественно-гуманитарныхъ). Книгоизд. „Польза“, Антикъ и К°. М. 1908. (Гл. XI. А. С. Пушкинъ. Стр. 77—86).

А. Е. К. Одинъ изъ прототиповъ Пушкинской Татьяны. „Русск. Стар.“ 1908, № 1 (январь), стр. 237—238.

В. Чубаринъ. Предъ монументомъ Пушкина. Стих. — „Кормчій“ 1908, № 5 (26 января), стр. 55.

Неизданное письмо А. С. Пушкина. „Вѣсы“ 1908, № 1 (январь), стр. 70.

А. Смирновъ-Кутачевский. Иванушко-дурачокъ въ художественной литературѣ. Культурная проблема. Пушкинъ, Тургеневъ, Л. Толстой. — „Натуральная“ проблема. „Кассиянъ съ Красивой Мечи“ И. С. Тургенева и т. д. — „Русск. Мысль“ 1908, № 2 (февраль), стр. 52—79.

Д. Фоминъ. Разборъ стихотвореній Пушкина и Лермонтова. „Филол. Запис.“ 1908, № 2, 3, стр. 1—18, 19—40.

П. Устимовичъ. По Пушкинскимъ мѣстамъ. — „Историч. Вѣсти.“ томъ CXI (1908, № 3 — мартъ), стр. 1036—1048.

Отзывы Пушкинскихъ воспитателей о Пушкинѣ. „Женскій Міръ“ 1908, № 8 (прилож. къ журналу „Женщина“ № 15) (№ отъ 15 марта). Смѣсь, стр. 12.

В. А. Розовъ. Пушкинъ и Гёте. Сочиненіе удостоено Историко-Филолог. факультетомъ золотой медали. — „Универс. Извѣстія“ т. XLVIII (1908, № 4 (1 мес. — 1—42 стр.), № 5 (стр. 43—72), № 6 (стр. 73—103), № 7 (стр. 105—152), № 8 (стр. 153—182), № 9 (стр. 183—311) и отдельно: Кіевъ. 1908. (8^о, 4 мес. + 309 + II стр.). Ц. 2 р.

В. Брюсовъ. Неизданные стихи Е. А. Баратынского — „Вѣсы“ 1908, № 5 (май), стр. 53—58 („Посланіе къ Н. И. Гїїдичу“, гдѣ есть строка: „И пошлый Федоровъ и Сомовъ безмундирный“, о чемъ писалъ Пушкинъ бар. А. А. Дельвигу 16-го ноября 1823 года).

Лекціи по русскому языку. Е. Гурьевъ. Исторія русской словесности. (Александръ Сергеевичъ Пушкинъ. 1799—1837). „Самообразованіе“ 1908, № 6 (июнь), стр. 331—336, № 7 (июль), стр. 337—343.

Изъ прошлаго. Новые подробности о поединкѣ А. С.

Пушкина — „Бирж. Вѣд.“ 1908, № 10588 (5 іюля) (по поводу статьи П. Б. въ „Русск. Архивѣ“ 1908, № 7).

Мицкевичъ въ салонѣ княгини Зинаиды Волконской (со снимкомъ картины Мясоѣдова (на 488 стр.) — „Нива“ 1908, № 28 (отъ 12 іюля), стр. 498.

Баронъ Г. В. Розенъ. Письмо въ редакцію (О сгорѣвшемъ въ селѣ Михайловскомъ домѣ Пушкина) — „Новое Время“ 1908, № 11630 (29 іюля).

Н. Керовъ. Гдѣ провелъ свое дѣтство А. С. Пушкинъ? (Письмо въ редакцію) — „Русск. Вѣдом.“ 1908, № 176 (30 іюля), стр. 3.

По поводу пожара въ Михайловскомъ — „Русск. Вѣдом.“ 1908, № 176 (30 іюля), стр. 2.

В. В. Даниловъ. О. М. Сомовъ, сотрудникъ Дельвига и Пушкина (Эпизодъ изъ исторіи русской журналистики). „Русск. Филол. Вѣстн.“ 1908, № 3, 4 (стр. 190—203, 316—331) и отдельно: „Литературные материалы и очерки. 1. О. М. Сомовъ, сотрудникъ Дельвига и Пушкина. 2. Рассказъ Г. И. Успенского „Парамонъ Юродивый“. Варшава. 1908. (8⁰, 47 стр.).

Домъ А. С. Пушкина въ с. Михайловскомъ (Рис. на стр. 582) — „Нива“ 1908, № 33 (16 августа), стр. 581—582.

Евгений Швебдеръ. Маленькие замѣтки — „Псковс. Жизнь“ 1908, № 73 (17 августа), стр. 1.

М. О. Мысли вслухъ. — „Псковс. Жизнь“ 1908, № 76 (27 августа), стр. 1—2.

В. А. Водарский. Уроки объяснительного чтенія („Скупой рыцарь“, Пушкина) — „Филол. Запис.“ 1908, № 5 (стр. 7—11).

Ел. Швебдеръ. Пушкинские ветераны — „Историч. Вѣст.“, т. CXIV (1908, № 10 — октябрь), стр. 134—141; то-же, „Псковс. Жизнь“ 1909, № 151 (23 Мая), стр. 1.

Н. Ф. Быковский. Дѣйствительный прототипъ Пушкин-

ской Татьяны. — „Русск. Стар.“ 1908, № 11 (ноябрь), стр. 491—492.

Отъ Высочайше учрежденной комиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ. — „С.-Петер. Вѣдом.“ 1908, № 264.

С. Н. Браимовский. Къ вопросу о Пушкинѣ плѣядѣ. Историко-литературные материалы и изслѣдованія. 1. Оресть Михайловичъ Сомовъ. — „Русск. Филол. Вѣстн.“ 1908, № 4 (стр. 391—420), 1909, № 1, 2, 3—4 (стр. 51—96, 255—287, 131—173) и отдельно: Варшава. 1909. (8⁰, 151 стр.). Ц. 1 р.

Дѣйствительный прототипъ Пушкинѣ Татьяны. — „Псковс. Жизнь“ 1908, № 109 (20 декабря), стр. 2. (Ср. „Русск. Стар.“ 1908, № 11).

Пушкинъ и его современники. Материалы и изслѣдованія. Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Одѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ ХІІ. С.-Пб. 1909. (8⁰, II пис. (оглавленіе) + 175 стр.).

А. Елаховъ. Пушкинъ какъ эстетикъ. Киевъ. 1909. (8⁰, II + 185 стр.). Ц. 1 р. 50 к.

Д. Н. Овсянко-Куликовский. Собраніе сочиненій. Т. IV. Пушкинъ. С.-Пб. 1909. (8⁰, 214 стр.). Ц. 1 р. 25 к.

С. А. Золотаревъ. Историко-литературные очерки. 1. Пушкинъ и русское общество. — 2. Гоголевская Русь. — 3. И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ. — 4. Философія Л. Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ. С.-Пб. 1909. (8⁰, IV + 175 стр.). Ц. 60 к.

Архивъ Раевскихъ. Томъ II. Издание Н. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзальевскаго. С.-Пб. 1909. (О Пушкинѣ на стр.: V, 1, 6, 7, 8, 12, 83, 97, 101, 104, 107, 122, 172, 190, 192, 195, 221, 226, 232, 233, 234, 241, 242, 246, 311, 313, 314, 323, 328, 330, 332, 333,

334, 339, 344, 345, 346, 347, 348, 356, 459, 460, 461, 462, 512, 558, 611, 612, 613).

Остафьевский Архивъ князей Вяземскихъ, т. V, вып. 1. Подъ ред. П. Н. Шеффера, С.-Пб. 1909 (о Пушкинѣ стр. по указателю).

И. В. П. Въ память 200-лѣтія Полтавскаго боя. „Полтава“. Исторический варіантъ отрывка Пушкинской поэмы. Полтава. 1909. (8⁰, 10 стр.).

Михаилъ Покровский. Пушкинъ и римскіе историки. „Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому“. М. 1909 (стр. 478—486).

Б. А. Майковъ. Александръ Сергеевичъ Пушкинъ. Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся и біографический очеркъ. Изд. „Образованіе“. С.-Пб. 1909. (8⁰, 254 стр.). Ц. 1 р.

Арс. Ио. Введенский. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Изд. 2-е, С.-Пб. 1909 („Литературные типы русской интеллигенціи“, гл. I—X (объ „Евгениѣ Онѣгінѣ“), стр. 227—302).

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-ое. С.-Пб. 1909. (IV. Муки великаго поэта, стр. 465—526).

А. Н. Сальниковъ. Ученическая библиотека. А. С. Пушкинъ. (Біографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній). Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебн. заведеній. Изд. Г. С. Щукермана. С.-Пб. 1909. (8⁰, 139 стр.). Ц. 75 к.

Е. Воскресенский. „Борисъ Годуновъ“ А. С. Пушкина. Разборъ трагедіи. Изд. 4-ое, дополненное, т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. (8⁰, 192 стр.). Ц. 40 к.

Е. Воскресенский. „Евгений Онѣгінъ“ А. С. Пушкина. Разборъ романа. Изд. 3-е. М. 1909. (8⁰, 95 стр.). Ц. 30 к.

Е. Воскресенский. „Полтава“ А. С. Пушкина. Разборъ поэмы. Изд. 3-е, М. 1910. (8⁰, 71 стр.). Ц. 20 к.

С. Судіенко. Тайна поэмы А. С. Пушкина „Евгений Онѣгінъ“. Тверь. 1909. (16⁰, 27 стр.). Ц. 10 к.

В. В. Сиповский. Исторія русской словесности. Ч. 3, вып. 1. Новая русская литература (Пушкинъ. Гоголь. Бѣлинскій). Изд. 2-ое, бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1909. (8⁰, XIII + 255 стр.). Ц. 1 р. 20 к.

З. Немировъ. Сочиненія и планы. Ч. 3, вып. 1. Пушкинъ. Гоголь. Лермонтовъ. С.-Пб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

В. Острогорский. Этюды о русскихъ писателяхъ. Очерки Пушкинской Руси (I. Природа. II. Крестьяне. III. Господа. IV. Русская женщина). Изд. 3-е. М. 1909. (8⁰, 68 стр.). Ц. 20 к.

А. А. Венкстернъ. А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. М. 1909. (8⁰, 178 стр.). Ц. 50 к.

В. П. Авенааріусъ. А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ. Изд. П. В. Луковникова. С.-Пб. 1909. (8⁰, 56 стр.). Съ портр. и рисун. Ц. 15 к.

В. П. Авенааріусъ. Отреческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть. Изд. 6-ое, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1909. (8⁰, 231 стр. + 9 рис.). Ц. 1 р. 25 к.

Евгений Шведеръ. Въ Пушкинскомъ уголкѣ. Съ 3 рис. Въ сборникѣ „Дорогія мѣста“. Подъ редакц. И. А. Бѣлоусова. Изд. книгоиздательства для дѣтей „Утро“. М. 1909. (стр. 5—24).

И. Бѣлоусовъ. Пушкинъ въ Гурауфѣ (съ 3 рис.) ibid. (стр. 50—55).

И. Бѣлоусовъ. Въ Остафьевѣ. (Съ 2 рис.) ibid. (стр. 56—59).

В. И. Сидоровъ. Поэтъ Пушкинъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. С.-Пб. 1910. (8⁰, 32 стр.). Ц. 50 к.

Н. Лернеръ. „Загадочное“ стихотвореніе Пушкина. — „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1909, № 1 (январь), стр. 99—105.

Гр. В. Мусинъ-Пушкинъ. Несостоявшаяся дуэль Пуш-

кина въ 1827 г. (Замѣтка къ статьѣ Н. Лернера). — „Русск. Стар.“ 1909, № 1 (январь), стр. 191—192. (Статья Н. Лернера — въ „Русск. Стар.“ 1907, № 7).

A. M. Евлаховъ. Къ вопросу о Пушкинѣ, какъ эстетикѣ. — „Труды Киев. Дух. Акад.“ 1909, № 1, 2, 4 (январь, февр., апрѣль), стр. 79—135, 267—310, 505—536.

Вл. Штепенко. Гдѣ же правда о „Борисѣ Годуновѣ“ — у Пушкина или у критиковъ его трагедіи? — „Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1909, № 1 (Педагогический отдѣлъ), стр. 1—15.

Отъ Высочайше утвержденной Коммиссии по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ. „Историч. Вѣстн.“ 1909, № 1 (январь). Смѣсь, стр. 415—417.

Годовое общее собраніе Пушкинского Лицейского Общества. — „Новое Время“ 1909, № 11821 (7 февраля).

Пушкинское Лицейское Общество. — „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1909, № 30 (7 февраля).

Новые данныя о дуэли Пушкина. — „Новое Время“ 1909, № 11822 (9 февр.).

Колонія имени А. С. Пушкина. — „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1909, № 34 (13 февр.).

С. Н. Браиловскій. „Мѣдный Всадникъ“ А. С. Пушкина въ освѣщеніи польского ученаго. — „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“ 1909, № 3 (мартъ), стр. 145—175 (о книгѣ Третьяка: „Мицкевичъ и Пушкинъ“).

Пушкинское Лицейское Общество. — „Истор. Вѣстн.“ 1909, № 3 (мартъ), смѣсь, стр. 1247—1248.

Н. Анненкова-Бернард. Домъ имени Пушкина. — „Псков. Жизнь“ 1909, № 129 (4 марта), стр. 1.

Ю. Пушкинъ. Гоголь и Растворяева улица. *ibid.*, № 131 (11 марта), стр. 1.

Ив. Щегловъ. Пушкинъ у Гоголя на Мѣщанской. „Слово“ 1909, № 741.

Л. Гуревичъ. Гоголь и Пушкинъ. „Слово“ 1909, № 742.

Столѣтіе со дня рожденія Н. В. Гоголя (Пушкинъ о Гоголѣ. Гоголь о Пушкинѣ). — „Петерб. Листокъ“ 1909, № 76 (19 марта), стр. 3.

N. Лернеръ. Замѣтки о Пушкинѣ. I. О „молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“. II. Кольцо Зеленої Ламы. III. Письмо Пушкина о началѣ греческаго восстанія. IV. Два объясненія. — „Русск. Стар.“, томъ СХХХVII (1909, № 4, апрѣль), стр. 192—210.

Памятникъ А. С. Пушкину. — „Историч. Вѣстн.“ 1909, № 4 (апрѣль), смѣсь, стр. 388.

H. Лернеръ. Изуродованный „Онѣгинъ“. — „Вѣстн. Литер.“, Издание т-ва М. О. Вольфъ. 1909, № 4 (апрѣль), стр. 89—93.

Приобрѣтеніе архива Онѣгина. — „Новое Время“ 1909, № 11887 (17 апрѣля), стр. 4.

Керузамо. Маленький фельетонъ. Современный Русланъ безъ Людмилы. Прологъ. Стих. — „Псковс. Голосъ“ 1909, № 31 (21 апрѣля), стр. 1—2.

H. Анненкова-Бернард. Во славу безсмертнаго. — „Псков. Жизнь“ 1909, № 144 (29 апрѣля), стр. 1.

Пушкинъ въ послѣдніе дни свои. Письмо къ нему В. А. Жуковскаго. — „Русск. Арх.“ 1909, № 5 (май), стр. 152—157.

Ю. М. Многострадальная рукопись. „Голосъ Москвы“ 1909, № 108 (15 мая).

Эхинъ. На могилѣ Пушкина. — „Псковс. Жизнь“ № 151 (23 мая), стр. 1—2.

B. В. Калашъ. Замѣтки о Крыловѣ. I. Источникъ одного устнаго аполога Крылова. — II. Любовь Крылова. — III. Острота Крылова. — „Русск. Арх.“ 1909, № 6 (июнь), стр. 193—194. (Въ оглавлѣніи первая замѣтка значится: „Крыловъ о Пушкинѣ“).

Литературная колонія въ с. Михайловскомъ. — „Извѣ-

стія книжн. магазиновъ т-ва М. О. Вольфъ" 1909, № 6 (июнь), стр. 99.

Въ с. Михайловскомъ (О закладкѣ дома Пушкина). „Рѣчъ" 1909, № 151 (5 июня).

Черточка къ біографії Пушкина. (Кто-то изъ Парижа отъ 8 (20) декабря 1829 года писалъ къ П. А. Муханову). — „Русск. Арх." 1909, № 7 (июль), стр. 539. Поправка Н. Лернеръ — въ „Русск. Арх." 1909, № 10 (октябрь), стр. 192.

Десятилѣтіе Пушкинского Общества. — „Историч. Вѣсти." 1909, № 7 (июль), смѣсь, стр. 367—368.

О. В. Неопубликованное письмо А. С. Пушкина къ В. П. Зубкову. — „Русск. Вѣдом." 1909, № 157 (10 июля), стр. 3.

Б. И. Чернышевъ. Пушкинъ и его издатели-редакторы. — „Журн. Мин. Нар. Просв." 1909, № 9 (сентябрь), стр. 60—83.

С. Ф. Либровичъ. Неизвѣстные автопортреты Пушкина (съ рис.). — „Вѣсти. Литер." . Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. 1909, № 9 (сентябрь), стр. 209—211.

Викторъ Русаковъ. Первый крупный литературный гонораръ въ Россіи. Замѣтка. — ibid., № 9 (сентябрь), стр. 221—224.

Н. Кузьмина. Пушкинскій лицейскій музей (Къ 30-лѣтію существованія). — „Петерб. Листокъ" 1909, № 258 (20 сентября), стр. 3.

La—mi. Театръ и музыка. Народный домъ. „Кавказскій плѣнникъ" Ц. Кюн. — „Рѣчъ" 1909, № 265 (27 сентября).

Н. Лернеръ. Еще къ вопросу о Пушкинскомъ литературномъ гонорарѣ. Замѣтка. — „Вѣсти. Литер." . Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. 1909, № 10 (октябрь), стр. 241—244.

О Пушкинѣ. — „Новая Русь" 1909, № 274 (6 октября), стр. 5.

Новонаайденные статьи Пушкина. — ibid., № 274, стр. 5.

Изъ Литературнаго Архива. — „Новая Русь" 1909, № 281 (13 октября), стр. 5. (Вариантъ послѣдней строчки въ пьесѣ: „Я здѣсь, Инезилья...").

К. Громъ. Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ. „Новое Время" 1909, № 12071 (19 октября) стр. 2 и отдельно: С.-Пб. 1909. (8⁰, 20 стр.).

П. „Онѣгинское" собраніе рукописей Пушкина. — „Новая Русь" 1909, № 295 (27 октября), стр. 5.

К.—из. Еще о Пушкинскихъ мѣстахъ. — „Историч. Вѣсти." 1909, № 11 (ноябрь), стр. 581—594.

Пушкинская опека. — „Русск. Слово" 1909, № 252 (3 ноября), стр. 3 (объ архивѣ Опеки, приобрѣтенномъ А. А. Бахрушинымъ).

Пушкинская опека. Неизданные документы изъ „Дѣла объ учрежденіи опеки надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина". Изъ театральнаго музея А. А. Бахрушина. (См. № 252 „Русскаго Слова"). „Искры" 1909, № 45 (15 ноября), стр. 356—357.

Ю. М[орозов]. Новое о Пушкинѣ. — „С.-Петербург. Вѣдом." 1909, № 261 (20 ноября), стр. 4 (О приобрѣтеніи для Академіи Наукъ Пушкинского музея Онѣгина въ Парижѣ).

Андрей Сиротининъ. Две замѣтки къ сочиненіямъ Пушкина („Скупой Рыцарь" и „Мѣдный Всадникъ"). — „Русск. Арх." 1909, № 11 (ноябрь), стр. 222—236.

Н. Лернеръ. Изъ семейной драмы Пушкина. — ibid. стр. 237—240.

Пушкинская опека. „Русск. Слово" 1909, № 269 (24 ноября), стр. 4—5 (интервью съ Б. Л. Модзалевскимъ).

Московская хроника. Разныя извѣстія. — „Новое Время" 1909, № 12108 (25 ноября), стр. 2 (О просмотрѣ Б. Л. Модзалевскимъ въ Музѣи А. А. Бахрушина бумагъ опеки дѣтей Пушкина).

Н. О. Лернеръ. По поводу одного портрета — „Вѣсти.

Литер.“ Издание т-ва М. О. Вольфъ 1909, № 11—12 (ноябрь—декабрь), стр. 276.

Юр. Морозовъ. Рыночная литература.— „С.-Петер. Вѣдом.“ 1909, № 273 (5 декабря), стр. 2 (Объ объявленіи журнала „Нева Золотая“, обѣщающей дать въ видѣ приложения къ журналу собраніе сочиненій А. С. Пушкина „безъ всякихъ сокращеній по изданію Имп. Акад. Наукъ, подъ редакціей академиковъ Майкова и Якунчикова“).

А. Артемьевъ. Новооткрытые страницы Пушкина.— „Новая Русь“ 1909, № 351 (22 декабря), стр. 6.

О. В—из. Современники о смерти А. С. Пушкина.— „Рѣчь“ 1909 г., № 354 (25 декабря), стр. 2 (по поводу „Архива Раевскихъ“, т. II, подъ ред. Б. Л. Модзалевского).

Послѣдніе дни Пушкина.— „Свободное Слово“ (Варшава), дек. 1909; перепечатки въ „Утре“ (Харьковъ), 1909, 31 дек., № 930, „Голосъ Правды“ 6 янв. 1910, № 1317, „С.-Пб. Вѣд.“ 20 янв. 1910 г., № 15 и др. (Записка д-ра И. Спасскаго о предсмертной болѣзни и смерти Пушкина).

III.

Переводы сочинений А. С. Пушкина.

Alex. Puschkin. Pique-Dame. Novellen. Aus dem Russ. uebertr. u. eingeleitet v. Fred. M. Balte. Mit Illustr. v. F. Koch. 287. S. № 25. Bücher die des deutschen Hauses. Hrsg. v. Rud. Presber. I. Theil. Kl. 8°. Berlin. Buchverlag fürs deutsche Haus. Ц. 75 пф.

A. Puschkin. Die Kapitänstochter. Erzählung aus dem Leben e. russ. Hauptmannstochter. Nach dem Russ. f. die Jugend — bearb. Dr. Frida Ischak. Mit e. Titelbilde v. E. Fiedler. 96 S. № 26. d. 1001. Erzählungen f. Jung u. Alt. Kl. 8°. Berlin, H. Hülger. 1908. Ц. 20 пф.

A. С. Пушкинъ. Ташъ кунакъ. Каменный гость. Повѣсть. Перевелъ на татарскій языкъ *Идрисъ Байдановъ*. Изд. магаз. „Шаркъ“. Казань. 1908. (8°, 23 стр.).

A. С. Пушкинъ. „Буранъ“, „Метель“. Перевелъ на татарскій языкъ *А. М. Ганидовъ*. Изд. А. Хазани и К^о. Казань. 1909. (8°, 28 стр.).

A. С. Пушкинъ. „Алеко яки чиганляр“. Алеко или цыганы. Перевелъ на татарск. языктъ *С. Рахманкуловъ*. Казань. 1909. (16°, 22 стр.).

IV.

Пушкинъ въ музыке.

Бобришевъ-Пушкинъ. „Зимній вечерь“. Поэзія А. С. Пушкина, С.-Пб. 1908. (4°, 7 стр.). Ц. 50 к.

К. М. Галковскій. Цыганская пѣсня. Слова А. Пушкина. Издание „Нева“. С.-Пб. 1908. (4°, 3 стр.). Ц. 40 к.

А. Глуховцовъ. Два романса для одного голоса съ сопровождениемъ фортепіано. № 1. „Мнѣ вѣсъ не жаль“. Слова Пушкина. Изд. Н. Юргенсона. М. 1908. (4°, 5 стр.). Ц. 30 к.

А. Де-Буръ. Иять романсовъ. № 2. „Ужъ я не тогъ.“ Для высокаго голоса. Слова А. Пушкина. Изд. Н. Юргенсона. М. 1908. (4°, 3 стр.). Ц. 30 к.

А. Затаевичъ. Птичка. Пѣсня. Слова А. С. Пушкина. Изд. Н. Юргенсона. М. 1908 (4°, 5 стр.). Ц. 40 к.

Н. Ладухинъ. Три ключа. Для смѣшанныхъ голосовъ и capella. Текстъ А. Пушкина. Изд. Н. Юргенсона. М. 1908. (8°, 5 стр.). Ц. 30 к.

Н. Потоловскій. Два хора. Для женскихъ голосовъ. Черкесская пѣсня. Слова А. Пушкина. Изд. Н. Юргенсона. М. 1908. (8°, 7 стр.). Ц. 40 к.

А. Рубинштейнъ. Ночь. Слова А. С. Пушкина. Изд. Бесселя. С.-Пб. 1908. (4°, 7 + 2 + 2 стр.). Ц. 75 к.

Н. Римскій-Корсаковъ. Золотой пѣтушокъ. Небылица въ лицахъ. Опера въ 3 дѣйствіяхъ. Слова В. Бѣльского (по Пушкину). Изд. П. Юргенсона. М. 1908. (4⁰, 206 стр.). Ц. 8 р.

В. Бѣльский. Золотой Пѣтушокъ. Небылица въ лицахъ. Опера въ 3 дѣйств. Н. Римскаго-Корсакова (по Пушкину). Изд. П. Юргенсона. М. 1908. (8⁰, 47 стр.). Ц. 50 к.

Борисъ Годуновъ. Опера въ 4-хъ дѣйств. съ прологомъ. Либретто по А. С. Пушкину. Музыка П. М. Мусорского. Содержаніе оперы съ сохраненіемъ текста главныхъ арій. Изд. С. М. Богуславскаго. Кіевъ. 1908. (16⁰, 15 стр.).

Мазепа. Опера въ 3-хъ дѣйств. Либретто по поэмѣ А. С. Пушкина. Музыка П. И. Чайковскаго. Содержаніе оперы съ сохраненіемъ текста главнѣйшихъ арій. Изд. С. М. Богуславскаго. Кіевъ. 1908. (16⁰, 15 стр.).

Русалка. Опера въ 4-хъ дѣйств. Либретто по поэмѣ А. С. Пушкина. Музыка А. С. Даргомыжскаго. Краткое содержаніе оперы съ сохраненіемъ текста главныхъ арій. Изд. С. М. Богуславскаго, Кіевъ. 1908. (16⁰, 15 стр.).

Русланъ и Людмила. Большая волшебная опера въ 5 дѣйств. Либретто по поэмѣ А. С. Пушкина. Музыка М. И. Глинки. Содержаніе оперы съ сохраненіемъ текста главныхъ арій. Изд. С. М. Богуславскаго. Кіевъ. 1908. (16⁰, 16 стр.).

Дубровскій. Опера въ 4 дѣйств. Либретто по А. С. Пушкину. Музыка Э. Ф. Направника. Содержаніе оперы съ сохраненіемъ текста главныхъ арій. Изд. С. М. Богуславскаго. Кіевъ. 1908. (16⁰, 16 стр.).

И. Айсбергъ. На холмахъ Грузіи А. С. Пушкина. Изд. В. Бессель и К°. С.-Пб. 1909. (4⁰, 3 стр.). Ц. 30 к.

С. Гилевъ. Чёркесская пѣсня (дуэтъ). Слова А. С. Пушкина. Изд. Ю. Г. Циммерманъ. С.-Пб. 1909. (4⁰, 5 стр.). Ц. 50 к.

М. В. Ивановъ-Борецкий. Три пѣсни для баса. Вакхическая пѣсня. Слова А. С. Пушкина. Изд. А. Зейвангъ. М. 1909 (4⁰, 5 стр.). Ц. 50 к.

— Три пѣсни для баса. Поминанье. Слова А. С. Пушкина. Изд. А. Зейвангъ. М. 1909 (4⁰, 5 стр.). Ц. 50 к.

М. Слоновъ. Зимній вечеръ. Слова А. С. Пушкина. Изд. П. Юргенсона. М. 1909 (4⁰, 7 стр.). Ц. 40 к.

С. Таньевъ. Тихой ночью. Слова А. С. Пушкина. Изд. П. Юргенсона. М. 1909 (4⁰, 6 стр.). Ц. 30.

П. Чесноковъ. Демонъ. Слова А. Пушкина. Изд. П. Юргенсона. М. 1909 (4⁰, 5 стр.). Ц. 40 к.

М. Д. Шишкинъ. Пѣсенка. Слова А. С. Пушкина. Изд. „Экономикъ“. С.-Пб. 1909 (8⁰, 3 стр.). Ц. 10 к.

М. И. Мусорскій. Борисъ Годуновъ. Народная музыкальная драма въ 4-хъ дѣйств. съ прологомъ (по Пушкину и Карамзину), въ обработкѣ и инструментовкѣ Н. А. Римскаго-Корсакова. Изд. В. Бесселя. С.-Пб. 1900 (4⁰, 215 стр.). Ц. 2 р.

Борисъ Годуновъ. Опера въ 4-хъ дѣйств. и 9 карт. съ прологомъ. Музыка М. П. Мусоргскаго. Либретто по А. С. Пушкину. Изд. З. М. Сахнина. Кіевъ. 1909 (16", 30 стр.).

П. И. Чайковскій. Евгений Онѣгинъ. Лирическія сцены въ 3-хъ дѣйств. Либретто по А. С. Пушкину. Содержаніе оперы съ содержаніемъ текста главныхъ арій. Изд. 2-е, С. М. Богуславскаго. Кіевъ. 1909 (16⁰, 16 стр.).

И. К. Вержбицкій. Опера Никовая Дама, муз. П. И. Чайковскаго. Либретто по А. С. Пушкину. С.-Пб. 1909 (16⁰, 26 стр.). Ц. 25 к.

И. К. Вержбицкій. Русланъ и Людмила. Опера. Муз. Глинки. Изд. Вержбицкаго и Григорьева. С.-Пб. 1907. (16⁰, 21 стр.). Ц. 25 к.

С. Рахманиновъ. Алеко. Опера въ 1 дѣйств. Либретто

по поэмѣ Пушкина „Цыганы“ В. И. Немировича-Данченко. Изд. З. М. Сахнина. Кіевъ. 1909. (8⁰, 12 стр.).

Золотой Рѣтушокъ. Опера въ 3-хъ дѣйств. Римскаго-Корсакова (Либретто). С.-Пб. 1909. (16⁰, 8 стр.).

V.

Рецензіи.

Рец. на книгу „В. В. Сиповскій. Пушкинъ. Жизнь и творчество. С.-Пб. 1907“. — „Истор. Вѣстн.“ т. CXI (1908 № 1 — январь), стр. 321—323. *Н. О. Лернера*.

Рец. на книгу „Н. А. Котляревскій. Литературные направления Александровской эпохи. С.-Пб. 1907“. — „Минувшие годы“ 1908, № 2 (февраль), стр. 318—319. *Д. П. Сильчевская*. То-же „Соврем. Міръ“ 1908, № 4 (апрѣль), стр. 107—108. *С. Ашевскаго*. То-же „Русск. Мысль“ 1908, № 5 (май), стр. 99—100. *А. Е. Грузинскаго*.

Рец. на II-й томъ Академического издания переписки Пушкина. „Вѣстн. Евр.“ 1908, № 6 (июнь), стр. 828—830. То-же „Русск. Филол. Вѣстн.“ 1908, № 3. (стр. 232). То-же „Филол. Записки“ 1909, № 1 (стр. 1—2).

Рец. на I и II тома Изданія Брокгаузъ-Ефрона Сочинений Пушкина, подъ редакц. С. А. Венгерова. „Соврем. Міръ“ 1908, № 11 (ноябрь), стр. 157—162. *В. Водовозова*. То-же на II томъ. — „Вѣстн. Евр.“ 1908, № 10 (октябрь), стр. 780—783. То-же „Русск. Мысль“ 1908, № 11 (ноябрь), стр. 233—235. *А. Е. Грузинская*. То-же на II и III тома — „Вѣсы“ 1909, № 8 (августъ), стр. 63—68. *Б. Садовскаго*. То-же „Истор. Вѣстн.“ 1910, № 1 (январь), стр. 327—330. *М. Б.* То-же на III томъ. — „Ізвѣстія книжн. магазина т-ва М. О. Вольфъ“ 1909, № 7 (июль), стр. 129—130. То-же „Новая Русь“ 1909, № 253 (15 сентября).

Рец. на V-й выпускъ сборника „Пушкинъ и его современники“. — „Русск. Стар.“ 1908, № 1 (январь), об-

ложка. *Н. Л.* То-же „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1908, № 3 (маргъ) въ отдѣлѣ „Книжныя новости“, стр. 227—228. То-же на VI вып.— „Вѣстн. Евр.“ 1908, № 7 (июль), стр. 328—330. То-же на VIII вып.— „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1909, № 7 (июль), стр. 216—218. То-же на XII вып. — „Рѣчь“ 9 дек. 1909, № 338. То-же „Утро Россіи“ 10 дек. 1909. То-же „Вечерн. Петерб.“ 11 дек. 1909. То-же „Нов. Бр.“ 12 дек. 1909, № 12125. То-же „Нов. Бр.“ 16 дек. 1909, № 12129 (письмо въ редакцію Б. Л. Модзалевскаго).

Рец. на изданіе Р. Голике и А. Вильборга „Евгений Онѣгінъ“ съ рисунками Е. П. Самокишъ-Судковской. — „Вѣстн. Литер.“ (Издание т-ва М. О. Вольфъ) 1908, № 9, сентябрь (стр. 187—192), съ 6 рис. *Лук. Сильнало*. То-же „Нива“ 1908, № 40 (4 октября), стр. 685, съ 4 рис.

Рец. на изданіе Пушкинского Лицейского Общества „Бахчисарайскій фонтанъ“. — „Нива“ 1909, № 30 (25 июля), стр. 532 (съ 4 рис.).

Рец. на I томъ „Архивъ Раевскихъ“ (С.-Пб. 1908). — „Правит. Вѣстн.“ 1908, № 274. То-же „Москов. Вѣдом.“ 1908, № 286. То-же „Русск. Инал. (Литерат. прибавленія)“ 1908, № 39. *М. К. Соколовская*. То-же „Русск. Арх.“ 1908, № 12 (декабрь), обложка. *Н. Еартенева*. То-же „Вѣсы“ 1908, № 12 (декабрь), стр. 62—65. *Н. Лернера*. То-же „Русск. Стар.“ 1909, № 4 (апрѣль), обложка. *Н. Л.* То-же на II-й томъ — „Рѣчь“ 1909, № 354 (25 декабря), 2 стр. *О. В-нз*.

Рец. на книгу „Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. С.-Пб. 1907“. — „Русск. Стар.“ 1908, № 1 (январь), обложка. *Н. Л.*

Рец. на книгу „Ю. Айхенвальдъ. Пушкинъ“ — „Вѣсы“ 1909, № 7 (июль), стр. 93—94. *И. Голова*. То-же „Правит. Вѣстн.“ 1908, № 243 (7 ноября), стр. 4. *Л.*

Рец. на книгу „М. К. Лемке. Николаев. жандармы и литература 1826—1855 гг.“ — „Вѣстн. Евр.“ 1908, № 1 (ян-

варь), стр. 908. То-же „Образованіе“ 1908, № 1 (январь), стр. 151—153. То-же „Минувші Годы“ 1908, № 2 (февраль), стр. 314—318. *Л. Щ.* То-же „Русск. Богат.“ 1908, № 2 (февраль), стр. 214—215. То-же „Вѣсы“ 1908, № 3 (мартъ), стр. 95—99. *Вл. Каллаша.*

Рец. на брошюру *П. Е. Щеголевъ*. „А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 г. С.-Пб. 1909“. — „Истор. Вѣстн.“ 1908, № 8 (августъ), стр. 690. *Н. Л.*

Рец. на книгу *А. Евлаховъ*. „Пушкинъ, какъ эстетикъ. Киевъ. 1909“ — „Критич. Обозр.“ 1909, № 5 (сентябрь), стр. 42—45. То-же „Истор. Вѣстн.“ 1910, № 1 (январь), стр. 324. *М. Б.*

Рец. на книгу *В. А. Розовъ*. „Пушкинъ и Гете“ — „Правит. Вѣстн.“ 1908, № 168 (1 августа), стр. 4. *Ив. Кузбасовъ*.

Рец. на книгу *В. Острогорскій*. „Этюды о русскихъ писателяхъ. Очерки Пушкинской Руси“. — „Русск. Филол. Вѣстн.“ 1909, № 2 (Педагогич. Отдѣлъ), стр. 113—114. *В. А. Истомина*. То-же „Русск. Школа“ 1909, № 10 (октябрь), стр. 13—14. *А. Налимова.*

Рец. на книгу *С. Н. Ераиловскій*. Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ — „Новое Время“ (Иллюстр. приложение) 1909, № 12090 (7 ноября), стр. 11. *Юна*. То-же „Ізвѣстія книжн. магазиновъ т-ва М. О. Вольфъ“ 1909, № 11—12 (стр. 197—198). То-же „Истор. Вѣстн.“ 1909, № 12 (декабрь), стр. 1148. *Л.*

Рецензія на статью *Сиротинина* „А. Пушкинъ и славяне“ („Истор. Вѣстн.“ 1909, февр.). *Л. Лобова* — „Славян. Извѣстія“ 1909, стр. 283—284.

Пр. Дигакторскій.

Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина¹⁾.

I.

Съ большимъ интересомъ своевременно прочелъ я небольшую статью М. О. Гершензона о сѣверной любви Пуш-

1) Всѣ ссылки на рукописи Пушкина и заключенія, на нихъ опираю-щіяся, сдѣланы въ этой статьѣ на основаніи непосредственного изученія рукописей. Источники свѣдѣній о рукописяхъ, мнѣ недоступныхъ, всякой разъ точно указываются. Считаю долгомъ выразить живѣйшую благодарность С. А. Венгерову, давшему мнѣ возможность изучать рукописи, хранящіяся въ Московскомъ Румянцовскомъ Музѣѣ, по прекраснымъ фотографіямъ, ему принадлежащимъ. Ссылки на старинные журналы и альманахи, въ коихъ впервые появлялись стихотворенія Пушкина, а также на различные изданія его сочиненій, дѣлаются по подлинникамъ.

Изданія сочиненій Пушкина цитируются кратко лишь указаніемъ редактора, а, где этого недостаточно, и издателя: такъ „Пушкинъ — Ефремовъ — Суворинъ“ означаетъ „Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина“. Письма Пушкина и къ Пушкину цитируются по академическому изданію (Сочиненія А. С. Пушкина. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова т. I и II); указывая дату письма, опускаю точное указаніе страницъ этого изданія. Ссылки на описание рукописей Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ Музѣѣ, сдѣланное В. Е. Якушкинымъ и напечатанное въ „Русской Старинѣ“ за 1884 годъ, дѣлаются кратко: Якушкинъ, Описаніе, мѣсяцъ, страница. Краткія указанія: Аниенковъ, Материалы и Майковъ, Материалы означаютъ извѣстнія книги И. В. Аниенкова (А. С. Пушкинъ, Материалы для біографіи и оцѣнки его произведеній, С.-Пб. 1878) и Л. Н. Майкова (Материалы для академического изданія сочиненій А. С. Пушкина, С.-Пб. 1902). Книгу Н. О. Лернера. „Труды и дни А. С. Пушкина, 2-ое изд., С.-Пб. 1910“ цитирую кратко „Лернеръ, страница“.

кина¹⁾). Вопросы, имъ поднятые, важны и любопытны для ученаго, занимающагося Пушкинымъ, и если бы выводы и предположенія Гершензона оказались справедливыми, то въ исторіи жизни и творчества Пушкина прибавилась бы новая страница.

Вотъ положенія Гершензона въ сжатомъ видѣ и въ собственныхъ его выраженіяхъ. Еще до невольной высылки изъ Петербурга въ маѣ 1820 года Пушкинъ томился свѣтской, столичной жизнью, тайно изнывалъ въ „суетныхъ оковахъ“—онъ жаждалъ свободы. И несмотря на то, что изъ Петербурга онъ удаленъ принудительнымъ образомъ, ему кажется, что онъ самъ бѣжалъ въ поискахъ свободы и свѣжихъ впечатлѣній. Но вырвавшись на свободу хотя бы и такимъ образомъ, онъ испытывалъ полную апатію, былъ недоступенъ какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ. Безчувственность, омертвѣлость духа въ первое время его ссылки сказывалась и временной утратой поэтическаго вдохновенія. Въ глубинѣ же души онъ въ эти самые дни лелѣялъ какое то живое и сильное чувство. Пушкинъ вывезъ изъ Петербурга любовь къ какой-то женщинѣ, и эта любовь жила въ немъ на югѣ еще долго, во всякомъ случаѣ до Одессы. Предметомъ этой сѣверной любви Пушкина на югѣ, по предположенію Гершензона, была княгиня Марья Аркадьевна Голицына, урожденная Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса. „Въ пе-

Иаконецъ, упоминаемая и цитируемая въ текстѣ письма А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому и обратно, хранящаяся въ Тургеневскомъ Архивѣ, появится въ печати въ изданіи Академіи Наукъ „Тургеневский Архивъ“ подъ ред. Н. К. Кульмана, котораго благодарю за предоставление въ мое распоряженіе корректурныхъ листовъ этой переписки.

1) „Вѣстникъ Европы“ 1908, январь, стр. 275—302. За краткостью статьи отдельныхъ ссылокъ на страницы не привожу. Надѣюсь на то, что М. О. Гершензонъ въ другое время не постыгутъ на меня, опускаю при повтореніи ихъ фамилій обычную букву Г. и инициалы, дабы не усложнять работы наборщика.

репискѣ Пушкина — говоритъ Гершензонъ — нѣтъ никакого намека на его отношенія къ ней или къ ея семье, біографы Пушкина ничего не говорятъ о ней. Свѣдѣнія которыхъ намъ удалось собрать о ней, скучны. Она родилась 26 февраля 1802 года: значитъ, въ моментъ ссылки Пушкина, ей было 18 лѣтъ. Она вышла замужъ 9 мая 1820 года, т. е. дня черезъ три послѣ высылки Пушкина, за князя Мих. Мих. Голицына, и умерла она въ 1870 году. Вотъ все, что мы о ней знаемъ*. Считая несомнѣнно относящимися къ ней три стихотворенія Пушкина („Умолкну скоро я“... 1821 года; „Мой другъ, забыты мной“ 1821 г.; „Давно о ней воспоминанье“... 1823 г.), Гершензонъ пользуется ими для уясненія личности женщины, которую любилъ Пушкинъ, и характера самой его любви. Прилагая добытые имъ выводы о душевномъ состояніи Пушкина въ первое время ссылки на Кавказъ и въ Крыму къ „Кавказскому Плѣннику“, Гершензонъ находитъ, что весь психологический сюжетъ этой поэмы исчерпывается тѣмъ тремя элементами, которые преобладали въ эту пору въ самомъ Пушкинѣ. Это: 1) чувство свободы и увѣренность, что онъ самъ бѣжалъ отъ стѣснительныхъ условій и оковъ; 2) нравственная омертвѣлость, невоспріимчивость къ радостному чувству; 3) тоска и нѣга по давней и нераздѣленной любви. Этой сѣверной любовью вдохновлялась поэзія Пушкина на югѣ цѣлыхъ два года, ею внушенъ былъ не только „Кавказскій Плѣнникъ“, но и „Бахчисарайскій Фонтанъ“. „Чуднымъ свѣтомъ—пишетъ Гершензонъ—озаряется для насъ творчество поэта—мы нисходимъ до таинственныхъ источниковъ вдохновенія“.

Изъ этого коротенькаго изложенія взглядовъ Гершензона видна ихъ первостепенная важность для исторіи жизни и творчества поэта, и это обстоятельство обязываетъ съ тѣмъ большими вниманіемъ и осторожностью провѣрить факты, наблюденія и разсужденія Гершензона.

Пушкиновѣдѣніе давно ощущаетъ потребность въ синтезѣ; на встрѣчу этой потребности идетъ попытка Гершензона. Но другая, столь же необходимая задача пушкинскихъ изученій — критическое разсмотрѣніе уже вошедшаго въ обиходъ материала, критическое выясненіе происхожденія тѣхъ или иныхъ утверждений, обычно повторяющихся и въ изданіяхъ сочиненій поэта, и въ изслѣдованіяхъ о немъ. Такъ называемая Пушкинская литература довольно велика и обильна, но духъ критицизма, отличающей научный характеръ работы, чуждъ ей: исключенія крайне малоочисленны. Мы должны отдать отчетъ въ нашихъ знаніяхъ о жизни и творчествѣ поэта и разжаловать многія біографіческія, текстуальная и историко-литературная утверждения изъ ихъ догматического сана; само собой понятно, осложненіе старыхъ легендъ и предположеній новыми, собственного изобрѣтенія, только задерживаетъ научное изученіе Пушкина. Но не будетъ ли синтезъ Гершензона новой легендой?

II.

Работая надъ біографіей Пушкина, я уже давно обратилъ вниманіе на эпизодъ отношеній Пушкина къ княгинѣ М. А. Голицыной и на стихотворенія, связываемыя съ ея именемъ. Теорія отайной и исключительной любви поэта именно къ ней была выдвинута еще въ 1882 году покойнымъ А. И. Незеленовымъ въ его книжѣ о Пушкинѣ¹⁾. По существу о взглядахъ Незеленова намъ придется еще сказать при разборѣ разсужденій Гершензона. Естественно было, конечно, обратиться за разрѣшеніемъ вопроса или, по крайней мѣрѣ, хоть за его освѣщеніемъ къ біографическимъ даннымъ обѣ этой женщинѣ. Біографы

и издатели Пушкина, дѣйствительно, ограничиваются сообщеніемъ тѣхъ дать, которые суммировалъ Гершензонъ, но все же въ печатной литературѣ найдется нѣсколько свѣдѣній о ней, не привлекавшихъ до сей поры вниманія изслѣдователей. Эти данные немногочисленны, но любопытны настолько, что заставляютъ жалѣть о ихъ скучности. Личность княгини Голицыной оказывается интересной въ историко-культурномъ и историко-психологическомъ отношеніяхъ; она, повидимому — изъ того слоя русскихъ людей, котораго еще никто не вводилъ въ исторію нашей культуры, но которому со временемъ будетъ отведена въ ней своя страничка. Это — русскіе люди, мужчины и, главнымъ образомъ, женщины, которые, принадлежа къ богатымъ и родовитымъ фамиліямъ, жили почти всю свою жизнь за границей, врацались въ западномъ обществѣ, были въ общеніи со многими западными знаменитостями, принимали нерѣдко инославное исповѣданіе, вступали въ родство съ иностранцами, открывали свои салоны и т. д. Стоитъ вспомнить о роли, которую играли салоны М.-те Свѣчиной, княгини Багратіонъ, графини Ливенъ, м.-те Сиркуръ (урожд. Хлюстиной). Эти люди, непрѣтикувшіеся у себя на родинѣ и осѣдавшіе на западной почвѣ, по своему содѣйствовали прививкѣ западнаго міросозерцанія и европейской психики къ русскому уму и сердцу и имѣютъ право быть занесенными въ исторію развитія русского интеллигентнаго (въ широкомъ смыслѣ слова) чувства. Съ точки зренія такой исторіи пріобрѣтаетъ интересъ и изученіе обстоятельствъ жизни княгини М. А. Голицыной и собираніе свѣдѣній о ней. Предлагаемъ собранныя нами данные съ подробностями, быть можетъ, кое-гдѣ и докучными, въ надеждѣ, что та или иная дата, тотъ или иной фактъ, быть можетъ, наведетъ на открытие и опубликованіе документовъ, писемъ и воспоминаній о княгинѣ М. А. Голицыной.

1) А. И. Незеленовъ. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи (1799—1826). Ист. лит. изслѣд. Переиздано въ 1908 году въ „Собраніи Сочиненій“. Томъ I.

Сначала — данные виѣшнія, даты генеалогическія и хронологическія¹⁾.

Сынъ знаменитаго Суворова свѣтлѣйшій князь Аркадій Александровичъ (род. 1780) сочетался 13 іюля 1800 года бракомъ съ Еленой Александровной Нарышкиной (род. 1785). Отъ этого брака родилась 26 февраля 1802 года княжна Марія Аркадьевна. Въ 1811 году ея отецъ утонулъ въ рѣкѣ Рымникѣ. Мать долго жила за границей, покоряла и очаровывала современниковъ на Веронскомъ конгрессѣ и выплыла во второй разъ въ Берлинѣ въ 1823 году за князя Василия Сергеевича Голицына²⁾). Дочь была фрейлиной Высочайшаго двора³⁾ и 9 мал 1820 года была выдана за князя Михаила Михайловича Голицына (род. 4 февр. 1793 года), прямого потомка петровскаго М. М. Голицына. За свое искусство мужъ М. А. Голицыной получилъ прозвище Вестриса, но онъ былъ не только танцоръ, а по своему времени незаурядный человѣкъ⁴⁾. Пер-

1) См. книги Н. Н. Голицына: 1) Материалы для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ. Кіевъ 1880 — корректурное изданіе. 2) Родъ князей Голицыныхъ. Томъ 1-ый С.-Пб. 1892. Указанія этихъ книгъ не всегда вѣрыны.

2) Свѣдѣнія объ А. А. Суворовѣ можно найти въ изданіи Вел. Кн. Николая Михайловича „Русскіе Портреты XVIII и XIX столѣтій“. Т. I, № 68. Здѣсь же свѣдѣнія и о Е. А. Суворовой, рожд. Нарышкиной въ т. I, № 51 (въ этой статьѣ не мало фактическихъ неточностей) и въ т. IV № 195. Извлекаемъ изъ статьи IV тома вѣсколько свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ „Архива кн. Воронцова“ (т. XXXV). „Е. А. Суворова принимала уживаніе многочисленныхъ поклонниковъ друзья ея — кузентъ гр. М. С. Воронцовъ, С. Н. Маринъ, мягкий и сентиментальный полковникъ Д. В. Арсеньевъ — питали къ ней вѣжныя чувства... С. Н. Маринъ, любясь ея маленькой Мишѣ (это и есть Марія Аркадьевна), писалъ: „Какъ она стала мила, и я думаю, что она, если это возможно, будетъ такъ же умна и любезна, какъ ея мать“, но въ то же время онъ находилъ, что „божество“ имѣеть въ себѣ „все, что вѣтрениость и юкетство имѣеть опаснаго“. Объ Е. А. Суворовой современникъ писалъ: „она соединяетъ въ себѣ съ замѣчательной красотой природную живость ума и обаяніе нѣжной и возвышенной души“.

3) Она показана фрейлиной въ „Мѣсяцесловѣ“ на 1820 годъ, часть I.

4) Данныя о личности и служебной дѣятельности М. М. Голицына из-

воначальноѣ воспитаніе онъ получилъ въ пансионѣ изѣвѣстнаго Николя, потомъ учился въ Вѣнскѣй Инженерной Академіи и завершилъ образованіе въ Парижской Политехнической Школѣ. Вернувшись въ Россію въ 1811 году, онъ вступилъ на службу по квартирмейстерской части Колонновожатымъ и послѣ блестящаго экзамена произведенъ въ офицеры. Состоя при 4-омъ корпусѣ, Голицынъ принималъ участіе въ сраженіяхъ 1812 года и подъ Бородинымъ былъ раненъ. Еще не оправившись совершенно отъ ранъ, въ 1813 году опять вступилъ въ строй, въ корпусъ графа Сенъ-При. За участіе въ Лейпцигской битвѣ былъ награжденъ чиномъ подпоручика. Въ 1814 году онъ участвовалъ въ штурмѣ Реймса; здѣсь на его рукахъ скончался графъ Сенъ-При, которому оторвало плечо. По возвращенію въ Россію, Голицынъ состоялъ при начальнике Главнаго Штаба князѣ Волконскомъ; при немъ онъ находился и во время вторичнаго занятія русскими Парижа. Между прочимъ, онъ былъ назначенъ встрѣтить и проводить въ Парижъ графа д'Артуа. Послѣдній, ставъ Карломъ X, вспомнилъ о Голицынѣ и далъ ему офицерскій кресть Почетнаго Легіона. Въ 1816 году Голицынъ былъ зачисленъ въ формированійся тогда Гвардейскій Генеральный Штабъ, гдѣ оставался до получения полковничьяго чина. „Будучи назначенъ — читаемъ въ некрологѣ — оберъ-квартирмейстеромъ резервнаго Гвардейскаго Кавалерійскаго Корпуса, онъ всегда отличался своими математическими познаніями и своимъ безпристрастіемъ

влечены изъ некрологическихъ статей — русской въ „Сѣверной Пчѣлѣ“ 1856 годъ № 162 отъ 20 іюля стр. 830 и французской — въ „Le Nord“ № 186 отъ 4 Juillet 1856 (Correspondance particuli re, S.-Petersbourg 10-22 juin). Почти полное совпаденіе обѣихъ статей указываетъ на одного автора Н. Н. Голицынъ въ „Материалахъ“ называется авторомъ французской статьи брата М. М. кнзя Андрея Михайловича Голицына, бывшаго витебскимъ, могилевскимъ и смоленскимъ генералъ-губернаторомъ при Николаѣ I (1792—1863).

особенно при испытаніи молодыхъ людей, поступавшихъ въ гвардію, за что и награждены имп. Александромъ орденомъ св. Анны 2-й степ.“.

По случаю бракосочетанія княжны М. А. Суворовой и князя М. М. Голицына Джузеппе Галли, заслуженный учитель латинского, французского и итальянского языковъ въ барскихъ семьяхъ того времени, написалъ итальянскій сонетъ, который напечатанъ въ книжечкѣ его стихотвореній въ 1825 году¹). Издание книжки, по словамъ автора въ предисловіи, было вызвано желаніемъ отблагодарить всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ въ продолженіе 45 лѣтъ учили итальянскому языку. Должно быть, къ числу его ученицъ принадлежала и княжна Суворова. Сей торжественный сонетъ носитъ название— „Per le faustissime nozze di sua Eccellenza il signor Principe Michele Golitzin con sua Eccellenza la signora principessa Maria Italiski Contessa Suvoroff-Rimnikski sonetto“.— Содержаніе его, вполнѣ соотвѣтствующее условной манерѣ и условнымъ фразамъ, не даетъ намъ никакихъ фактическихъ подробностей.

Рядомъ съ упоминаниемъ о сонетѣ умѣстно привести свидѣтельство некролога о М. М. Голицынѣ: „съ пылкимъ и благороднымъ сердцемъ онъ былъ самый нѣжный супругъ и отецъ“. Отъ брака, столь прославленного, родились, какъ видно изъ разысканій Н. Н. Голицына, три дочери: 17 января 1823 года — Александра, въ 1824 году Леонилла и 16 февраля 1831 года Елена.

Въ 1829 году „по домашнимъ обстоятельствамъ“, (слова некролога) князь М. М. Голицынъ былъ вынужденъ оставить военную службу и на другой день послѣ отставки принять ко двору каммергеромъ и произведенъ въ дѣй-

ствительные статские советники. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ для особыхъ порученій къ Новороссійскому Генераль-губернатору графу М. С. Воронцову, но вскорѣ опять перешелъ въ военную службу по квартирмейстерской же части¹). Скончался онъ 21 мая 1856 года въ чинѣ генералъ-майора, оставилъ послѣ себѣ „много замѣчательныхъ сочиненій“²).

Княгиня Мария Аркадьевна пережила своего мужа и скончалась въ Веве 16 (28) февраля 1870 года³⁾. И она,

1) Вотъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о службѣ Голицына изъ того же источника, которая, быть можетъ, пригодятся при разысканіи материаловъ о кн. Голицыной. Въ 1826 году онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера при отрядѣ Гвардейскаго Корпуса, слѣдовавшемъ въ Москву на время коронаціи имп. Николая I. При возвращеніи изъ службы военной въ статскую, Голицынъ получиль прежній чинъ полковника съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Военнаго Министра и Генераль-квартирмейстера Главнаго Штаба Е. И. В. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ и членомъ Военно-цензурнаго комитета. Въ 1841 году онъ былъ произведенъ въ генераль-маиоры съ назначеніемъ Оберъ-квартирмейстеромъ Отдельного Корпуса внутренней стражи. Въ 1854 году оставилъ эту постъ, онъ былъ причисленъ къ Генеральному Штабу. „Въ этихъ различныхъ занятіяхъ онъ былъ всегда назначаемъ для присутствованія при испытаніяхъ молодыхъ людей, выпускавшихъ изъ Николаевской Военной Академіи, другихъ подобныхъ заведеній и корпусовъ, и отличался всегда своимъ безпредвѣтствіемъ, справедливостью и глубокими познаніями по разнымъ предметамъ военного искусства“ Въ „Родѣ кн. Голицыныхъ“ (стр. 306) сообщено также, что М. М. Голицынъ былъ адъютантомъ В. К. Михаила Павловича.

2) Еще живописи сказано во французскомъ некрологѣ: „les œuvres remarquables qu'il nous a laissées sont un monument impérissable“ Князь Н. Н. Голицынъ тоже свидѣтельствуетъ, что онъ писалъ французскія сатирическія стихотворенія. Но наимъ неизвѣстно ни одного изъ его стихотвореній. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ „харьковскій писатель“, показанъ въ „Источникахъ словаря русскихъ писателей Собрать С. А. Венгеровъ“. Томъ II С.-Пб. 1910 стр. 18. Тутъ явное недоразумѣніе: ссылка на статьи и портретъ Голицына въ „Молодикѣ“ Бенкого, на „Материалы“ Н. А. Ефремова, на списокъ Кеппена относятся совсѣмъ не къ этому М. М. Голицыну, а къ М. М. Голицыну изъ XVIII вѣка, ревнителю харьковскаго просвѣщенія.

3) М. А. Голицына была еще и кавалерственной ладой ордена св. Екатерины (Родъ кн. Голицыныхъ, 335).

1) Raccolta di differenti poesie di Giuseppe Galli Maestro approvato lingua latina, italiana e francese. S.-Pietroburgo. 1825, p. 49.

и ея мужъ похоронены на кладбищѣ Александро-Невской лавры¹⁾.

Мужского потомства Голицыны не оставили; браки средней и младшей дочери были бездѣтны, и только отъ второго брака старшей дочери Александры съ графомъ фонъ Мюнстеръ, германскимъ посломъ въ Лондонѣ, а по томъ въ Парижѣ, остался сынъ, который и оказался единственнымъ наследникомъ большихъ русскихъ имѣній князя Андрея Михайловича Голицына, завѣщающаго ихъ мужскому потомству своего брата²⁾.

III.

Отъ дать чисто вѣшняго, справочнаго характера переходимъ къ свидѣтельствамъ, дающимъ нѣкоторое освѣщеніе личности М. А. Голицыной.

Княгиня Голицына занимаетъ извѣстное мѣсто въ жизни и поэзіи Ивана Ивановича Козлова, извѣстнаго слѣпца поэта. Извѣстно, что въ 1818 году его постигла тяжелая болѣзнь; послѣ первого удара паралича онъ лишился ногъ, и затѣмъ постепенно терялъ зрѣніе вплоть до полной его утраты. Несчастіе разбудило его духовныя силы, онъ началъ писать стихи, и его поэзія находила у современниковъ высокое одобрение. Въ 1825 году друзья и покровители Козлова выдали въ свѣту его „Чернецъ, кievскую повѣсть“. Въ предисловіи, написанномъ В. А.

1) Невѣрная дата смерти М. А. Голицыной, приведенная въ „Родѣ кн. Голицыныхъ“ (стр. 167 и 516), исправляется указаниемъ В. И. Сапитова въ „Петербургскомъ Некрополѣ“ М. 1888, стр. 36.

2) Родѣ кн. Голицыныхъ, стр. 275. Княгиня Александра Михайловна въ первомъ бракѣ была за кн. Дм. Цик. Долгоруковимъ, убитымъ на дуали кн. Яшилемъ. Второй ея бракъ закончился разводомъ. Умерла она 4 (16) апреля 1884 года во Флоренціи. Вторая дочь Леонилла была съ 1866 года за итальянскимъ графомъ Корніані; умерла 22 июня (4 июля) 1875 года въ Вене. Младшая Елена, за мужемъ за полк. Влад. Вас. Голицынымъ, умерла 15 (27) декабря 1885 года въ Парижѣ (назв. соч., стр. 191).

Жуковскимъ¹⁾, читаемъ: „Въ молодыхъ лѣтахъ, прове-денныхъ въ разсѣянности большого свѣта, онъ (Козловъ) не зналъ того, что таилось въ его душѣ, созданной пони-мать высокое и прекрасное — несчастіе открыло ему эту тайну: похитивъ у него лучшія блага жизни, оно даро-вало ему поэзію. Вотъ уже пятый годъ, какъ онъ безъ ногъ и слѣпъ; существенный міръ исчезъ для него на-всегда; но міръ души, міръ поэтическихъ мыслей, выс-шихъ надеждъ и вѣры открылся ему во всей красотѣ своей: онъ живетъ въ немъ и въ немъ забываетъ свои страданія часто несносныя. Мы не входимъ въ подроб-ности — пускай онъ самъ будетъ своимъ историкомъ: прилагаемъ здѣсь его посланіе къ другу (написанное въ 1822 году), въ которомъ съ величайшою вѣрностію изо-образилъ онъ настоящую судьбу свою; оно есть не произ-веденіе поэта, а искрення, трогательная исповѣдь стра-dalъца“... Въ этомъ посланіи „къ другу В. А. Ж.“, т. е. Жу-ковскому Козловъ поминаетъ признателынмъ словомъ тѣхъ, чья поддержка могущественно помогла ему: вѣр-наго своего друга Жуковскаго, свою жену, А. А. Воей-кову и М. А. Голицыну. Обѣ эти женщины явились въ самый тяжелый часъ его жизни со словами сердечнаго утѣшенія.

„Тогда въ священной красотѣ
Внезапно дружба мнѣ предстала:
Она такъ радостно сияла!
Въ ея иашель я чистотѣ
Уг҃ху, иѣжность, сожалѣніе,
И ею жизнь озарена...

1) О томъ, что предисловіе писано В. А. Жуковскимъ, узнаемъ изъ сообщенія А. И. Тургенева въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому „Остафьев-скій Архивъ Князей Вяземскихъ“, т. III, С.-Пб. 1899, стр. 114.

А. А. Воейкова въ этомъ посланіи названа Свѣтланой; княгиня М. А. Голицына не указана именемъ и скрыта подъ мѣстоименіемъ *Она*. Что Козловъ говорить именно о М. А. Голицыной, видно изъ письма А. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому отъ 15 апр. 1825 года. Посылая только что изданнаго „Чернeca“ Тургеневъ писалъ: „Она — послѣ Свѣтланы,—княгиня Голицына, урожденная Суворова, которая щѣвала и утѣшала пѣвца нѣкогда, когда еще онъ былъ въ модѣ только у Жуковскаго и у меня“¹⁾.

Вотъ отрывокъ посланія, относящейся до княгини М. А. Голицыной.

А тамъ съ улыбкой прилетѣлъ
И новый Ангелъ-утѣшитель,
И сердца милый ободритель,
Прекрасный другъ тоски моей:
Небесной кротостью своей
И силой нѣжныхъ увѣщаній
Она мнѣ сладость въ душу лѣтъ,
Ласкаетъ, радуетъ, поетъ,
И рой моихъ воспоминаний
Съ цѣѣтами жизни молодой,
Какъ въ блескѣ радужныхъ сіяній,
Летаетъ снова надо мной“^{2).}

И. И. Козловъ, помимо этого упоминанія, выразилъ свои чувства и въ особомъ посланіи „Къ княгинѣ М. А. Голицыной“, напечатанномъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 годъ. Вотъ и оно:

1) Тамъ же, 114.

2) Предисловіе къ „Чернecu“ и посланіе къ другу В. А. Ж. цитирую по изданію 1825 года. Въ новѣйшемъ „исправленномъ и дополненномъ“ Арс. Ив. Введенскимъ изданіи (С.-Пб. 1892, изд. А. Ф. Маркса) предисловія совсѣмъ нѣтъ, а текстъ посланія напечатанъ съ грубыми ошибками: такъ, напр., вместо „летаетъ снова надо мной“ читаемъ „летаетъ слава надо мною“!

Ты видала, какъ играеть
Солнце раннею порой,
И лилея расцвѣтаетъ,
Окропленная росой;
Ты слыхала, какъ веснью
Соловей въ ночи поетъ,
Какъ съ безцѣнною тоскою
Онъ раздумье въ душу лѣтъ:
Подъ черемухой душистой,
Часто взоръ ильнялся твой
Блескомъ радуги огнестой
Надъ прозрачною рѣкой.
Такъ твое воспоминанье,
Твой плѣнительный привѣтъ,
Для сердца очарованье
И прекраснаго завѣтъ.
Но съ увядшею душою,
Между радостныхъ друзей,
Какъ представу предъ тобою
Съ лирой томною моей?
Хоть порой съ мечтами младость
И блеститъ въ моихъ очахъ;
И поется мною радость
На задумчивыхъ струнахъ:
Такъ цвѣтокъ въ поляхъ молькаеть
Вмѣстѣ съ кошеной травой,
Такъ свѣтъ лунныи озаряеть
Хладный камень, гробовой!
Лишь жалать, молить я смѣю:
Да надеждѣ прелестныхъ рой
Вѣтется вѣчно надъ твосю
Свѣтло-русой головой.
Въ свѣтѣ гостиya молодая,
Жизнью весело играй;

Бурямъ издали внимая,
Обо мнѣ воспоминай”¹⁾.

Немного, конечно, можно извлечь изъ поэтическихъ признаний И. И. Козлова для характеристики княгини М. А. Суворовой, но и это немногое рисуетъ ея тихій и кроткій образъ. Запоминается еще одна виѣшняя подробность—искусство пѣнія, которымъ она, повидимому, обладала въ высокой степени, такъ какъ и въ остальныхъ свидѣтельствахъ, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ, мы встрѣтимъ не разъ указанія на иѣніе княгини Суворовой-Голицыной. Врядъ ли далекимъ отъ истины будетъ предположеніе, что вниманіе молодой дѣвушки на пораженнаго недугомъ поэта обратилъ Жуковскій. Давній пріятель И. И. Козлова еще съ Москвы, онъ какъ разъ въ это время (въ концѣ 10-хъ и началѣ 20 годовъ) былъ учителемъ Вел. Кн. Александры Феодоровны, бывшъ принцѣль въ придворный кругъ, бывшъ баловнемъ фрейлинъ, а къ одной изъ нихъ, графинѣ Самойловой, даже питалъ глубокое чувство. Въ этомъ кругѣ, по всейѣроятности, онъ и встрѣтился съ княжной Суворовой и заинтересовалъ ее участіемъ своего друга²⁾. И впослѣдствіи Жуковскій не разъ упоминаетъ о ней въ письмахъ своихъ къ И. И. Козлову; эти упоминанія немногого пополняютъ наши фактическія свѣдѣнія о ней. Должно быть, къ ней относятся слова изъ французской записочки Жуковскаго къ Козлову: „Mon cher, je pars dans le moment; je vous embrasse. Je n'ai rien

1) Текстъ — по альманаху въ перевѣданіи „Русскаго Архива“, М. 1881, стр. 329—331.

2) Цѣ Жуковскій ли познакомилъ и Пушкина съ княжной Суворовой? Ночью съ 16 на 17 августа 1819 года А. И. Тургеневъ привезъ Пушкина изъ Царскаго Села въ Павловскъ къ Жуковскому. „Дорогой — сообщаетъ Тургеневъ кнзю П. А. Вяземскому — писалъ онъ посланіе о Жуковскомъ къ павловскімъ фрейлинамъ, но еще не кончилъ“ (Ост. Арх., т. I, стр. 296). Это посланіе не дошло до конца.

entendu du mariage de la P-sse Souvoroff“, и, следова-тельно, эту записочку надо датировать временемъ около 9 мая 1820 года¹⁾). Въ 1826 году Жуковскій встрѣтилъ княгиню Голицыну въ Эмсѣ, и 3/15 (юля²⁾) писалъ И. И. Козлову: „Здравствуй изъ Эмса, мой милый Иванъ Ивановичъ... Въ Эмсѣ довольно скучно; но жизнь идетъ однобразно, что мнѣ не непріятно. Здесь между прочими русскими княгини Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю ея большими удовольствиемъ, ся малоѣніе. Она чрезвычайно понравилась; но ей запрещено возвращаться въ Россію, и мы сядолго не увидимъ. Напѣ климатъ ей не по натурѣ. Она тебя помнитъ и любить и всегда говоритъ о тебѣ, да и сбирается сама къ тебѣ писать. Вотъ, все, что для тебя интересно“. А 23 (юля (4 авгу-уста) того же года Жуковскій, прилагая письмо Голицыной, писалъ И. И. Козлову: „прилагаю письмо отъ княгини Голицыной, которая пробудетъ въ Эмсѣ еще нѣсколько дней. Ея здоровье весьма поправилось. Она очень любезна и добра. Я бывалъ и довольно часто у нея и всякий разъ плѣнялся ея милымъ прѣпомъ“³⁾). Дѣйствительно, въ днев-

1) Записочка безъ даты напечатана К. Я. Гротомъ въ его биографіи И. И. Козлова“, С.-Пб. 1904 годъ, отд. отд. изъ „Изв. Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н.“, т. IX, 1904, кн. 2), стр. 12. Тутъ же напечатана (стр. 14) другая записка, безъ даты, при которой Жуковскій „посыпалъ письмо княгинѣ Суворовой съ посылкой“. Но такъ какъ она написана послѣ вѣзда въ Россію принцессѣ Шарлотѣ (вел. кн. Еленѣ Павловнѣ), состоявшаго 23 ноября 1828 года, а въ это время княжна Суворова была уже княгиней Голицыной, врядъ ли тутъ идетъ рѣчь обѣ интересующемъ насъ лицѣ. Можетъ быть, въ дневникахъ И. И. Козлова, сохранившихся, между прочимъ отъ 1818, 19 и 20 годовъ и принадлежащихъ выш. К. Я. Гроту, найдутся упоминанія о книжнѣ М. А. Суворовой. Къ сожалѣнію, с. Гротъ напечаталъ только выборки, по своему вкусу, изъ дневниковъ Козлова („Старина и Новизна“, книга XI, С.-Пб. 1906, стр. 84 и слѣд. и отд.: „Дневники И. И. Козлова“, С.-Пб. 1906).

2) Это письмо напечатано въ „Русск. Арх.“ 1867, стр. 825—826 и въ „Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“. Изд. 7-ое. Томъ 6, С.-Пб. 1878, стр. 464, съ неѣрной датой 3 (15) июня, исправленной И. А. Бычковымъ въ примѣчаніи къ „Дневникамъ В. А. Жуковскаго“, С.-Пб. 1908, стр. 185.

3) „Русск. Арх.“ 1867, стр. 828 и Соч. Жук., указ. изд. и томъ, стр. 464.

никахъ Жуковскаго за 1826 годъ находятся краткія по-мѣты о княгинѣ Голицыной и встрѣчахъ съ нею подъ 19 іюня (1 юля); 23 іюня (5 юля) (обѣдъ у княгини Голицыной, пѣніе); 3 (15) іюля (смѣшной разговоръ съ Голицыной) и 21 авг. (2 сент.)¹⁾.

Новый рядъ извѣстій идетъ изъ переписки А. И. Тургенева съ княземъ П. А. Вяземскимъ, какъ сохранившейся въ Остафьевскомъ Архивѣ и напечатанной въ извѣстномъ изданіи подъ редакціей В. И. Саитова, такъ и хранящейся въ Тургеневскомъ Архивѣ и имѣющей появиться въ изданіи Академіи Наукъ. Такъ 7 мая 1827 года Тургеневъ изъ Лейпцига сообщалъ Вяземскому: „Сегодня сюда пріѣзжаютъ русскіе: графъ Головкинъ, княгиня Голицына (Суворова), которая все просить тебѣ о чѣмъ-то напомнить“²⁾. Особенно часты упоминанія о Голицыной въ письмахъ Тургенева къ Вяземскому за 1833 годъ (Тургеневскій Архивъ). Въ это время Тургеневъ жилъ въ Женевѣ, а княгиня Голицына на дачѣ подъ Женевой, въ Версуа. Какъ разъ въ это лѣто здѣсь проживала и извѣстная Марья Антоновна Нарышкина, и графиня Е. К. Воронцова. Съ ними Голицына была въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Тургеневъ встрѣчалъ Голицыну на общественныхъ праздникахъ: то на праздникахъ въ Версе въ августѣ, то „на одной изъ вечеринокъ, коими женевскіе аристократы угощаютъ теперь 75-лѣтнюю парижанку графиню Румфордъ..., вдову славнаго Лавуазье, за коего вышла тому 60 лѣтъ“. Не разъ Тургеневъ бывалъ и у нея. 1 сентября онъ сообщалъ Вяземскому о встрѣчѣ съ извѣстнымъ Декандолемъ и писалъ: „послѣ завтра провожу съ нимъ вечеръ въ Версуа, у княгини (Мери) Голицыной, которая вѣлѣла тебѣ сказать, что она нарочно пріѣдетъ въ П-бургъ для того,

1) Дневники В. А. Жуковскаго съ прим. И. А. Бычкова, С.-Пб. 1908, стр. 184—187.

2) „Ост. Арх.“, т. III, стр. 169.

чтобы ты проводилъ ее до Кронштадта такъ, какъ провожалъ ты насъ, Резеду, Салтыковыхъ и проч., о чѣмъ мною ей объявлено въ свое время, а я слышалъ объ этихъ проводахъ отъ того, кто былъ тутъ же и съ кѣмъ ты собирался писать мнѣ, но предался очарованію отъѣзжавшихъ... Скажи Жуковскому, что и ему она кланяется“. А 6 сентября Тургеневъ писалъ: „Былъ я въ проливный дождь въ Versoix на балъ у княгини Голицыной, гдѣ заставляли меня вальсировать. Красавицы *Саладеи*, здѣшняя аристократическая фамилія, богатая дачами и красавицами, дѣти Шуваловой-Полье, которая наканунѣ пріѣхала, были для меня новыя лица“. Вмѣстѣ съ Голицыной Тургеневъ осматривалъ садъ и домъ т-те Сталь въ Конпе, а 24 сентября онъ между прочимъ писалъ: „A propos d'eglise Grecque; nous avons assisté avant-hier avec quelques dames Russes au service divin dans une chapelle Grecque, desservie par un Moine, accompagné d'un marchand grec qui chantait et des petites et grandes Princesses Golitzine qui regardaient dans une liturgie slave, qui était vraisemblablement encore du Grec pour elles. Avant la messe Grecque nous avons entonné un beau sermon protestant“. 30 сентября Тургеневъ „былъ на Австрійско-Женевской вечеринкѣ, которую давали въ честь нашей княгини Голицыной-Суворовой, отѣзжающей во Флоренсъ“, т. е. Флоренцію.

Всѣ эти свѣдѣнія рисуютъ кругъ заграничной жизни княгини Голицыной; въ перепискѣ Тургенева съ Вяземскимъ сохранились еще очень любопытныя указанія на переписку Шатобріана съ нашей Голицыной. Въ письмѣ Вяземскаго къ Тургеневу отъ 26 марта 1833 года читаемъ: „Шатобріанъ не силенъ въ географії. Я читалъ письмо его къ Мери Голицыной, въ которомъ, жалѣя, что она не въ Парижѣ, говорить ей: „Au reste, étant à Mittau, vous êtes encore parmi nous, car les polonais et les fran ais ont tou-

*jours été compatriotes*¹⁾). Тургеневу Голицына подарила въ сентябрѣ 1833 года „два письма Шатобриана съ прелестными фразами“. Въ письмѣ отъ 7 сентября Тургеневъ цитировалъ письма Шатобриана: „Voici ce que Chateaubriand écrivait à la Princesse Golitzine, née Souvoroff, le 3 janvier 1831 de Paris: „Moi, toujours prêt à partir pour la Suisse et toujours retenu par ma santé ou mes travaux, j'ai ajourné au printemps mon voyage; aurai-je le bonheur, Madame, de Vous voir en Suisse ou retrouveriez-vous aux Pyrénées? Je voudrais pourtant ne Vous chercher pas si longtemps sur la terre, car ma vie s'en va; voilà encore une année écoulée, et c'est une chose singulière avec les années qui nous étent du temps et nous donnent des jours“.—Изъ Женевы отъ 3 октября 1831: „J'ai été soir et matin occupé d'une défense de mon pauvre *Henri*, qu'on veut proscrire de nouveau avec ses parents. Je vais aller à Paris imprimer cette défense, car je ne sais point faire le brave à l'abri de l'ennemi, derrière une montagne. Ma vie est attachée à mon honneur et l'une va où l'autre l'appelle. Si j'avois su, Madame, que le *paquet* étoit encore moi, je ne vous l'aurai point apporté; j'ai bien assez d'être chargé une fois du poids de ma personne“ (Онъ съ привезъ пакетъ изъ Парижа — съ своими сочиненіями)²⁾.

Гдѣ въ настоящее время находятся письма Шатобриана къ Голицыной, появилась ли они во французской печати, упоминаетъ ли объ этихъ отношеніяхъ Шатобриана спе-

1) Тамъ же, стр. 229. Между прочимъ, 19 июля 1833 года Вяземскій въ ответѣ на сообщеніе Тургенева просилъ передать усердный поклонъ Голицыной и спрашивалъ, „что пѣніе ея“? (тамъ же стр. 254).

2) Въ письмахъ, напечатанныхъ въ IV томѣ „Островского Архива“, Тургеневъ изл. Парижа сообщасть о своихъ встречахъ съ Голицыными и княземъ Мих. Голицынымъ, (стр. 34, 47, 281 и 184). Не совсѣмъ ясно, о мужѣ ли М. А. Голицыной здѣсь идетъ рѣчь. См. еще упоминанія въ „Письмахъ А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, Лейпцигъ. 1872, стр. 40 и съ. письма въ юль 1827 (Перепечат. въ „Русск. Арх.“ 1895, III, стр. 40—41).

циальная о немъ биографическая литература,—на всѣ эти интересные вопросы я, къ сожалѣнію, лишенъ возможности отвѣтить, не имѣя подъ рукой, въ Петербургскихъ библиотекахъ, биографическихъ работъ и матеріаловъ о Шатобрианѣ¹⁾.

Въ концѣ 1836 и въ началѣ 1837 года княгиня М. А. Голицына жила во Флоренціи. Здѣсь же это время было довольно много знатныхъ русскихъ, а среди нихъ—чѣмъ-то мало окатоличившихся и объитальянавшихся. Такова была, напримѣръ, фамилія Бутурлиныхъ. Одинъ изъ ея членовъ, сохранившій вилючемъ, свою національность и вѣру, графъ М. Д. Бутурлинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ²⁾ рисуетъ яркую картину флорентійскаго сѣбѧ, въ которомъ исполненную роль играли и наши соотечественники. Несколько занимательныхъ строкъ находимъ у него и о княгинѣ М. А. Голицыной. Она прибыла во Флоренцію осенью 1836 года съ беременной женой и, нежелая пускаться въ свѣтъ безъ нея, возобновила знакомство только съ Григориемъ Федоровичемъ Орловымъ и съ „временно проживавшей во Флоренціи княгинею Маріею Аркадьевной Голицыной, урожденной княжною Суворовой“³⁾). Въ салонѣ ее оты

1) Отмѣтимъ также упоминанія о княгинѣ М. А. Голицыной изъ „Запискахъ Д. И. Свербеева“, М. 1900. Свербеевъ жилъ въ Швейцаріи въ 1828—1829 годахъ (онъ служилъ при нашей миссии и жилъ въ Бернѣ); перечисляя своихъ знакомыхъ изъ Женевы за это время, онъ упоминаетъ между прочими и княгиню Голицыну, жившую на своей виллѣ въ Versoix (т. II, стр. 300). Свербеевъ упоминаетъ, какъ она „проводитъ однажды целый вечеръ у жившей подъ Берномъ великой княгини Анны Федоровны (разведенной жены вел. кн. Константина Царсковиця) въ пѣни съ ко. Голицыной, матерью М. А., и съ ней самой (т. II, стр. 206). Мати Голицыной тоже славилась своимъ пѣніемъ.

2) „Русск. Арх.“ 1897, 1898, 1901 годы.

3) Мужа княгини — князя М. М. Голицына Бутурлина, видать, уѣдомъ своей матери еще въ концѣ 1810-хъ годовъ изъ Москвы въ „Русск. Арх.“ 1897, т. I (№ 3), стр. 428. А княгиню она встрѣтилась во Флоренціи весной 1836 года изъ первого свой приѣзда: „Русск. Арх.“ 1897, т. II (№ 5), стр. 54.

видѣль скульпторшу де Фоно,—изъ ярыхъ французскихъ аристократическихъ легитимистокъ, и знаменитаго историка Сисмонди. „Княгиня М. А. Голицына—рассказываетъ графъ Бутурлинъ—въ то время или немногого позднѣе преда-лась, какъ слышно было, особому мистицизму, кончив-шемуся будто бы переходомъ въ протестантство. Изъ Италии она перѣхала на жительство въ Швейцарію“¹⁾. Бутурлинъ разсказываетъ еще, что княгиней увлекался въ это время маркизъ Чезаре Бочелла, „литераторъ и мето-манъ, бывшій чѣмъ-то при дворѣ министюрнаго герцога Луккскаго“²⁾. Она „былъ довольно умный и начитанный человѣкъ (ученостію же не отличалась вообще тогда итальянская аристократія), но воспламенялся (всегда, впрочемъ, платонически) то къ одной, то къ другой женщинѣ, идеа-лизируя ее какимъ-то сверхъестественнымъ въ психоло-гическомъ отношеніи созданіемъ изъ всѣхъ Евиныхъ дще-рей. Таковою представлялась ему нѣкогда княгиня М. А. Голицына (рожд. княжна Суворова), завлекшая его въ ту-манный мистицизмъ, который у него дошелъ до полуопро-тестантизма, а у княгини, если вѣрить молвѣ, до перехода въ это исповѣданіе“³⁾.

1) „Русск. Арх.“ 1897, кн. III (№ 9), стр. 49.

2) Тамъ же, стр. 91 и 92.

3) Тамъ же, 1901, кн. III (№ 10), стр. 217. Не этотъ ли маркизъ Боселла перевѣль на итальянскій языкъ поэмы Пушкина? Всѣ заглавія переводовъ: „I quattro poemi maggiori de Alessandro Pouschkin, tradotti da Cesare Bo-cella“, Pisa, co' cartotteri di Didot. 1841 (16), XXII, 134 р. Геннадіи пи-шетъ объ этомъ переводѣ: „Это едва ли не лучшій итальянскій пере-водъ изъ сочиненій Пушкина — извѣстнаго итальянскаго писателя Бо-челла: онъ передалъ нашего поэта бѣлыми стихами, слѣдя буквальному перевodu, сдѣланному для него, какъ для незнакомаго съ русскимъ язы-комъ. Содержаніе книги: предисловіе, очеркъ жизни Пушкина и его поэмы — Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыганы и Братья Раз-бойники (Переводы сочиненій Пушкина. М. 1859. Стр. 14—15. Отд. отт. изъ „Библіографическихъ Записокъ“ 1859 года; тоже повторено Ген-надіи въ „Приложеніяхъ къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, изданнымъ Я. А. Исаковымъ, С.-Пб. 1860, стр. 45). Добавитъ слѣдуетъ, что переводъ посвященъ „alla nobile Elisabeta Cheremeteff nata Martinoff in segno di

Молва о лютеранствѣ княгини находитъ подтвержденіе въ перепискѣ П. А. Плетнева съ Я. К. Гrotomъ. 11 ноября 1843 года Плетнѣвъ писалъ изъ Петербурга въ Гельсинг-форсъ Гrotу: „На чай отправился къ Суворовымъ, здѣсь поселившимся. Мужъ [князь Константина Аркадьевичъ] отправился ко двору датскому для неготіацій о свадьбѣ В. К. Александры Николаевны съ принцемъ Гессен-скимъ. У жены пашетъ двухъ большихъ княжонъ Голи-цыныхъ, родныхъ племянницъ этого князя Суворова. Они выросли и воспитались въ Парижѣ, почему и смѣшино еще говорять по-русски: мати ихъ, урожденная княжна Суво-рова, даже приняла лютеранскую вѣру“¹⁾.

Нельзя не отмѣтить любопытной особенности рели-гіознаго обращенія княгини Голицыной. Она жила, повиди-мому, въ католической атмосфѣрѣ; ея современники и со-временницы изъ высшаго свѣта измѣняли своей вѣрѣ ради католичества. Естественѣе было бы ожидать и отъ нея перехода въ это исповѣданіе, но ее пѣнишъ мистицизмъ протестантскій. Такимъ образомъ ея религіозныя пер-еживанія трудно считать и наблюдаемыми, и если къ обраще-

reco conoscere amicizia²⁾. Несмотря на то, что Геннадіи именуетъ Бочелла извѣстнымъ писателемъ, иъ наиболѣѣ распространенныхъ книгахъ по истории итальянской литературы онъ совершенно не упоминается даже по имени. Этому же Бочелла принадлежитъ изданный въ Пизѣ переводъ поэмы Козлова „Чернень“ (Il poposo, poema di Kozloff, tradotto dal Russo in Italiano, Pisa. MDCCXXXV). Этотъ переводъ былъ въ библіотекѣ А. С. Пушкина (см. Б. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина. С.-Пб., 1910, стр. 263; и въ библіотекѣ В. А. Жуковскаго, входящейныи въ со-ставъ Онѣгинскаго Музея (см. Описание Б. Л. Модзалевскаго въ XII вып. сборн. „Пушкинъ и его современники“, стр. 46).

1) Переписка П. А. Плетнева съ Я. К. Гrotомъ, т. II, стр. 151. Полу-чилъ это письмо Я. К. Гrotъ 17 ноября спрашивая Плетнѣва: „Мать Голицыныхъ, урожд. Суворова, не та ли Наташа, къ которой фельдмар-шалъ писалъ забавныя письма?“ (стр. 152). Плетнѣвъ на это 24 ноября отвѣтѣлъ: „Мать Голицыныхъ, урожд. Суворова, есть дочь Арк. Алар. Суворова, т. е. сына фельдмаршала; стало быть, она внука фельдмар-шала, — и послѣдній не могъ писать къ ней письма, ибо ея не было на свѣтѣ“ (стр. 158).

ніяхъ пашей знати къ католичеству, которая одно время были почти эпидемическими, можно указать не мало случаевъ—результатовъ неразсуждающего подражанія, моды и другихъ чисто вѣщихъ вліяній, то на протестантскій піэтизмъ моды не было, и обращенія въ лютеранство были рѣдки¹⁾...

Нѣжное участіе къ больному поэту, доступность высокимъ наслажденіямъ искусства, общеніе съ выдающимися людьми Запада (Шатобранъ, Сисмонди), наконецъ своеобразный религіозный опытъ, завершившійся обращеніемъ къ протестантской мистикѣ—все это указываетъ на натуру недюжинную и можетъ послужить къ оправданію нашего намѣренія привлечь вниманіе къ этой княгинѣ-лютеранкѣ и обратиться съ просьбой къ всѣмъ лицамъ, въ распоряженія которыхъ находятся какія-либо свѣдѣнія или документы о ней или ея переписка, не отказать въ сообщеніи всѣхъ подобныхъ материаловъ въ Комиссію по изданію сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

IV.

По существовавшій интересъ къ личности княгини М. А. Голицыной созданъ не изложеннымъ данными о ней, впервые нами собранными, а иѣкоторыми отношеніями ея къ жизни и поэзіи Пушкина. Она—„сѣверная любовь“ Пушкина. Переходя къ разбору гипотезы о сѣверной любви, выдвинутой Гершензономъ, не лишнее замѣтить, что его мнѣ-

1) Очевидно, подъ вліяніемъ увѣренности въ силѣ шаблона, и Н. Н. Голицынъ отмѣтилъ въ числѣ сопротивлявшихся въ католичество членовъ рода Голицыныхъ и княгиню М. А. Голицыну, которая, по его сообщенію, состояла въ католичествѣ „временно за границей около 1841 года“ (Родъ кн. Голицыныхъ, стр. 347). Но конечно, надо дать вѣру сообщеніямъ графа Бутурлина и П. А. Плетнева. Ужъ Бутурлину-ли не знать было о переходѣ княгини въ католичество, тому Бутурлину, чуть не всѣ родичи которого окатоличились и объитальяннились!

шѣ, насколько мнѣ известно, до сихъ поръ оспаривалъ въ печати одинъ Н. О. Лернеръ¹⁾. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы должны считаться и съ разсужденіями Лернера. Гершензонъ пришелъ къ своимъ выводамъ съ помощью метода психологического: онъ пристально читалъ стихи Пушкина и вѣрилъ имъ, и наблюденія его лишь результата „медленного чтенія“. Сущностью работы, которую продѣлалъ Гершензонъ въ своемъ опыте „медленного чтенія“,—заключается въ томъ, что несвязанный высказыванія въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина онъ освоилъ современнымъ, личнымъ сознаніемъ и заполнилъ, такимъ образомъ, пробѣлы въ доступной намъ исторіи переживаний поэта. Такого освоенія не слѣдъ, конечно, бояться, но только въ томъ случаѣ, если въ нашемъ расположеніи фактovъ настолько достаточно, что сила ихъ дѣйствія на наше сознаніе въ свое время скажется и заявить противодѣйствіе субъективизму изслѣдователя. А какъ разъ при изученіи Пушкина настъ подавляетъ скучность фактovъ и, что еще важнѣе, скучность фактическихъ обобщений; вѣдь въ сущности изученіе Пушкина только теперь еле-еле становится научнымъ. Но Гершензонъ въ „медленномъ чтеніи“ основывался на съѣдущемъ утвержденіи: „бiографы поэта оставили безъ вниманія весь тѣтъ бiографической матерiа1ь, который заключенъ въ самыхъ стихахъ Пушкина. Пушкинъ необыкновенно правдивъ, въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова; каждый его личный стихъ заключаетъ въ себѣ автобiографическое признаніе совершенно реальнаго свойства“. Это положеніе—аксіома для Гершензона, съ которой начинается изученіе Пушкина, но оно въ дѣйствительности могло бы быть принято, если бы только явилось результатомъ предварительного тщательнаго сравнительнаго

1) Въ примѣчаніяхъ ко 2-му тому соч. Пушкина подъ ред. Венгерова (С.-Пб. 1908).

изученія исторії его жизни и творчества, но никто еще не произвелъ научнымъ образомъ всей той фактической работы, изъ которой съ логической неизбѣжностью вытекало бы то или иное рѣшеніе этого положенія. Пока оно только—впечатлѣніе изслѣдователя ad hoc. Гершензонъ не снабдилъ разъясненіями своей аксиомы. Что такое реальная элементарность правдивости Пушкина въ его поэзіи? Если она означаетъ, что переживаніе, выраженіе которого находимъ въ поэзіи, было въ душѣ поэта, то такое мнѣніе, конечно, можно принять, но какое же остается за нимъ руководственное значеніе для биографовъ? Ихъ задачей являются разысканія въ области фактической жизни поэта, которые должны выяснить удѣльный вѣсъ всякаго переживанія въ ряду другихъ. Вотъ тутъ и начинаются долгіе споры, при которыхъ придется привлекать фактическія данныя.

Оппонентъ Гершензона Лернеръ работаетъ при помощи другихъ методовъ: онъ держится въ области фактovъ, разыскиваетъ ихъ, рассматриваетъ и сопоставляетъ. Въ его работахъ научное изученіе Пушкина найдетъ для себя не мало полезныхъ матеріаловъ. Недостатки метода Лернера—односторонность, къ которой приводитъ изслѣдователя отсутствіе перспективъ; кроме того, примѣненіе такого метода требуетъ большой осторожности и сдержанности. Какъ разъ послѣднихъ свойствъ не хватаетъ Лернеру. Подобно всякому фактическому изслѣдователю, Лернеръ нерѣдко бываетъ однокрылымъ и забываетъ о должной осторожности. Мы не разъ будемъ имѣть случай отмѣтить своеобразное промахи Гершензона и Лернера, вытекающіе изъ ихъ пріемовъ работы.

Гершензонъ рассказалъ исторію любви Пушкина къ княгинѣ М. А. Голицыной, выяснилъ характеръ этой привязанности поэта и даже нарисовалъ образъ этой женщины—и все это онъ сдѣлалъ исключительно на основаніи трехъ

стихотвореній Пушкина, ю вызванныхъ. Намъ необходимо сосредоточить вниманіе на этихъ произведеніяхъ, и поэтому представляется неизбѣжнымъ привести текстъ (въ той редакціи, въ какой она появилась при жизни поэта) и сообщить ихъ „послужной списокъ“. Въ цѣляхъ краткости въ дальнѣйшемъ изложеній, элегія „Умолкну скоро я“ обозначается цифрой I, элегія „Мой другъ забыты мной“—цифрой II, и посланіе „Давно о ней воспоминаніе“—цифрой III.

Въ отношеніи къ сохранившимъ рукописямъ исторія I и II одинакова. Возникли оба стихотворенія почти одновременно: I—23 августа 1821 года, II—въ ночь съ 24 на 25 августа. Рядомъ (Псейчасъ же за I) записаны они въ черновой кишиневской тетради (нынѣ Румянцовскаго Музея № 2365). Здѣсь ихъ первоначальная, соотвѣтствующая моменту возникновенія элегій, редакція. Черновой набросокъ I—не всего стихотворенія, а только части (послѣдней)—занимаютъ правую сторону тетради или, иными словами, переднюю страницу 47 листа¹). Заглавія нѣтъ, а внизу

1) Отмѣтимъ содержаніе страницъ предшествующихъ. На об. л. 45 по описанію Якупкива (1888, апр., 100) „какіе то зачеркнутые стихи. Тутъ же помѣтка „18 juillet. Nouvelle de la mort de Napoleon. Bal chez l'archevêque Armentier 1821“. Другими чернилами сбоку: „Напрасно рошу оглашать Охотника веселый рогъ“. С. А. Венгеровъ эти два стиха ввелъ въ текстъ своего изданія (II, 88) и далъ слѣдующія разъясненія въ примѣніяхъ (II, 588): „Эти два стиха единственные, которые можно разобрать въ исчерканномъ черновикѣ.... Самы по себѣ незначительные, стихи имѣютъ интересъ, какъ указаніе на замыселъ какого-то произведенія—эпіческаго характера“. Эти разъясненія требуютъ исправленій. Черновикъ дѣйствительно почти весь перечеркнутъ, но все же поддается разбору. Это—продолженіе написанного на предшествующихъ страницахъ наброска къ „Гробу юноши“ [укажемъ, что Майковъ въ „Матеріалахъ“ (121) приводитъ текстъ стихотворенія, пользуясь вариантами именно съ л. 45 об.]. Поэтъ избрасываетъ рядъ картинъ жизни: юноша мертвъ, и „напрасно блещетъ лучъ денницы“.... „напрасно утромъ за малиной къ ручью красавица съ корзиной“.... Иодь густо зачеркнутыми линіями кое-что можно разобрать; вотъ иѣкоторыя слова и строки, мнено прочитанія.

страницы помѣта 23 авг. 1821 года; видно, что цифра 3 исправлена изъ 4. Сейчасть же вслѣдъ за нимъ идетъ черновикъ II, занимающій оборотъ 47 и лицо 48 листа. На 47 об. вверху слѣва помѣта „24 Авг. въ ночь“. По руко-

Съ корзиной
идутъ въ ближній лѣст., идутъ
къ
и отдыхаютъ гробницей
приподнимаетъ
И въ прохладу и холодъ воль
Ногою ребкою ступаетъ
Цугляю тихонъко ногу опускаетъ
За ягодой напрасно молодъ по ягоды
Спѣшать съ корзиной лѣниушки лозинъ
И пѣсни
И съ берега
За поцелуемъ,
ихъ перечеркнутыхъ стихахъ поэты нѣбрасалъ
Напрасно рощу оглашаетъ
| Охотника | | веселый | | рогъ |
| Охоты звонкіе рога |
| И стая гончихъ |
Охотника веселый ирз.
| И стая гончихъ прибываетъ

Совершенно очевидно, что два стиха, введенные теперь въ текстъ, какъ самостоятельный набросокъ, являются только вариантомъ къ „Гробу юноши“. Но такимъ образомъ находящаяся здѣсь помѣтка „18 juillet... 1821“ даетъ возможность болѣе точной датировки стихотворенія. На стр. 46 начало письма, программа Братьевъ - разбойниковъ, два стиха „Одна черта руки моей“, и историческая программа. Эта страница воспроизведена въ изданіи Венгерова, II, 159. На оборотѣ 46 листа, т. е. нальво отъ черновика I, видимъ рядъ рисунковъ, помѣту 26 Juillet 1821 и нѣсколько зачеркнутыхъ стиховъ. Не безъ труда, но можно подъ зачеркнутыми разобрать отдѣльныя слова и стихи приблизительно такъ: И пѣнникъ думалъ ... И юный пѣнникъ, съ этихъ поръ живеть съ началью одинокой, И не встрѣчалъ уже, Онъ тщетно". Очевидно, эти стихи — вошедшій дальнѣйшаго развитія вариантъ къ „Кавказскому Плѣннику“, — именно къ ст. 155 и слѣд. Якушкинъ въ описаніи (апр., 100) оставилъ безъ разбора эти стихи, приведя только одинъ стихъ „И пѣнникъ думалъ“; не обратилъ онъ на нихъ вниманія и тогда, когда подводилъ варианты черновыхъ къ „Кавказскому Плѣннику“ въ академическомъ изданіи. Стихи листа 46 об. находятся ближайшее сопствѣствіе въ приводимомъ здѣсь (Пушкик. — Акад. II) variantѣ на стр. 461.

писи видно, что текстъ I заносился въ тетрадь именио 23 августа, а текстъ II—ночью 24 августа.

Изучение рукописей поэта дает возможность установить обычный у него прием двукратной обработки темы. Первая обработка свидетельствует о мукахъ творчества и бросается въ глаза исчерканностью и обилиемъ поправокъ; видно, что поправки являются сейчас же изъ слѣдъ за возникновеніемъ каждого стиха или даже слова. Во второй обработкѣ — пьеса вносится начисто безъ поправокъ, и затѣмъ уже подвергается исправленіямъ, но ихъ уже не такъ много, какъ въ первой редакціи. Наконецъ, посыпая пьесу въ печать, Пушкинъ переизсыпываетъ ее изъ тетради на бѣло. Этихъ положений нельзя, конечно, прилагать ко всѣмъ пьесамъ; исключений не мало, но обычно ходъ работы именно такогъ. Онъ хорошо иллюстрируется черновиками поэмъ, хотя бы „Цыганъ“, „Онѣгина“; нѣрѣдко за исчерканной первой редакціей строфы сейчас же, непосредственно идетъ вторая редакція, съ немногими уже исправленіями. Хороший примѣръ даютъ и занимающій насъ текстъ I и II.

Вторую обработку I и II находимъ въ тетради 2367. Здѣсь передъ нами оба стихотворенія съ исправленіями, сдѣланными по перошицѣ, въ сравнительно заключеннымъ, но все же еще по завершенному видѣ. I занимаетъ здѣсь л. 10 и 10 об. и имѣеть заглавіе „Элегія“, а подъ заглавіемъ помѣту „1821 Авг. 23“, а II — находится на л. 11 и 11 об. съ заглавіемъ: „Элегія“ и съ помѣтой подъ послѣднимъ стихомъ „25 авг. 1821“. Такъ какъ по занесеніи элегій въ тетрадь оставалось на об. 10 и на об. 11 место свободное мѣсто, то Пушкинъ воспользовался имъ, вписавъ свои мелочи — на об. 10 — „Лизѣ страшно полюбить“ и на об. 11 „Эшиграмму“ — „У Кларисы денегъ мало“ съ помѣтой подъ ней „1822 Генр.“¹⁾.

1) Пересматривая *первые* листы тетради 2367, мы видимъ, что Пуш-

Наконецъ, въ окончательной редакціи, приготовленной для отсылки въ печать, читаемъ I и II въ тетради П. И. Капниста, о которой мы еще будемъ говорить: I — на об.

кинь сначала предназначалъ эту тетрадь для занесенія сюда бѣловыхъ редакцій или вторыхъ обработокъ своихъ стихотвореній. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо взглянуть, хотя бы на факсимиле 1, 1 об. и 2 листовъ, данные во II томѣ Пушкинъ — Акад. Приблизительно такой же выѣшний видъ имѣютъ и послѣдующія страницы. Къ большинству переписанныхъ сюда стихотвореній сохранились и первоначальная черновая въ другихъ тетрадяхъ: такъ, черновыи „Уны, зачѣмъ она блестаетъ“, „Дочери КараГеоргія“, — въ тетради, хранящейся въ Имп. Публ. Ббліотекѣ; а посланія къ Чадасеву, „Овидію“, „Наполеону“ — въ тетради № 2365 и т. д. Существование двухъ редакцій слѣдуетъ имѣть въ виду исследователямъ при определеніи хронологіи недатированныхъ произведеній по ихъ „положенію“ въ рукописи. Если эти произведения находятся среди первоначальныхъ редакцій и если ихъ нахожденіе не допускаетъ мысли о случайности ихъ появления здѣсь, то тогда „положеніе“ даетъ матеріаль для хронологического пріуроченія; но если недатированные произведения находятся, хотя бы и не случайно, среди другихъ произведеній заѣдомъ извѣстныхъ годовъ, но переписанныхъ во вторичной редакціи, то о чёмъ же свидѣтельствуетъ „положеніе“? Всего только о томъ, что эти недатированные произведения появились тутъ не позже извѣстнаго намъ хронологическій моментъ возникновенія, а въ неизвѣстный для настъ момента ихъ внесенія во второй редакціи въ тетрадь. Да не надо еще забывать, что многія стихотворенія, извѣстныя въ одномъ рукописномъ спискѣ, несомнѣнно предполагаютъ существованіе недопущенныхъ до настъ черновиковъ первоначальной редакціи. Когда, напримѣръ, Пушкинъ сталъ заполнять тетрадь 2367, занося бѣловые тексты произведеній безъ опредѣленного порядка 1817 года (Въ Альбомъ Зубону), 1820 (Неренда, Рѣбѣсть облаковъ, Ктъ портрету Вяземскаго), 1821 (очень многія), 1822 (Ф. Н. Глинкѣ, Гречанкѣ)? Вѣрѣмо предположить, что это было въ 1822 году. А между тѣмъ именно по „положенію“ и только по „положенію“ въ этой тетради оказываются датированными подъ 1821 годомъ 1) „Изѣ страшно полюбить“, 2) „Клеветникъ безъ даровавія“, 3) „Оставя чести, судьбѣ на произволъ“ (только Л. Н. Майковъ относится къ 1822 году), 4) „Эмилий человѣкъ пустой“ (только Майковъ — къ 1822). Но относительно „положенія“ всѣхъ этихъ мелочей надо сказать: во-1) вѣрѣонѣ занимаютъ свободные концы листовъ 10 об., 8 об., 4 об., 5; слѣд. могли быть вписаны позже 1822, и въ 1823 году, послѣ того, какъ уже были вписаны остальные стихотворенія, и во-2) если даже предположить, что онѣ были занесены въ эту тетрадь одновременно съ большими стихотвореніями, то вѣль большія стихотворенія попали сюда не въ моментъ (намъ извѣстній) ихъ возникновенія изъ художественнаго настроенія поэта, а въ пору (намъ точно неизвѣстную) вторичной обработки. А такъ какъ вѣроятнѣе всего,

листа 18 съ помѣтой: „Элегія XI (1821)“, и II — на л. 16 — 16 об. съ помѣтой „Элегія VIII (1821)¹⁾.

Именно этотъ текстъ I и II появился въ печати въ „Стихотвореніяхъ Александра Пушкина“, С.-Пб. 1826. Занимаетъ здѣсь на 15-й страницѣ 9-ое мѣсто въ отдѣлѣ „Элегій“, а II — 4-ое мѣсто въ томъ же отдѣлѣ на 8-й страницѣ. До выхода въ свѣтъ собранія стихотвореній II было напечатано въ 11-ой книжкѣ „Новостей литературы, изданыхъ А. Воейковымъ“ (мартъ 1825) подъ заглавиемъ „Къ***“ съ подписью „А. Пушкинъ“. Этотъ текстъ представляется нѣсколько отличій отъ текста тетради Капниста и „Стихотвореній“ 1826 года, находящихъ свое оправданіе въ исторіи текста, какъ она рисуется по черновымъ тетрадямъ. При жизни Пушкина, I и II были напечатаны еще разъ въ первой части „Стихотвореній Александра Пушкина“, С.-Пб. 1829. Здѣсь они помѣщены въ отдѣлѣ произведеній 1821 года, I на 4-омъ мѣстѣ (стр. 108) и II на 1-мъ мѣстѣ (стр. 103—104). Тексты изданій 1826 и 1829 года совершенно одинаковы, и разница только въ пунктуациі, при чёмъ въ этомъ отношеніи надо предположить изданіе 1826 года, по которому мы и даемъ текстъ, въ скобкахъ сообщая пунктуациі 1829 года.

I.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;

что Пушкинъ сталъ заносить сюда стихи въ 1822 году, то не лучше ли будетъ перенести ихъ въ 1822 годъ? Мне кажется, что именно такія соображенія имѣлись въ виду Майковъ, относя 3) и 4) въ 1822 годъ. Между прочимъ, текстъ 2), какъ известно, сообщенъ въ письмѣ къ брату 24 января 1822 года, но остается совершенно непонятнымъ, почему *на основаніи* этой даты заносится это произведение въ 1821 годъ? Вопросъ о хронологіи тетради 2367 будетъ разобранъ мной въ особой статьѣ.

1) Съ тетрадью П. И. Капниста мы знакомы только по описанію Майкова въ указаннѣ „Матеріалахъ“, а также и въ его сообщеніи XIV.

Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной! (.)
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ;
Надѣя урною моей промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеніемъ! (.)

II.

Мой другъ! (.) Забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И юности моей ютежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ! (.)
Пускай я радости вкушаю невполнѣ! (;)
Но ты, невинная, ты рождена для щастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови! (:)
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чѣму тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутить;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;

„Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту“, С.-Пб. 1896 (отд. и въ „Сборникѣ Отд. Русск. яз. и слов. И. А. Н. Томъ LXIV, № 5). Далѣе это сообщеніе цитируется кратко „Автографы Капниста“.

Довѣрчивой души безпечность улетить,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій: (:)
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній! (:)
Сегодня я люблю, сегодня щастливъ я! (.)

Третье стихотвореніе, связываемое съ Голицыной, известно намъ по единственному автографу на оборотѣ листа 44-го той черновой тетради (№ 2369), которой Пушкинъ пользовался въ 1822, 1823 и 1824 годахъ и въ которой мы находимъ начало „Онѣгина“. Набросокъ начинается съ самаго верха страницы, такъ что хронологической связи съ предшествующими страницами, при пушкинскомъ беспорядкѣ въ пользованіи тетрадями, устанавливать не приходится. Отмѣтимъ, что III занимаетъ лѣвую сторону тетради и, если отвернуть этотъ листъ, то на оборотѣ 43 листа увидимъ отрывокъ „Все кончено: межъ нами связи нѣтъ“, а за нимъ, на этой же страницѣ, начинается и заканчивается на слѣдующей страницѣ (44 пер.), занимающей ее всю, черновикъ того письма къ Бестужеву, которое въ бѣловомъ помѣщено 8 февраля 1824 года. Если бы Пушкинъ заполнялъ листы тетради 2369 по порядку, то тогда было бы возможно заключить, что III занесено въ нее не раньше 8 февраля 1824 года. По своей выѣшности стихотвореніе на л. 44 об. представляетъ редакцію, уже выработанную съ некоторыми поправками въ отдѣльныхъ стихахъ и совершенно не напоминаетъ тѣхъ черновиковъ, которые современны моменту возникновенія самаго произведенія¹⁾. Стихи имѣютъ заглавіе К. М. А. Г. Надпись

1) Сейчасъ же вслѣдъ за III на той же страницѣ начинается и переходитъ на лицевую сторону 45 листа черновикъ посланія Чаадаеву „Къ чѣму холодныя сомнѣнія“. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на эти страницы или посмотретьъ транскрипцію посланія, далѣе Якушкинымъ (Пушкинъ — Акад. II, стр. 327—329), чтобы признать, что это именно черновикъ.

эта, какъ намъ кажется, сдѣлана не въ одно время съ текстомъ и, быть можетъ, не рукою Пушкина. Но Анненковъ, упоминая объ одномъ, сдѣланномъ Пушкинымъ спискѣ стихотвореній до 1826 года включительно, говоритъ, что въ немъ обозначена словами: „Къ кн. Гол.“ извѣстная его пьеса „Давно о ней воспоминанье“¹⁾.

Пушкинъ не помѣстилъ III въ собраніи своихъ стихотвореній ни въ 1826, ни въ 1829 годахъ, но при жизни его оно появилось въ изданномъ В. Н. Олинымъ альма-

викъ первого типа, т. е. соответствующей моменту возникновенія стихотворенія. Извѣстно разногласіе въ вопросѣ о хронологіи этого посланія Чаадаева: Пушкинъ и самъ заставлялся говорить, что написать его въ 1820 году, и печатать его самъ, подъ 1820 годомъ, но несомнѣнно то, что на 44 об. и 45 листахъ тетради 2369 (единственная извѣстная намъ его рукопись) оно не только вписывалось, но и сочинялось. Трудно согласиться съ Якушкинымъ, разрѣшающимъ недоумѣніе указаніемъ на то, что посланіе къ Чаадаеву было создано въ 1820 году, а окончательно обработано въ 1824 году. Нельзя ли допустить въ такомъ случаѣ не пропасть окончательной обработки, а процессъ восстановленія по памяти и на бумагѣ стихотворенія, оригинала котораго у Пушкина не было подъ рукой? Замѣтимъ, что въ 1824 году ни Пушкинъ, ни Дельвигъ, для альманаха котораго предназначалось письмо съ посланіемъ къ Чаадаеву, не могли получать оригинала, такъ какъ Чаадаевъ въ это время былъ за границей. Совершенно произвольно и уже потому не требуетъ опроверженій предположеніе П. О. Морозова о томъ, что „въ январѣ 1824 года въ Одессѣ поѣзть вспомнилъ о другомъ, своемъ другѣ—внѣгінѣ М. А. Голицыной—и, можетъ быть, началь писать ей посланіе съ воспоминаніями обѣ. Ифигеніи и Орестѣ и о торжествѣ Пиладовой дружбы. Можетъ, быть, именно Голицыну и означаетъ таинственная буква Г—, попавшая подъ перо Пушкина въ черновомъ письмѣ къ Дельвигу“ (Пушкинъ — Венгеровъ. II, стр. 550—551). Морозовъ имѣеть въ виду строки письма „Тутъ поѣтили меня риѳмы на памятникъ дружбы. Я думалъ стихами о Г—“. Самое простое объясненіе буквы Г—: „Я думалъ стихами о Гусарѣ“. Вѣдь Чаадаевъ, какъ разъ и былъ „выплюну волею небесъ... офицеръ гусарскій“. Добавимъ, что разсужденіе Морозова о совсѣмъности двухъ частей этого посланія, отдѣленныхъ точками, тоже лишено всякаго основанія такъ же, какъ и невѣрная ссылка на рукопись, въ которой будто бы только всѣго и относится къ этой части два стиха „Хотѣть развалинъ, инымъ оставить имя роковое“. См. транскрипцію, данную Якушкинымъ. Къ Голицыной же посланіе къ Чаадаеву рѣшительно никакого отношенія не имѣетъ.

1) Анненковъ, Материалы, стр. 145 и Пушкинъ — Анненковъ, I, стр. 152.

нахъ „Карманная книжка для любителей русской старины“ на 1830 годъ (стр. 30—31) съ слѣдующимъ заглавиемъ: „Кн. Голицыной урожденной Суворовой“ и съ помѣтой подъ стихотвореніемъ „1823. Одесса“. Вотъ текстъ III.

Давно о ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лиръ слезъ и хладной скуки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновеніемъ.

Первый и важнѣйшій вопросъ — на какомъ основаніи относить Гершензонъ всѣ три стихотворенія къ княгинѣ М. А. Голицыной? Но основаній Гершензонъ не разыскивалъ, а положился на авторитетъ издателей. Правда, онъ бросилъ нѣсколько словъ о вѣкоторомъ тожествѣ содержания I и III и о хронологической нераздѣльности I и II, но не потратилъ времени на развитіе этихъ соображеній. Намъ придется коснуться ихъ при анализѣ содержания этихъ трехъ пьесъ. Сейчасъ же мы останавливаемся исключительно на объективныхъ фактическихъ основаніяхъ для пріуроченія всѣхъ трехъ пьесъ къ княгинѣ Голицыной. Мы вправѣ обратиться за ними къ Лернеру. Въ 2-мъ изданіи „Трудовъ и днѣй Пушкина“ (стр. 69) онъ

относить I и II къ княгинѣ Голицыной на томъ основаніи, что... ихъ относитъ къ ней Морозовъ въ своемъ изданіи. А у Морозова находимъ категорическое указаніе на то, что I и II писаны къ Голицыной, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Въ новѣйшей своей работе — въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Пушкина въ редакціи Венгерова — Лернеръ выдвигаетъ пріуроченіе I и II къ Голицыной, какъ собственное мнѣніе, и обставляетъ его аргументами.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о рукописяхъ и изданіяхъ I—II—III видно, что безспорно усвоеніе княгинѣ Голицыной одного III. И при жизни Пушкина оно было напечатано съ полной ея фамиліей, и въ черновой тетради имѣеть въ заглавіи инициалы „М. А. Г.“ и въ собственноручномъ перечнѣ Пушкина оно помѣчено „Къ кн. Гол.“ Сомнѣній тутъ не можетъ быть, и вопросъ идетъ только о I и II. Но для пріуроченія I и II къ княгинѣ Голицыной мы не находимъ рѣшительно никакихъ данныхъ ни въ исторіи ихъ рукописнаго и печатнаго текста, ни въ исторіи традиціи, ибо они не были относимы къ ней ни въ изданіи сочиненій, выпущенномъ наслѣдниками или, вѣриѣ, опекой, ни въ послѣдовавшемъ за ними изданіи Анненкова, ни во всѣхъ изданіяхъ Геннади. Впервые въ текстъ сочиненій Пушкина съ именемъ Голицыной были внесены I и II покойнымъ Ефремовымъ въ 1880 году (3-е изданіе Я. А. Исакова). Покойный Ефремовъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ по изданію русскихъ писателей, все же былъ только любителемъ и не имѣть ни научной подготовки, ни критического чутья, замѣнняя по временамъ эти свойства чрезмѣрнымъ — даже до удивленія — апломбомъ и догматизмомъ. Онъ внесъ не мало совершенно произвольныхъ мнѣній по вопросамъ текста, хронологіи и даже біографіи поэта. Къ сожалѣнію, до самаго послѣдняго времени въ пушкиновѣдѣніи выдаются за положительныя

данныя такія утвержденія, которыя по разслѣдованіи оказываются всего на资料и Ефремова. Именно такъ стоитъ дѣло и въ нашемъ случаѣ.

Лернеръ, признавъ правильнымъ отнесеніе I и II къ Голицыной, доказываетъ мнѣніе Ефремова слѣдующимъ образомъ: „изъ словъ самого Пушкина, который, подготовляя въ 1825 году сборникъ своихъ стихотвореній, писалъ 27 марта брату: „тиснить еще стихи Голинь-Суворовой; возьми ихъ отъ нея“, можно видѣть, къ кому относится элегія (I), действительно появившаяся въ изданіи 1826 года“¹⁾. Въ этомъ выводѣ и дала себя знать однокрылость увлеченаго фактическаго изслѣдователя. Вотъ вопросъ, на который Лернеръ, конечно, не можетъ дать отвѣта: откуда же ему известно, что Пушкинъ имѣлъ въ виду стихотвореніе I или II, а не какое-либо другое? Но какое же это доказательство, что I и II напечатаны въ изданіи 1826 года! Вѣдь рѣшительно ничто не мѣшаетъ намъ думать, что тутъ рѣчь идетъ о III или даже, можетъ быть, и другомъ, намъ неизвѣстномъ. Но не станемъ предполагать существованія неизвѣстныхъ намъ стихотвореній Пушкина и останемся въ кругу дошедшихъ до насть. Мы считаемъ вполнѣ достовѣрными слѣдующія положенія: 1) въ письмѣ къ брату Пушкинъ говорилъ именно о III стихотвореніи, хотя оно и не появилось въ изданіи 1826 года, и 2) Пушкинъ ни въ коемъ случаѣ не имѣлъ въ виду ни I, ни II. Для того, чтобы передъ нами обнаружилась правильность этихъ утвержденій, надо только вспомнить исторію появленія въ печаги первого изданія стихотвореній Пушкина въ 1826 году.

Объ отдѣльномъ изданіи своихъ стихотвореній Пушкинъ началъ думать съ 1819 года. Въ 1820 году Пушкинъ „переписалъ свое вранье и намѣренъ былъ издать его по

1) Пушкинъ. — Венгеровъ, II, 572.

подпись¹⁾), но рукопись эту онъ проигралъ Всеволожскому. Послѣдній не осуществилъ своего издательского права. Пушкину пришлось выкупать у него эту рукопись, когда онъ приступилъ, будучи уже въ Михайловскомъ, къ изданію своихъ стиховъ. Братъ Левъ Сергеевичъ до-былъ рукопись только въ мартѣ 1825 года. Пушкинъ 14 марта изъ Тригорскаго писалъ ему: „Братъ, обнимаю тѣбя и падамъ до ногъ. Обнимаю также и Аристарха Всеволожскаго. Пришли же мнѣ проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать... Элегіи мои переписаны — потомъ посланія, потомъ Смѣсь”... А 15 марта, прибывъ въ Михайловское и найдя рукопись, онъ писалъ брату: „Третьаго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое спшилъ на живую нитку²⁾). Пересланная въ этотъ день Пушкинымъ рукопись сохранилась и пушкиньянцамъ известна подъ названіемъ тетради Капниста. Владѣлецъ тетради графъ

1) Шерпинка Пушкина, I, 150. Это сообщеніе о „переписанномъ враніѣ“ запрещаетъ отожествлять рукопись Всеволожскаго съ тетрадью № 2364. Соображенія по этому поводу Якушкина (Пушкинъ. — Акал. II, 265) не имѣютъ тутъ силы, а главный доводъ противъ отожествленія: тетрадь Всеволожскаго не существуетъ съ марта 1824 года; она, какъ мы видимъ изъ письма къ брату отъ 14 марта 1825 года изъ Михайловскаго и изъ исторіи возникновенія тетради Капниста, была разорвана Пушкинымъ по листамъ. Кстати: въ письмѣ къ брату отъ конца октября 1824 года (Шерпинка II, 139) Пушкинъ просить прислать ему „его рукописную книгу“. Но тутъ не о рукописи Всеволожскаго рѣчь. Не имѣли въ виду Пушкинъ тетради № 2364?

2) Итакъ, въ один-два дня, 14—15 марта 1825 года, Пушкинъ приготовилъ къ печати стихотворенія, находившіяся въ рукописи Всеволожскаго и внесенные туда въ 1820 году до отѣзда изъ Петербурга. Возникаетъ вопросъ, къ какому времени относятся исправленія въ тетради 2364. Обычно утверждаютъ, что Пушкинъ исправлялъ стихи этой тетради, готовя изданіе въ 1825 году, но не были ли сдѣланы эти исправленія передъ тѣмъ, какъ по этой тетради Пушкинъ приготовилъ списокъ своихъ стихотвореній въ 1820 году, очутившійся въ рукахъ Всеволожскаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ важенъ для исторіи текста и требуетъ для своего разрешенія дальнѣйшихъ наблюдений.

П. И. Капнистъ представилъ эту рукопись во временное распоряженіе Академіи Наукъ, и Майковъ описалъ ее¹⁾). Изъ его описанія видно, что Пушкинъ чуть ли не въ буквальномъ смыслѣ произвелъ всю ту работу надъ рукописью, о которой онъ такъ картино выразился въ письмѣ. „Сперва тетрадь, по словамъ Майкова, состояла изъ большаго количества листовъ, но нѣкоторые изъ нихъ были вырѣзаны, а остальные сшиты вновь, притомъ не въ надлежащемъ порядкѣ... Вся тетрадь писана Пушкиннымъ собственноручно... Сюда внесены лишь тѣ стихотворенія, которыя Пушкинъ считалъ достойными печати; притомъ нѣкоторыя піесы не вписаны въ тетрадь цѣликомъ, а лишь указаны своимъ заглавіемъ или первымъ стихомъ: Плетневу и Л. Пушкину представлялось извлечь полный текстъ этихъ произведеній изъ тѣхъ альманаховъ и журналовъ, гдѣ они впервые были напечатаны... На основаніи этого сборника изготовлена была та рукопись, съ которой печаталось изданіе 1826 года... Всѣ стихотворенія, помѣщенные въ этой тетради, вошли въ изданіе 1826 года въ той редакціи, въ какой находится въ этой тетради, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣсколькихъ стиховъ, подвергшихся еще разъ поправкамъ²⁾). Самая рукопись заканчивается слѣдующей записью: „если найдутся и другія“ (т. е. эпиграммы и надписи, перечень которыхъ приведенъ въ описаніи Майкова).

1) Автографы Капниста. Есть сожалѣнію, описание Майкова крайне бѣгло и не дасть отвѣта на многие любопытные вопросы. Объ этомъ, приходится пожалѣть сугубо, такъ какъ рукопись въ свое время была возвращена изъ Академіи Наукъ по принадлежности, а гдѣ она находится теперь, не удалось выяснить, несмотря на все розыски.

2) Автографы Капниста, стр. 1, 2, 8. Необходимо отыскать ошибку Майкова. Въ изданіе 1826 года не вошли: 1) и 2) посланія Щербилину (1819), Баратынскому (изъ Бессарабіи), 3) посланію Каверину, 4) „Я видѣть смерть“ и 5) „Морфею“. 1 и 2 указаны въ тетради Капниста, текстъ 8 приводится цѣликомъ; 4 — въ тетради сохранилась часть текста, а остальная оборвана; текстъ 5 вписанъ въ тетрадь, но тутъ же Пушкинъ прописать: „если оставить, такъ перенести въ мелкія стихотворенія“.

день Пушкинымъ на этой страницѣ), „то тисни. Нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ находятся у Бестужева; возьми ихъ отъ него. Дай всему этому порядокъ, какой хочешь, но разнообразіе!“¹⁾

Братъ Пушкина отнесся къ порученію поэта весьма небрежно. Онъ долженъ былъ произвести разыски стихотвореній, но намѣченныхъ поэтомъ въ тетради Капниста, и переписать все стихотворенія для представлениія въ цензуру. Но, судя потому, что изданіе 1826 года въ сравненіи съ тетрадью П. И. Капниста имѣть немногого дополненій, да изъ этихъ дополненій львиная доля вставлена самимъ Пушкинымъ или взята изъ номеровъ журналовъ, вышедшихъ въ періодъ подготовки изданія, можно заключить, что онъ не производилъ никакихъ особыхъ разысковъ. Не спѣшилъ Левъ Сергеевичъ и съ перепиской стихотвореній, присланныхъ братомъ и собранныхъ имъ при помощи Плетнева. 28 іюля Пушкинъ писалъ брату: „я отослали тебѣ мои рукописи въ мартѣ — онъ еще не собраны, не цензированы“. Но 5 августа Плетневъ сообщалъ Пушкину: „Левушка... отшучивается, когда я ему говорю, какъ онъ спѣшилъ перепиской разн. стих. Прикрики на него по старому, и онъ разомъ отдастъ мнѣ тетрадь готовую для Цензора“. 29 августа Плетневъ опять совѣтовалъ Пушкину „вѣльть Льву въ половинѣ сентября непремѣнно отдать мнѣ разныя стихотворенія, чисто и со всѣми своими поправками переписанныя, чтобы 1-го Октября взялъ ихъ отъ Цензора и снесъ въ типографію“. Только къ 26 сентября Плетневъ получилъ отъ Льва переписанную имъ тетрадь. Оглавленіе ея 26 сентября Плетневъ послалъ къ Пушкину на утвержденіе. Неизвѣстно, гдѣ находится въ настоящее время эта тетрадь, но ею еще пользовались и Анненковъ и Ефремовъ. Сравни-

вая эту тетрадь (по списку Плетнева) съ книгой, видимъ, что въ книгу не попали слѣдующія десять пьесъ, имѣющіяся въ тетради: Я видѣлъ смерть 1816, Къ ней 1817, Уныніе 1816, Воспоминаніе въ Царскомъ селѣ 1814, Романсъ 1814, Наездники 1815, Мѣсяцъ 1816, Усы, Живъ, живъ курилка, Къ Н. Я. П. 1818, но за то въ изданіи находимъ три не бывшихъ въ этой тетради пьесы: Въ альбомѣ 1825, Ex angue leonem, Юношъ Сафо¹⁾). Изъ сопоставленія же оглавленія переписанной Львомъ Пушкинымъ тетради съ указаніями тетради Капниста видимъ, что онъ не разыскалъ и не включилъ посланія къ Щербинину, къ Баратынскому изъ Бессарабіи, къ Каверину и элегія „Морфею“.

О пополненіи и исправленіи приготовляемаго къ печати въ Петербургѣ братомъ и Плетневымъ собранія стихотвореній Пушкинъ началъ заботиться тотчасъ по отсылкѣ своей рукописи въ мартѣ мѣсяцѣ. То и дѣло въ письмахъ къ Плетневу и брату онъ сообщалъ поправки, давалъ совѣты включить то и то. Мы остановимся только на одномъ подобномъ распоряженіи Пушкина въ письмѣ къ брату отъ 27 марта 1826 года, т. е. какъ разъ на томъ, на которомъ основывается Лернеръ, относя I стихотвореніе къ княгинѣ М. А. Голицыной. Припомнимъ, что свою рукопись Пушкинъ отоспалъ брату 15 марта. „Тиснуть еще стихи К. Голиц.-Суворовой; возьми ихъ отъ нее“ — пишетъ онъ брату. Изъ разсказанной только что исторіи подготовленія къ печати первого собранія стихо-

1) Анненковъ, говоря обз. этой тетради, пишетъ: „истати сказать между прочимъ, что въ тетради 1826 года зачеркнуто II. 9-ть пьесъ, именно: Подражаніе 1816 (т. е. Я видѣлъ смерть Л.Щ.), Къ ней 1817, Уныніе 1816, Восп. въ Царскомъ Селѣ 1815, Романсъ 1814, Наездники 1815, Мѣсяцъ 1810 Усы“ (Пушкинъ — Анненковъ II, стр. 32). Любопытно, что Анненковъ говоритъ о 9 пьесахъ, а перечисляетъ только 8. По указанію Плетнева видно, что въ тетради была и эпиграмма „Живъ, живъ курилка“ и посланіе „Къ Н. Я. П.“ 1818.

* 1) Тамъ же, стр. 7.

твореній Пушкина ясно, что подобное распоряжение могло относиться только къ такимъ стихотвореніямъ, которыхъ раньше имъ не были указаны ко включенію въ изданіе и текста которыхъ онъ не сообщилъ. Но мы уже знаемъ что въ тетради Капниста, отосланной 15 марта, переписаны щѣликомъ и I и III—I на л. 18 об., а на II—на л. 16—16 об.¹⁾). Но отсюда съ совершенной очевидностью вытекаетъ, что, предлагая брату взять стихи княгинѣ Голицыной-Суворовой и тиснуть, Пушкинъ никоимъ образомъ не имѣлъ въ виду ни I, ни II²⁾.

Но какіе же стихи Голицыной-Суворовой поручалъ поэтъ брату взять отъ нея? Не прибѣгая къ гипотезѣ не дошедшаго до насъ посланія Голицыной, мы должны разумѣть подъ ними, конечно, III. Правда, оно не было напечатано въ изданіи 1826 года, но что означаетъ его отсутствие въ этомъ изданіи? Братъ Левъ или преинѣбрегъ распоряженіемъ брата (а мы знаемъ, что онъ дѣлалъ это неоднократно), или не имѣлъ возможности исполнить его, такъ какъ М. А. Голицыной какъ разъ въ это время могло и не быть въ Петербургѣ³⁾). Посланіе, ей адресованное,

1) Автографы Капниста, стр. 6, 7. По недосмотру Майковъ не дать здесь указания, что приведенъ *весь* текстъ пьесы I, но см. его „Материалы“ стр. 125.

2) Можно привести и слѣдующее тому подтвержденіе. Мы уже указали, что II появилась въ мартовской книжкѣ журнальчика Воейкова „Новости Литературы“. Цензурное разрешеніе на этой книжкѣ отъ 2 марта. Надо думать, что изъ 27 марта книжка эта могла быть уже получена въ Михайловскомъ, а въ томъ самомъ письмѣ отъ 27 марта, въ которомъ находится распоряженіе „тиснуть стихи Голицыной - Суворовой“, непосредственно передъ этими словами читаемъ: „Такъ какъ Воейковъ ведеть себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ — то ли дѣло не красть, не ругаться по <.....>, не перепечатывать, писать не перехватывать и пр. Люди не осудятъ, а я скажу спасибо“. Можно ли въ такомъ случаѣ выражение „тиснуть стихи Голицыной“ относить ко II, которое лежало передъ Пушкинымъ въ полученной имъ книжкѣ „Новостей Литературы“?

3) Изъ воспоминаній Бутурлина мы знаемъ, что въ началѣ 1826 года княгиня М. А. Голицына была во Флоренціи, а изъ письма Жуковскаго видѣли, что вътомъ 1826 года она была въ Эмсѣ и лѣчилаась здесь отъ тяжелой болѣзни, надолго закрывшей ей возвратъ въ Россію.

появилось въ 1830 году въ альманахѣ В. Н. Олина. Здѣсь она названа полной фамиліей съ титуломъ, и стихотвореніе дано съ помѣтой 1823, Одесса. Весьма правдоподобно, что В. Н. Олинъ получилъ рукопись стихотворенія не отъ Пушкина, а прямо или черезъ другихъ отъ княгини Голицыной. Во всякомъ случаѣ, очень похоже на то, что онъ печаталъ посланіе со списка, представлявшаго окончательную, поднесенную Пушкинымъ редакцію.

Но мы были бы несправедливы къ Лернеру, если бы оставили безъ вниманія еще одно приводимое имъ фактическое основаніе или, вѣрнѣе, тѣнь такого основанія, по которому I и II пьесы могли бы быть усвоены М. А. Голицыной. Говорю, тѣнь, ибо все сводится къ обмолвкѣ или неясности, допущенной Анненковымъ. Послѣдній, разсуждая о творчествѣ Пушкина въ Кишиневскій періодъ, пишетъ въ своихъ „Матеріалахъ“: „одинъ за другимъ слѣдовали тѣ художественно-спокойные образы, въ которыхъ ужъ очень полно отражается артистическая натура Пушкина. *Діонея, Дѣва, Муза* (*Въ младенчествѣ моемъ она меня любила*), *Желаніе* (*Кто видѣлъ край*), *Умолкну скоро я, М. А. Г.* Въ послѣдніхъ двухъ глубокое чувство выразилось въ удивительно величавой и спокойной формѣ, которая такъ поражаетъ и въ пьесѣ *Примѣты*¹⁾). Какую же пьесу обозначалъ въ этомъ перечинѣ Анненковъ заголовкомъ „М. А. Г.“? Въ его изданіи именно подъ такимъ заголовкомъ напечатано III, но III написано въ Одессѣ. Очевидно, Анненковъ впалъ въ невольную ошибку, говоря о III при опѣнкѣ произведеній кишиневскаго періода. Впрочемъ, возможно, что ошибка была иного рода: III названо вмѣсто какого-то другого и въ такомъ случаѣ всего вѣроятнѣе вмѣсто II. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣя въ виду II, Анненковъ долженъ быть

1) Ампенковъ, Материалы, 83 и Пушкинъ, I, 89.

бы написать и соответствующее заглавие *Мой другъ, забыты мной*, но описался и внесъ не подходящее тутъ „М. А. Г.“ Вѣроятнѣе, пожалуй, именно послѣднее предположеніе, потому что Анненковъ, печатая текстъ I и II, обратилъ вниманіе на хронологическую близость этихъ пьесъ. Въ примѣчаніи къ I онъ говоритъ: „I написано днемъ ранѣе II, что заставляетъ предполагать и единство поводовъ къ созданію ихъ. Въ обѣихъ, особенно въ послѣдней, изящество вѣшней формы находится въ удивительной гармоніи съ свѣтлымъ, кроткимъ чувствомъ, какое предназначено ей содержать“¹⁾.

Эта обмолвка или неясность ввела въ заблужденіе сначала Ефремова, вслѣдъ за нимъ повѣрившихъ ему слѣдующихъ издателей и, наконецъ, въ наши дни Лернера. Ефремовъ, первый изъ издателей, пропечаталъ въ текстѣ сочиненій пьесу I съ заголовкомъ „Элегія [Къ М. А. Г.]²⁾. Очевидно, упомянутое въ перечѣ А nnенкова „М. А. Г.“ онъ принялъ не за заглавіе стихотворенія, какъ это слѣдовало принимать по принятому тутъ Анненковымъ способу приводить заглавія, а за приложеніе, поясняющее заголовокъ предшествующей пьесы, т. е. „Умолкну скоро я“. Послѣ подобнаго установленія фактической связи I съ княгиней Голицыной Ефремову уже не стоило никакихъ трудовъ, опираясь на сдѣланное Анненковымъ сближеніе I и II, установить то же самое и относительно II и даже... укорить А nnенкова за непослѣдовательность (обычный приемъ покойного библіографа!). Въ примѣчаніи къ I Ефремовъ говоритъ: „I написано къ одному и тому же лицу, какъ и слѣдующее, на другой день набросанное поэтомъ „Мой другъ, забыты мной“, впервые напечатанное въ „Новостяхъ Литературы“ 1825. Г. А nnенковъ, указывая на тѣсную связь этихъ стихотвореній, написанныхъ одно за

1) Пушкинъ — А nnенковъ, II, 314.

2) Пушкинъ — Ефремовъ — Исааковъ I, стр. 382, 388.

другимъ, все-таки помѣстилъ ихъ порознь, притомъ послѣднее въ началѣ, а первое въ концѣ 1821 года¹⁾.

Такова исторія появленія имени М. А. Голицыной въ текстѣ сочиненій Пушкина при I и II. Лернеръ, какъ видимъ, исходилъ изъ достовѣрнаго для него, а на самомъ дѣлѣ мнемаго указанія самого Пушкина на отношеніе I къ княгинѣ Голицыной, и по связи I и II устанавливаль фактическую связь II съ Голицыной, въ подтвержденіе ссылаясь на обмолвку А nnенкова. „Повидимому — пишетъ Лернеръ — II элегію А nnенковъ обозначилъ инициалами „М. А. Г.“, говоря о ней въ связи съ I элегіей, посвященной княгинѣ М. А. Голицыной“²⁾). Мы видимъ теперь всю неосновательность и неправильность усвоенія I и II княгинѣ М. А. Голицыной; яснѣ для насъ и процессъ возникновенія и укрѣпленія ошибочнаго мнѣнія.

Итакъ, ни I, ни II никоимъ образомъ не могутъ и не должны быть связываемы съ именемъ Голицыной; только одна пьеса III несомнѣнно написана ей и вызвана ея вліяніемъ.

V.

Остановимся на содержаніи „Стиховъ княгинѣ Голицыной-Суворовой“ (III). Поступить такъ мы имѣемъ тѣмъ болѣе основаній, потому что для комментаторовъ поэта пониманіе этого стихотворенія представляло затрудненія, и содержаніе его казалось темнымъ. Такъ, проф. Незеленовъ, приведя послѣднія четыре строки стихотворенія, пишетъ: „сердечность тона всего произведенія, сдержаннаго, но далеко не холоднаго, показываетъ, что слова эти сказаны не на вѣтеръ, не въ видѣ простой любезности, мадригала. Но они не совсѣмъ понятны, потому что *темно* (*и должно быть, Пушкинъ сдѣлалъ это съ намѣренiemъ*), *темно выражение*

1) Тамъ же, стр. 558.

2) Пушкинъ — Венгеровъ II, 573.

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла
И нынъ ей передала
*Свои плѣнительные звуки*¹⁾.

А Гершензонъ поясняетъ посланіе слѣдующимъ образомъ: „Пушкинъ вспоминаетъ тотъ давній, памятный ему случай, когда онъ узналъ, что его стихи ее очаровали; теперь случилось нечто другое—объ этомъ второмъ случаѣ Пушкинъ говоритъ неясно. Возможно, что она чрезъ сестру Башмакову²⁾, съ которой Пушкинъ встрѣчался у Воронцовыхъ, прислала ему какіе-нибудь свои, вѣроятно, французскіе, стихи въ отвѣтъ на его поэтическія пѣсни:

„Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынъ ей передала
Свои плѣнительные звуки“.

Итакъ, въ увлеченіи загадкой, Незеленовъ свое непониманіе приписалъ намѣренному со стороны поэта затѣмѣнію смысла, а Гершензопъ, ничего не зная о княгинѣ Голицыной, заставилъ ее писать французскіе стихи. Дѣло же обстоитъ гораздо проще. Въ приведенныхъ выше данныхъ имѣются превосходныя реалии къ этому стихотворенію. Мы знаемъ, что Голицына не только пѣла, но и занималась пѣніемъ. Надо думать, ея искусство было выше обычнаго дилетантскаго уровня: объ этомъ можно заключать изъ частыхъ упоминаній именно объ ея пѣніи; стоитъ

1) А. И. Незеленовъ. Собрание сочинений Т. I. А. С. Пушкинъ въ его поэзіи С.-Пб. 1908, стр. 177. Курсивъ въ стихахъ принадлежитъ Незеленову, въ словахъ самого Незеленова—намъ.

2) Ея сестра Варвара Аркадьевна, по мужу Башмакова, дѣйствительно жила въ эти времена въ Одессѣ и въ Крыму. О ней см. „Остафьевский Архивъ“, т. III, стр. 391, и „Архивъ Раевскихъ“, т. II, С.-Пб. 1909.

только А. И. Тургеневу, князю Вяземскому, Жуковскому заговорить въ письмѣ о княгинѣ Голицыной, какъ сейчасъ же подъ перо подвертываются эпитеты и отзывы объ ея пѣніи. Слѣпой Козловъ утѣшался ея пѣніемъ; Жуковскій, тонко чувствовавшій искусство, наслаждался ея милымъ пѣніемъ. Быть можетъ (это только предположеніе!) она сама создавала музыку къ нравившимся ей стихамъ. Если мы вспомнимъ всѣ эти данныя, то содержаніе посланія станетъ для настѣ совершенно яснымъ: это дань признанія и благодарности художника слова, который услышалъ свои стихи въ чарующемъ исполненіи художника пѣнія. Когда-то давно, задолго до написанія посланія (оно написано въ 1823 году), княгиня оказала *минутное внимание* поэту, мило повторивъ или по-просту спѣвъ его стихи¹⁾. Стихъ поэта былъ зачарованъ, былъ обвороженъ для него звуками ея голоса. Теперь (въ 1823 году) она снова подарила вниманіемъ его лиру и передала ей свои плѣнительные звуки, т. е. опять спѣла его стихи. И въ первый разъ *минутное внимание* княгини было долго отрадой поэту, и онъ повторялъ свой стихъ, услышанный изъ ея устъ. А теперь онъ будетъ гордъ и станетъ считать себя обязаннымъ ей за свою славу, а быть можетъ и за вдохновеніе, если оно придетъ. Вотъ и все, что Пушкинъ сказалъ въ этомъ посланіи. Смущавшее Незеленова и Гершензона четверостишие теряетъ свой недоумѣній характеръ.

Но и безъ всѣхъ этихъ реалий смыслъ стиховъ

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынъ ей передала
Свои плѣнительные звуки . . .

1) Спорѣ всего можно предполагать, что впервые это было еще въ Петербургѣ, а второй разъ въ Одессѣ въ 1823 году.

можно было бы уяснить, сопоставивъ ихъ съ слѣдующими стихами изъ стихотворенія 1817 года „Къ ней“:

На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки —
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.

И въ 1823, и въ 1817 году поэтъ стремился выразить природу одного и того же явленія: тамъ голосъ женщины, поющій стихи поэта, передаетъ свои звуки лирѣ, здѣсь гулъ дубравъ передаетъ ихъ горамъ. Нѣкоторая неясность выраженія, создававшая затрудненіе для комментаторовъ, объясняется, какъ мнѣ кажется, его не русскимъ происхожденіемъ. Позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступление для разъясненія исторіи появленія этого образа въ юношеской лирикѣ Пушкина. Слѣдуетъ сопоставить стихи 1817 года со стихами 6-ой элегіи 4 книги хорошо знакомаго Пушкину Парни¹⁾.

„Ma bouche indiscrete a prononc  son nom
Je l’ai r dit cent fois, et l’echo solitaire
De ma voix douloureux a prolong  le son“.

Мы не хотимъ сказать, что Пушкинъ подражалъ или воспроизводилъ именно этотъ отрывокъ Парни. Къ сожалѣнію, вопросъ о степени и характерѣ вліянія французской эротической поэзіи на Пушкина до сихъ поръ, можно сказать, не былъ подвергнутъ научному изученію, и дѣло, въ сущности, не пошло дальше аналогій и сопоставленій, по большей части любительского характера. А вѣдь поэтика Пушкина отсюда выросла. Слѣдовало бы наконецъ изучить поэтику и стиль этихъ французскихъ легкихъ стихотворцевъ, любезныхъ сердцу Пушкина,—

1) *Oeuvres d’Evariste Parny. A Paris. Tome 1-er, 1808, p. 96.*

и не только названныхъ имъ поименно, но и не названныхъ. О послѣднихъ у насъ никто изъ изслѣдователей и слова не заводилъ! Подобное изученіе показало бы, что молодой Пушкинъ былъ переполненъ мотивами, образами, фигурами, эпитетами, характеризующими французскую легкую лирику, что онъ все время переводилъ ея поэтическій языкъ на русскій и широко пользовался материалами этой поэтики. И приведенное нами трехстишие Парни характеризуетъ не столько этого поэта, сколько вообще современную ему поэтику. Вотъ, къ примѣру, на ту же тему (влюбленный въ разлукѣ повторяетъ имя милой, а эхо воспроизводитъ его)¹⁾ стихи изъ VIII Элегіи 4-й книги знаменитаго Пиндары XVIII вѣка Лебрена (Ponce-Denis Ecouchard Le Brun, 1729—1807):

„Une“sauvage Echo, du fond de ces bois sombres
Prolongeait mes accens, égar s sous leurs ombres
Les antres, les f rets, les rochers attendris
Plus sensibles qu’Egl , r pondaient   mes cris“^{2).}

Мы не случайно привели примѣръ изъ Лебрена; кажется, имя его не было произнесено ни Пушкинымъ, ни въ пушкинской литературѣ, а трудно предположить, чтобы Пушкинъ, при своемъ широкомъ знакомствѣ съ французской литературой, не зналъ этого прославленного его временемъ поэта³⁾. Любопытно отметить одну его довольно длинную элегію (2-ую въ 3-й книжкѣ элегій), въ которой онъ умоляетъ Делю о свиданіи, обѣщаю ей защиту Венеры, и т. д. Содержаніе ея для насъ не важно, но въ ней есть одинъ мотивъ —

1) Конечно, и тема не изобрѣтена французской поэзіей.

2) *Oeuvres de P. D. Le Brun, T. 2^d, Paris. 1811, p. 109.*

3) Въ началѣ ноября 1824 года Пушкинъ заказывалъ брату прислать ему „Oeuvres de Le Brun, odes,  l g es etc.“, но врядъ ли для первого ознакомленія.

„Toi, Délie, ose fuir un Argus odieux;
Ose: Venus sourit aux coeurs audacieux“¹⁾.

Совпадение и самого мотива, и именъ (Делія, Аргусъ) вообще же эти имена часты во французской эротикѣ съ тѣми, что встречаются въ самомъ раннемъ его, извѣстномъ намъ стихотвореніи, очевидно и указываетъ скорѣе на заимствованіе именно изъ этого источника, чѣмъ на воспроизведеніе обще-элегическихъ мѣстъ.

Возвращаясь къ помянутой элегіи Парни, мы должны сказать, что она даетъ хорошую иллюстрацію къ Пушкинскому манерѣ (юношескихъ лѣтъ) пользоваться сокровищницей французской поэзіи. Допустимъ, что въ стихотвореніи „Къ ней“ Пушкинъ могъ и не пользоваться непосредственно и сознательно приведеннымъ нами трехстишиемъ. За то несомнѣнно онъ прямо воспроизводилъ эти стихи въ элегіи 1816 года „Осеннее утро“²⁾.

„Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее — лишь гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ откликнулся въ дали“³⁾.

Но и еще одно непрекаемое заимствованіе изъ этой элегіи Парни можно указать въ элегіи „Мечтателю“. По содержанию и по строенію это стихотвореніе совершенно не скоже съ элегіей Парни, но Пушкину занадобилось вложить въ уста мечтателю, не имѣющему силъ разстаться съ своей любовью, восклицаніе къ богамъ:

1) Le Brun, ibid., p. 66.

2) Замѣтываніе наѣ Парни въ „Осеннемъ утре“ указывалъ Морозовъ (Пушкинъ — Венгеровъ I, 890).

3) А въ черновомъ наброскѣ

Я звалъ ее, и гласъ уединенный
Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.

См. Пушкинъ — Акад. I, стр. 218 и примѣт., стр. 315.

„Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
Довольно я любилъ, — отдайте мнѣ покой...“.

И все это восклицаніе оказалось (конечно, совершенно безсознательно для самого Пушкина) простымъ переводомъ Парни.

„O dieux! o rendez - moi ma raison égarée,
Arrachez de mon coeur cette image adorée“.

Тутъ ужъ заимствованіе ясно.

Послѣ представленныхъ соображеній посланіе Голицыной „Давно о ней воспоминанье“ становится совершенно яснымъ. Въ немъ нѣтъ рѣшительно ни одного слова, которое свидѣтельствовало бы о какомъ-либо, даже самомъ легкомъ увлечениіи поэта пѣвицей, — не говорю уже — о какой-либо любви или страсти. Правда, это не обычный мадrigalъ, не завзятая надпись въ дамскій альбомъ. Поэтъ, дѣйствительно, сердечно тронутъ такимъ вниманіемъ художника голоса и искренне благодарить пѣвицу. Посланіе, быть можетъ, выросло не только изъ чисто внешняго желанія отдать княгиню М. А. Голицыну, а возможно и изъ внутреннихъ побужденій: поэта могла заинтересовать связь двухъ искусствъ въ одной темѣ; его поэтическое воображеніе должно было быть затронуто наблюденіемъ, какъ его звуки — плоды его творчества — оживаютъ новой жизнью въ музыкѣ голоса. Давая распоряженіе тиснуть это посланіе въ изданіи 1826 года, Пушкинъ, надо думать, выдѣлялъ его, какъ имѣющее объективную цѣнность, не считать его случайнымъ, подобнымъ многимъ своимъ, написаннымъ по просьбѣ почитательницъ и почитателей его таланта про-

изведеніямъ, которыя онъ не удостаивалъ печати. Набрасывая перечень своихъ стихотвореній, онъ не забылъ вписать въ него и это стихотвореніе, написанное для Голицыной.

Значеніе поэтическаго отзыва Пушкина о пѣніи княгини Голицыной обрисуется еще ярче, если мы напомнимъ общее сужденіе Пушкина объ эстетическомъ вкусѣ русскихъ женщинъ: „Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причину незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одѣливъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью самою раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онаъ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онъ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстраиваютъ мѣру, уничтожаютъ риему. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятій.... Исключенія рѣдки“¹⁾). Должно быть, однимъ изъ такихъ исключений была княгиня Голицына, если только.... Пушкинъ былъ искреннѣй въ своемъ посланіи.

1) Эту замѣтку Пушкинъ выбралъ вмѣсть съ другими изъ своихъ черновыхъ тетрадей и напечаталъ въ „Сѣверныхъ Цѣѣахъ“ на 1828 годъ подъ заглавиемъ: „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣткія (извлечено изъ неизданныхъ записокъ)“; невозможно поэтому относить всѣ эти „Отрывки“ цѣликомъ къ 1827 году, какъ это дѣлаетъ Лернеръ (стр. 165). Въ частности выписанная нами замѣтка извлечена изъ тетради № 2869, л. 2 и 2 об. Вслѣдъ за этой замѣткой идетъ на той же страницѣ отрывокъ, печатающійся нынѣ подъ заглавиемъ „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“ и относимый по связи содержанія съ строфами Онѣгина и по указанію въ письмѣ 1824 года, къ 1824 году. Тетрадью 2869 Пушкинъ пользовался необычно для себя довольно систематично въ 1822, 1823 и 1824 годахъ (см. согласно съ нашимъ наблюденіемъ свидѣтельство

I и II писаны не Голицыной, III писано ей, но въ немъ нѣтъ рѣшительно никакого намека на какое-либо нѣжное чувство поэта къ княгинѣ Голицыной. Но вѣдь Голицына — „сѣверная любовь“ Пушкина, которую онъ увозилъ изъ Петербурга въ изгнаніе и которою онъ жилъ въ 1820—1823 годахъ: где же искать исторію этой таинственной любви? Во всякомъ случаѣ посланіе 1823 года не даетъ не только материаловъ для такой исторіи, но даже и основаній предполагать такую любовь. Выводъ, конечно, единственный и ясный, какъ день: эта сѣверная любовь къ Голицыной создана воображеніемъ Гершензона и Незеленова; въ дѣйствительности же ея никогда и не существовало.

Можно еще привести одно соображеніе, специально, для Гершензона: на самомъ дѣлѣ, если вмѣсть съ нимъ видѣть въ I—II отраженіе *начальной*, а въ III — *заключительной* стадіи этой привязанности поэта, то при выраженіи и совершенно опредѣленномъ смыслѣ и значеніи III не почувствуется ли психологическая невозможность связывать такой конецъ сердечной исторіи съ такимъ началомъ? И несомнѣнно, тѣ отношенія, которые запечатлены въ III, безъ нарушенія психологической

Якушкина, — Пушк. Акад. II, прим., стр. 380); въ такомъ случаѣ, положеніе въ тетради обѣихъ замѣтокъ не мѣшаетъ отодвинуть ихъ къ 1823 году: какъ разъ впереди на л. 2 идетъ „Эпилогъ“ (или вступленіе) къ „Бахчисарайскому Фонтану“, а позади на 3 об. заключительные стихи этой поэмы. Конечно, отнесеніе ихъ къ 1823 году, въ концѣ концовъ, предположеніе, и если мы дѣлаемъ это предположеніе, то только потому, что не слѣдуетъ, такъ категорически помѣщать „О причинахъ и т. д.“ подъ 1824 годомъ ибо свидѣтельства, приводимыя въ подтвержденіе этого года, мириятся и съ допущеніемъ ранніяго года. Замѣтимъ, что въ той же тетради, где находится замѣтка о женскомъ вкусѣ, вписано и посланіе княгинѣ Голицыной. Не лишнее указать, что текстъ тетради по сравненію съ текстомъ „Сѣверныхъ Цѣѣовъ“ представляеть не мало отличий, до нынѣ не отмѣченныхъ. Мы цитировали ихъ по Пушкинъ — Морозовъ — Просвѣщеніе, т. VI, стр. 16.

правды нельзя вывести изъ отношеній, предполагаемыхъ I—II.

Нельзя не сказать иѣсколько словъ объ упомянутой нами, усмотрѣнной не только Гершензономъ, но и иѣкоторыми издателями, связи I и III по содержанию и даже отдельнымъ стихамъ. Намъ говоритъ Гершензонъ. „Конецъ I и III тождественны; далѣе въ I есть ясный намекъ на то, что данная женщина была очарована какими-то печальными стихами Пушкина — и этотъ случай вспоминаетъ поэтъ въ III“. Но тутъ „медленное чтеніе“ Гершензона измѣнило ему, не принесло добрыхъ плодовъ или, быть можетъ, не было все же достаточно вдумчивымъ. Въ дѣйствительности только при невнимательномъ чтеніи можно усмотреть въ этихъ стихахъ какое-либо тождество.

Вотъ „тождественные“ концы.

I — 1821 г.

Когда меня навѣкъ обыметъ хладный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновенiemъ.

III — 1823 г.

Довольно! въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновенiemъ.

Но гдѣ же тождество? Неужели для признания его достаточно двухъ одинаковыхъ риѳмъ: умиленье и вдохновеніе, повторяющихся и здѣсь, и тамъ? Въ III поэтъ, совсѣмъ не представляющій себя обреченнымъ на скорую смерть, думаетъ съ гордостью о славѣ, которой онъ обя-

занъ женщинѣ, и о вдохновеніѣ, на которое она его, быть можетъ, вызоветъ; въ I поэтъ, представляющій себя подводящимъ счеты съ жизнью и разстающейся прошальнойю пѣснью съ любовью, наканунѣ могилы проситъ любимую имъ женщину не забыть о немъ и сказать послѣ его смерти: „я ею любила, онъ мнѣ былъ обязанъ послѣднимъ вдохновенiemъ и любви, и пѣсенъ“. Но докучны и излишни дальнийшие комментаріи, ибо уже изъ одного параллельнаго обозрѣнія концовъ I и II ясно отсутствіе тождества.

Столь же мнимо и другое тождество, указанное Гершензономъ. Въ I читаемъ:

Ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстный,

а въ III — поэтъ твердить свой стихъ,

Такъ мило ею повторенный.

Гершензонъ видѣть въ I и II единство факта. Но если ужъ и допустить въ комментарій къ лирикѣ такой буквализмъ и протоколизмъ, то, разъ мы знаемъ, что въ III идетъ рѣчь о пропѣтомъ стихотвореніи Пушкина, различіе факта въ III и въ совершенно ясныхъ словахъ I вполнѣ очевидно. Но Гершензонъ не обратилъ вниманія на первоначальную редакцію I: она, быть можетъ, заставила бы его отказаться отъ установлѣнія тождества. Свой окончательный видъ эти стихи получили только въ тетради Капниста, т. е. вѣроятнѣе всего въ 1825 году и во всякомъ случаѣ позже возникновенія III. Въ черновой же (№ 2367) мы находимъ:

И дѣвы, [иѣжному] томному предавшись умиленью,
Печальные стихи [твердили] читали въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любили страстной.

И даже въ тетради Капниста до исправления эти стихи все еще читались такъ:

И дѣвы, нѣжному предавшись умиленью,
Печальные стихи твердили въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любили страстный¹⁾.

Значить, въ моментъ создания I, поэтъ и не думалъ о томъ фактѣ, тожественный которому находится въ III. Да, наконецъ, мы имѣемъ дѣло не столько съ фактомъ, сколько съ элегической поэтикой.

Невозможность настаивать на какомъ-либо тождествѣ еще разъ уяснится передъ нами при изученіи исторіи возникновенія I пьесы и раскрытии ея автобіографического смысла. Эту исторію мы должны будемъ извлечь изъ анализа группы I—II; пока только замѣтимъ, что въ основѣ III лежитъ опредѣленный реальный фактъ, въ основѣ II—находимъ опредѣленное свидѣтельство объ отношеніяхъ, дѣйствительно существовавшихъ, а I есть чисто литературное, сдѣланное во вкусѣ эпохи произведеніе.

VI.

Такимъ образомъ падаютъ не только далеко идущія предположенія Незеленова и Гершензона объ исключительномъ значеніи Голицыной въ жизни Пушкина, но и оказываются лишенными всякихъ основаній и болѣе скромныя догадки Ефремова, Лернера и другихъ, относящія М. А. Голицыной мѣсто въ длинномъ ряду женщинъ, которыми увлекался поэтъ. Правда, въ такъ называемыхъ донъ-жуанскихъ спискахъ поэта, оставленныхъ имъ на страницахъ альбома Киселевыхъ²⁾, встречается

1) Майковъ, Материалы, стр. 125, 126.

2) Воспроизведены въ „Альбомѣ Московской Пушкинской выставки“, М. 1892.

имя Маріи, но нужно быть ужъ черезчуръ поверхностнымъ изслѣдователемъ, чтобы рѣшиться безъ всякихъ основаній отожествлять эту Марію съ М. А. Голицыной. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же основанія? Произведенія поэта не даютъ, какъ мы видѣли, положительно никакого материала для разрѣшенія вопроса, существовало ли вообще въ дѣйствительности увлеченіе поэта княгиней М. А. Голицыной. Друзья поэта и его современники, родные и близкіе Голицыной не обмолвились ни однимъ словомъ, которое позволило бы намъ выставить хоть только предположеніе о возможности увлеченія. Въ бумагахъ поэта, въ его черновыхъ тетрадяхъ, въ его письмахъ мы опять таки не найдемъ рѣшительно ни одного указанія на существованіе какихъ-либо интимныхъ отношеній къ М. А. Голицыной.

Упоминаніе, приведенное нами, о Голицыной въ письмѣ къ брату, отмѣтка въ перечнѣ стихотвореній фамиліи Голицыной противъ заглавія пьесы III тоже, конечно, не даютъ никакихъ основаній, подкрѣпляющихъ мнѣніе Гершензона, Незеленова, Ефремова, Лернера и другихъ. Всѣ названные изслѣдователи могли бы, впрочемъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, сослаться на одно упоминаніе въ Пушкинскихъ тетрадяхъ, если бы оно не ускользнуло съ поля ихъ зрѣнія. Обычно, въ изданіяхъ сочиненій поэта въ отдѣлѣ примѣчаній къ маленькому стихотворенію 1828 года „Ты и вы“

Пустое вы сердечномъ ты
Она, обмолявсь, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила и т. д.

указывается, что въ рукописи это стихотвореніе „сопровождается тремя помѣтками: „18 мая у княгини Голицыной etc.“, „20 мая 1828“ и, въ концѣ стихотворенія, —

, „23 мая“. Такъ въ изданіи Морозова, такъ у Ефремова, такъ у Лернера, который въ „Трудахъ и дняхъ Пушкина“ отводить 18, 20 и 23 мая на создание этого маленькаго стихотворенія. Всѣ названные изслѣдователи берутъ это свѣдѣніе, конечно, пазъ описанія Якушкина¹⁾). Стоило только изслѣдователямъ обратить вниманіе на эти помѣты и на связь первой изъ нихъ именно съ стихотвореніемъ „Ты и вы“, и они непремѣнно дополнили бы исторію любви Пушкина къ Голицыной указаніемъ на эпизодъ, разсказанный въ стихотвореніи. Но тутъ въ сущности полное недоразумѣніе, ибо описание Якушкина въ данномъ случаѣ и не полно, и не точно.

Листъ 14 об. тетради № 2371, на которомъ находятся эти помѣты, заполненъ не вдоль сверху внизъ, а попечекъ страницы. Справа идетъ конецъ пьесы „Воспоминаніе“, начатой на 13 об. и занимающей 13 об. и 14 листы. Послѣдній стихъ на 14 об. написанъ такъ:

О тайнахъ [вѣчности] щастія и гроба²⁾.

18 мая у княгини Голицыной etc.

19 мая.

По положенію помѣтъ можно думать, что краткая помѣта „19 мая“ есть дата окончанія пьесы „Воспоминаніе“, а другая помѣта, быть можетъ, не имѣтъ прямого отношенія къ стихамъ поэта и сдѣлана имъ съ другими цѣлями или просто для памяти.

Съ лѣвой стороны страницы, опять же попечекъ

1) Пушкинъ — Морозовъ — Пространіе, II, стр. 485; Пушкинъ — Ефремовъ — Суверинъ VIII, стр. 284; Лернеръ, 2-ое изд., 172; Якушкинъ, Описаніе, іюль, 40.

2) Въ рукописи совершенно явственно зачеркнуто слово вѣчности и написано „щастія“. Эта строфа „Воспоминанія“ при жизни Пушкина не появилась въ печати. Теперь же во всѣхъ изданіяхъ печатается именно „вѣчности“.

тетради и, по отношенію къ концу „Воспоминанія“, въ обратномъ положеніи, т. е. вверхъ низомъ, идетъ черновикъ стихотворенія „Ты и вы“. Въ концѣ его обычный пушкинскій заключительный знакъ и помѣта „23 мая“, а на правомъ, оставшемся свободнымъ полѣ противъ первыхъ стиховъ новая помѣта „20 мая 1828 [прѣб. сл.]“ 23 мая — несомнѣнно дата стихотворенія „Ты и вы“, а „20 мая 1828“, быть можетъ, также помѣта съ особыми цѣлями. Значеніе ея, можетъ быть, и выяснилось бы, если бы удалось разобрать приписанное рядомъ слово. Изъ этого описанія ясно видно, что пьесу „Ты и вы“ никоимъ образомъ не должно связывать съ помѣтой „18 мая“ у княгини Голицыной etc.“. Пьеса „Ты и вы“ — сама по себѣ, а помѣта — сама по себѣ. Взятая въ связи со стихотвореніями Пушкина, она, конечно, тоже не даетъ никакого материала для заключенія о характерѣ отношеній поэта къ Голицыной.

Но у какой же княгини Голицыной былъ Пушкинъ 18 мая 1828 года? Мы знаемъ еще одну княгиню Голицыну — Евдокію Ивановну (Princesse Nocturne), которую Пушкинъ увлекался еще въ годы своей первой молодости, между Лицеемъ и ссылкой. Вполнѣ допустимо, что помѣта указываетъ именно Е. И. Голицыну. Княгиня въ это время жила еще въ Петербургѣ, собираясь „отправиться въ чужie краи дописывать свое сочиненіе“. Объ этомъ мы узнаемъ изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ письма князя Вяземскаго А. И. Тургеневу изъ Петербурга отъ 18 апрѣля 1828 года. Но правдоподобно и то, что это была какъ разъ княгиня М. А. Голицына, если только правильно истолкованіе извѣстія въ письмѣ опять же князя Вяземскаго къ Тургеневу отъ 17 мая того же года. „Вчера (т. е. 16 мая) — писалъ Вяземскій — Пушкинъ читалъ свою трагедію у Лаваль: въ слушателяхъ были двѣ княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоѣдовъ, Мицкевичъ,

юноши, Балкъ, который слушалъ трагически. Кажется, все были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало понимая А старуха Michel безподобна: мало знаетъ по русски, вовсе не знаетъ русской исторіи, а слушала, какъ умница". Это письмо не вошло въ изданные томы „Осташевскаго Архива"; его нѣтъ и въ Тургеневскомъ Архивѣ. Извѣстно же оно только по отрывку, приведенному въ воспоминаніяхъ князя П. П. Вяземскаго¹). Въ сноскѣ П. П. Вяземскаго поясняетъ прошибше: старуха Michel — княгиня Голицына. Въ такомъ случаѣ двѣ княгини Michel должны означать жену князя Михаила Михайловича Голицына — княгиню Марью Аркадьевну и его мать, Прасковью Андреевну, рожденную Шувалову (род. 19 декабря 1767, ум. 11 декабря 1828 года). П. А. Голицына извѣстна между прочимъ, какъ писательница, но писала она по французски: къ ней подходитъ и сдѣланная княземъ П. А. Вяземскимъ характеристика. Любопытный разсказъ о ней находится въ статьѣ князя П. А. Вяземскаго „Мицкевичъ о Пушкинѣ". „Одна умная женщина княгиня Голицына, урожд. графиня Шувалова, извѣстная въ концѣ минувшаго столѣтія своею любезностью и французскими стихотвореніями, царствовавшая въ Петербургскихъ и заграничныхъ салонахъ, сердечно привязалась къ Татьянѣ. Однажды спросила она Пушкина: „Что думаете вы сдѣлать съ Татьяной? Умоляю Васъ, устройте хорошенъко участъ ся". — „Будьте покойны, княгиня", — отвѣчалъ онъ, смиясь: „выдамъ ее замужъ за генераль-адъютанта". — „Вотъ и прекрасно" — сказала княгиня, — „благодарю"²). Но если княгиня

1) См. Собрание сочиненій кн. П. П. Вяземскаго Изд. гр. С. Д. Шерemeteva С.-Пб. 1898, стр. 516—517. Тоже въ изд. П. А. Бартенева: „А. С. Пушкинъ. Новопайденныя его сочиненія" etc. Вып. II. М. 1885, стр. 89.

2) Поля, собр. соч. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, С.-Пб. 1882, стр. 319. О княгинѣ Голицыной см. въ „Словарѣ русскихъ писательницъ" Н. Н.

М. А. Голицына 16 мая 1828 года была въ Петербургѣ, Пушкинъ могъ отмѣтить свой визитъ именно ей, а не Е. И. Голицыной.

Отмѣтимъ еще тоже ничего не говорящую отмѣтку „Къ Гал. Сув.", сдѣланную Пушкинымъ на 1-ой страницѣ тетрадочки съ „Графомъ Нулинымъ"¹).

Вотъ, кажется, все упоминанія о Голицыной, какія только можно отыскать въ бумагахъ Пушкина²).

Заключимъ наши наблюденія еще разъ утвержденіемъ, что М. А. Голицына въ исторіи увлеченій поэта не занимаетъ никакого мѣста или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, которыя позволяли хотя бы только предполагать увлеченіе поэта княгиней М. А. Голицыной.

VII.

Предлагаемъ нѣсколько замѣчаній къ истолкованію двухъ элегій Пушкина „Умолкну скоро я" (I) и „Мой другъ, забыты мной" (II).

Пьеса I написана 23 августа, а пьеса II въ ночь на 25 августа 1821 года. Такая близость моментовъ возникновенія обѣихъ пьесъ необходимо предполагаетъ единство настроенія и чувства, владѣвшихъ въ эти дни Пушкинъ. Это обстоятельство отмѣтило еще Анненковъ. Но дѣйствительная біографическая цѣнность I и II различна. Руководяще указаніе для оцѣнки стихотвореній съ такой точки зренія даетъ намъ самъ Пушкинъ. Обѣ

Голицына (также первоначально въ „Русск. Арх." 1864, стр. 1412). Ее воспитывала Stewenss, мать жены М. М. Сперанскаго. См. „Воспоминанія Фаддея Булгарина" въ „Библіотекѣ для Чтеній", т. LXXXVIII, стр. 190 (и отд. изд. ч. 5-ая, стр. 324).

1) Въ собраніи А. Ф. Онѣгина. См. описание Б. Л. Модзалевскаго въ „Пушкинъ и его современники". Вып. XII. С.-Пб. 1909, стр. 24.

2) Я не могу определить, о какой княгинѣ Голицыной идетъ рѣчь, въ письмахъ Пушкина къ невѣстѣ изъ Болдина осенью 1830 года.

эти пьесы для самого поэта были „элегиями“. Набрасывая въ черновой тетради перечень произведений, написанныхъ въ 1821 году, Пушкинъ указываетъ „три элегіи“, конечно, имѣя въ виду I и II; переписывая ихъ для печати, онъ заносить ихъ въ отдѣль элегій. Но для II пьесы у Пушкина нашлось и другое название „Къ ***“, съ которымъ она и появилась впервые въ печати (до выхода въ свѣтъ собрания 1826 года). Эта пьеса обращена къ опредѣленному, скрытому подъ звѣздочками лицу и по своему содержанію предполагаетъ обстановку реальную, отношенія, въ дѣйствительности существовавшія.

Много писали о тѣхъ литературныхъ вліяніяхъ, которыми отмѣчено творчество Пушкина въ первые годы его ссылки. По указанію изслѣдователей, произведенія Шатобриана и Байрона дали Пушкину краски для изображенія того героя, которого нашъ поэтъ выводилъ въ рядъ своихъ произведеній, открывающемся „Кавказскимъ Плѣнникомъ“. Чисто литературные разысканія и сравненія недостаточны для разрѣшенія вопроса о формахъ и степени этихъ литературныхъ вліяній: необходимы и чисто біографическая изученія. Герои чужеземные вліяли не на изображенія лицъ въ поэмахъ Пушкина, не на литературу, а на жизнь; прежде всего они были образцами для жизни. Какимъ былъ Пушкинъ дѣйствительный въ первое время ссылки¹⁾? Въ тѣ годы, когда возникли вліянія Шатобриана и Байрона, Пушкинъ еще не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что было сущностью его духовной личности. Онъ самому себѣ казался романтическимъ героемъ; находя нѣкоторые соотвѣтствія въ своей жизни съ тѣми обстоятельствами, которые характерны и для властителей его

думъ и для ихъ героевъ, Пушкинъ искренне думалъ, что онъ имѣ подобенъ, и долженъ осуществить ту жизнь, какой жили его воображаемые и жившіе герои и какая казалась столь безумно очаровательной со страницъ ихъ произведеній. Такимъ образомъ литература, создавая героеvъ, прежде всего вліяла на жизнь, вызывая подражаніе въ фактической жизни. И когда Пушкинъ переходилъ отъ повседневной жизни къ творчеству, ему не нужно было прибѣгать къ вѣлѣніямъ заимствованіямъ для изображенія своего героя. Онъ былъ искрененъ и оригиналъ, черпая материалъ для характеристики въ самомъ себѣ и считая созданное имъ представление о самомъ себѣ тождественнымъ тому внутреннему существу своему, которое было тогда закрыто для него. Въ это время въ его жизни было много игры, свободной игры его духовныхъ силъ; по мѣрѣ силъ своихъ и своей пылкости Пушкинъ осуществлялъ въ 1820—1823 годахъ любезный ему романтическій идеалъ. Мы можемъ судить о томъ, каковъ былъ или, вѣрнѣ, какимъ казался тогда Пушкинъ, по его признаніямъ. Изъ собственнаго его признанія мы, напримѣръ, знаемъ, что въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ онъ изображалъ себя или того Пушкина, за какого онъ стремился себя выдать. Но, оставляя въ сторонѣ автобіографическая указанія поэмы, мы можемъ указать и на свидѣтельства объективныя. Вспомнимъ наивное, указывающее романтическую настроенность признаніе въ письмѣ къ брату отъ 24 сентября 1820 года. Говоря о той стражѣ, какая охраняла Раевскихъ во время путешествія на Кавказъ, Пушкинъ добавляетъ: „Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію“. Въ кишиневскомъ дневнике Пушкинъ, получивъ письмо отъ Чаадаева, помѣчаетъ: „твоя дружба замѣнила счастье — одного тебя можетъ любить, холодная душа

1) Не слѣдуетъ предполагать какого-то переворота: точно Пушкинъ былъ одинъ до ссылки и сталъ другимъ послѣ нея. Уже въ Петербургѣ развитіе Пушкина направилось по тому пути, по какому оно продолжалось и развилось на Кавказѣ, въ Крыму и въ Кишиневѣ.

моя"¹). Но вотъ свидѣтельство женщины, которая могла хорошо узнать поэта во время совмѣстного путешествія, Екатерины Николаевны Раевской (съ 15 мая 1821 года Орловой). 12 ноября 1821 года она пишетъ брату Александру: „Пушкинъ больше не корчитъ изъ себя жестокаго, онъ очень часто приходитъ къ намъ и т. д.“²). Сопоставимъ съ этимъ свидѣтельствомъ холдность и жесткость Кавказскаго плѣнника. Когда Пушкинъ сталъ разбираясь въ самомъ себѣ, то онъ нашелъ, что онъ не годится въ романтическихъ герояхъ, и добродушно призналъ свою игру въ жестокость. 30 ноября 1825 года изъ Михайловскаго онъ писалъ А. А. Бестужеву: „Къ стати; кто писалъ о горцахъ въ Пчелѣ? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли, герой моего воображенья?“ (Н.В. Якубовичъ славный въ свое время бреттеръ, дуэлистъ, отчаянныи человѣкъ, пошедшій за 14 декабря въ каторгу). „Когда я вру съ женами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, простиливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева. etc.—Въ немъ много, въ самомъ дѣлѣ, романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ — поэма моя была бы лучше“.

Какія же автобіографическія признания находимъ мы въ пьесѣ „Мой другъ, забыты мнай“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы ни на одну минуту не должны упускать изъ вниманія того угла зреенія, подъ которымъ смотрѣль на себя въ это время и подъ которымъ показывалъ себя другимъ Пушкинъ.

Эта „Элегія“ кажется отрывкомъ, выхваченнымъ изъ романтической поэмы. На разнообразныхъ путяхъ души показывалъ Пушкинъ своего героя; одинъ изъ путей запечатленъ и въ этомъ стихотвореніи. Тема элегіи — про-

1) Пушкинъ-Морозовъ—Просвѣщеніе, IV, стр. 453.

2) М. О. Гершензонъ. Исторія Молодой Россіи, М. 1908, стр. 27.

тивоположеніе двухъ образовъ, двухъ характеровъ. Кто такое „онъ“ элегіи? Э тотъ „онъ“ пережилъ мятежное теченіе молодости, измѣны и любовь. Его прошлая жизнь — новѣсть безумства и страстей, таящая опасныи откровенія; его любовь — такова, что ей можно ужаснуться. Самый разсказъ о сердечной жизни возмутить тихій умъ, заставить проливать слезы, содрогаться сердцемъ. Женскій образъ, вдохновлявшій поэта въ этой пьесѣ, проступаетъ ярко изъ легкихъ очертаній, набросанныхъ элегіей, и изъ скрытаго, но чувствуемаго противоположенія этого образа только что очерченному образу героя. „Она“ — невинная, рожденная для счастья, съ душой чистой, жизнью для дружбы, свободной отъ унынья; она — съ младенческой съвѣстю, свѣтлой, какъ лесной день; съ беспечной довѣрчивостью. Но, вскрывая сущность элегіи, мы видимъ, что оя герой весьма близокъ къ романтическому герою поэмъ, а гороння — къ женскому образу „Кавказскаго Плѣнника“ и къ Маріи въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“. Элегія застигаетъ героя въ такомъ положеніи, изображеніи которому мы неходимъ въ поэмѣ. Весьма любопытна постепенность, съ какой развивается история сердца въ „Плѣнникѣ“, въ элегіи и въ „Фонтанѣ“. Въ первой поэмѣ герой посль бурно прожитой жизни, пресыщенный и носящий невѣдомыя раны, не въ состояніи даже просто вдохновиться искреннимъ и сильнымъ чувствомъ:

„Не могъ онъ сердцемъ отвѣтить
Люби младенческой, открытой“.

Поздно пришла къ нему любовь черкешенки: онъ безъ упованья, безъ желаній увядалъ жертвою страстей, онъ умеръ для счастья. Въ элегіи положеніе мѣняется. Герой смягчается; онъ готовъ вкусить, хоть и не вполнѣ, радости (въ варианте: счастіе). Но между нимъ и невиннымъ, непорочнымъ существомъ, — его прошлое съ безумствомъ и

страстями. Возможность соединения сомнительна, такъ какъ допустима только при томъ условіи, если она не узнаетъ о прошломъ. Наконецъ, въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ невозможность соединенія обнаруживается со всей яркостью. Герой страстно жаждетъ раздѣленной любви, но Маріи непоявленъ языкъ мучительныхъ страстей. Герой отвергнутъ.

Но не чувствуется ли въ этой романтической исторіи чувства бытовая основа, — столкновеніе очень молодого человѣка, богатаго опытами чувственной жизни, уже довольно послужившаго Афродитѣ земной, знакомаго съ ласками не только любовнаго увлеченія, но и оплаченного любовнаго искусства, съ дѣвушкой, чуждой еще всякимъ опытамъ любви, но духовно сильной въ своей чистотѣ и невинности? Такое столкновеніе происходило въ 1820 и слѣдующемъ годахъ въ жизни Пушкина. Мы знаемъ, что столкновеніе Гирея съ Маріей кончилось высокимъ торжествомъ женскаго начала, но эту победу Пушкинъ изобразилъ уже въ концѣ своей сердечной исторіи. Но онъ не сразу пришелъ къ такому исходу: въ этотъ періодъ противоборства страстей (1820—1823) поэтъ прошелъ стадію чисто циническаго отношенія. Вспомнимъ сюжетъ „Гаврилады“, вспомнимъ признанія поэта

„Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда“.

Переходя къ пьесѣ „Умолкну скоро я“ (I), написанной за сутки до только что разобранной Элегіи, мы должны прежде всего отмѣтить, что если бы изслѣдователи не имѣли хронологического указанія, заставляющаго связывать настроеніе II съ настроеніемъ I, они и не подумали бы искать въ I указаній на конкретные факты. Врядъ ли

и Гершензонъ, который, конечно, не вѣритъ въ реальное пользованіе лирой въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, сталъ бы допускать реальное бытіе юношей, которые дивились долгому мученію любви поэта. На самомъ дѣлѣ, не нужно производить специальная историко-литературная сравненія и разысканія, чтобы видѣть, что пьеса I въ известной намъ редакціи обработана Пушкинымъ вполнѣ въ томъ условно-элегическомъ родѣ, въ которомъ Пушкинъ писалъ въ годы лицейской юности и петербургской молодости по образцамъ французской, до-романтической элегіи, представленной въ лирикѣ Парни, Леброна, Бертена, Мильвуа. Въ I на лицо все тѣ общія мѣста, детали и мотивы, которые въ обилии можно указать, въ тѣхъ или иныхъ соединеніяхъ, въ элегіяхъ названныхъ поэтовъ и въ произведеніяхъ самого Пушкина. Тутъ и лира, отвѣчающая страданіямъ поэта¹⁾; юноши, внимающіе его пѣснямъ или (въ варіантѣ) дѣвы, читающія его стихи²⁾, или она, твердящая эти стихи³⁾; посмертная урна и утѣшеніе, что она вспомнить надъ этой урной о любви поэта⁴⁾. Цѣлый рядъ условностей, далекихъ отъ конкретныхъ указаний на факты⁵⁾.

Но если мы обратимся къ черновымъ рукописямъ

1) Срвн. возваніе къ лирѣ „О гѣрнія, грусти, грусти со мной“ („Уныніе“ 1816). Пушкинъ — Акад. I, стр. 209.

2) Срвн. тамъ же продолженіе „Пускай твои небрежные панѣви И забрасть уныніе любви, И слушая бряканія твои, Пускай задохнущъ заплумчивыхъ дѣвъ“.

3) Срвн. въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“: Глаза прелестные читали. Меня съ улыбкою любви, Уста волшебныя шептали. Мий азъки сладкіе мои⁶⁾.

4) Срвн. чрезъ редакцію элегіи „Я видѣлъ смерть“: „И можетъ быть, обѣ участи моей Она задохнется надъ урной гробовою“ Пушкинъ — Акад. I, примѣт., стр. 311.

5) Мы не приводимъ французскихъ параллелей (срвн. напр. 2-ую главу 1-ой книги Леброна); изученію взіяній французской эротической поэтики на Пушкина мы имѣемъ въ виду посвятить особое изслѣдованіе, въ которомъ будутъ даны всѣ подробности.

Пушкина, то увидимъ, что условно-элегический характеръ пьеса I получила только въ окончательной редакціи. У поэта было не мало колебаній при обработкѣ этой пьесы. Если бы мы, подобно тому, какъ сдѣлали раньше при анализѣ II, попытались обрисовать два образа — мужской и женскій — этой пьесы I, то мы не ощутили бы преиятствій къ сближенію женскаго образа I съ героиней II и, паоборотъ, съ полной опредѣленностью должны были бы признать невозможность сближенія героя пьесы I и героемъ пьесы II. Съ психологической точки зрењія разность двухъ типовъ совершенно очевидна. Несомнѣнно, языкъ страсти во II пьесѣ только подъ стать тому герою, который послѣ ряда творческихъ попытокъ нашелъ окончательное изображеніе въ Онѣгінѣ; но ясно, что изъясняться въ любви стилемъ I пьесы, конечно, необыкновенно пристало бы Ленскому. Отмѣтимъ, что блестательную разработку темы элегіи мы найдемъ именно въ полныхъ „любовной чепухи“ предсмертныхъ стихахъ Ленского:

Но ты

Придешь ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ ранней урной
И думать: онъ меня любилъ
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣть печальный жизни бурной!..

Столь коренная противоположность двухъ образовъ бросается въ глаза лишь въ окончательной редакціи; въ моментъ же возникновенія, который для обѣихъ пьесъ почти совпадалъ (23—25 августа 1821 года), столь ясно выраженное противорѣчіе безъ психологической несогласности не могло бы быть допустимо. Его и не было въ дѣйствительности. Въ первоначальной редакції¹⁾ Элегія I начиналась такъ:

1) Въ тетради № 2867. Въ первоначальномъ наброскѣ не сохранилось первой половины стихотворенія.

Нѣть! поздно, милый другъ, узналь я наслажденье
Ничто души моей уже не воскреситъ
[Мнѣ] [сердцу] Ей чуждо [сердца] страсти упоеніе
[Твой взоръ, твой нѣжный взоръ] И щастье, тихое
меня не веселитъ
[Увяль я въ цвѣтѣ лѣтъ] Умолкну скоро я.... но если
въ день печали....

Но тѣ черты, которыя придастъ себѣ поэтъ въ этихъ стихахъ, напоминаютъ характеристику романтическаго героя въ стадіи „Кавказскаго Плѣнника“. Совпадаютъ даже отдельныя выраженія

Но поздно: умеръ я для счастья....
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ....
Безъ упоенія, безъ желаній.
Я вяну жертвою страстей....

Но не только это начало выбросилъ Пушкинъ изъ окончательной редакціи. Послѣ стиха „щастливымъ имѣнемъ любовницы прекрасной“ въ черновикѣ слѣдовало:

Не бойся вѣтреныхъ нѣвѣждъ
Не бойся клеветы ревнивой....
Не обмани моихъ надеждъ
Свою скромностью пугливой.

Въ первомъ наброскѣ этотъ мотивъ долженъ былъ быть развитъ еще полно¹⁾.

Не бойся вѣтре[ыхъ нѣвѣждъ]ой молвы
Не бойся клеветы ревнивой
Не обмани [моихъ надеждъ] моихъ надеждъ

1) Въ тетради № 2865. Майковъ въ „Материалахъ“ указать варианты только тетради № 2867, оставивъ безъ вниманія приведенную нами редакцію.

[Переживи меня] [Не разрушай(?)] И скромностью и раб.
 [Переживи меня] [моихъ надеждъ]
 стыдливой

[Скажи] [Скажи] [и раб.]
 [Скажи без робкой]

Онъ мною былъ любимъ, ^{Онъ} и мнѣ былъ одолженъ
 [Послѣдній] [ихъ и раб.]
 [Послѣднимъ щастiemъ] [послѣдней поздней отрадой]
 [Славою и раб.]

Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновенiemъ

Переживи
 [Когда и раб.] [Когда меня]
 Переживи меня и нѣкогда [не будетъ]
 [и раб.] быть можетъ
 И скоро[ль] милая [когда] меня не будетъ
 Но сердце чье нибудь поэта не забудетъ
 [Скажи] [и раб.] меня навѣкъ обыметъ [и раб.]
 хладный
 Когда [но] [покроешь] [вѣч] [вѣчный] сонъ
 [Когда]
 [И урну][м][переживи меня] и молви съ умиленiemъ

Въ окончательной редакціи исчезли всѣ слѣды этого мотива. Конечно, для того условно-элегического рода, въ которомъ Пушкинъ отдалъ пьесу I, были не у места ни начало, рисующее романтическаго героя, который ужъ вѣрно не удовлетворился бы посмертными о немъ воспоминаніями „прекрасной любовницы“, ни этотъ мотивъ, своимъ живымъ и бытовымъ содержаніемъ врѣзающейся въ тихую мелодію элегіи.

Объ условной манерѣ стихотворенія свидѣтельствуетъ и первоначальная передѣлка послѣднихъ четырехъ стиховъ пьесы, которую поэтъ чуть было не оставилъ въ послѣдней редакціи. Въ 2-омъ наброскѣ эти стихи были написаны такъ:

Когда меня навѣкъ обыметъ хладный сонъ,
 Надъ урною моей промолви съ умиленiemъ
 Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
 Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновенiemъ.

Пушкинъ исправилъ ихъ такъ¹⁾

Когда меня навѣкъ обыметъ хладный сонъ,
 Надъ ранней урною пусть молвятъ съ умиленiemъ
 Онъ Лидой былъ любимъ, онъ мнѣ (sic! конечно, ей)
 былъ одолженъ
 Послѣдней радостью, послѣднимъ вдохновенiemъ.

Эта Лида, конечно, вводить настѣ въ міръ поэзії XVIII вѣка; она — олицетвореніе условности. Но въ кишиневскіе годы своей жизни Пушкинъ уже тяготился подобными условностями, и въ окончательной редакції, которая пошла отъ поэта въ печать, онъ уничтожилъ эту Лиду и установилъ извѣстное намъ чтеніе.

Такъ въ процессѣ обработки исчезали всѣ субъективные элементы, и въ концѣ концовъ, тогда какъ элегія II, сохранившая живое воспоминаніе о дѣйствительномъ моментѣ, являлась для Пушкина посланіемъ „Еъ***“, элегія I въ окончательной отдѣлкѣ потеряла память о своей близости къ II пьесѣ. Въ тетради Капниста, въ собраніи стихотвореній 1826 года (въ отдѣлѣ элегій) и въ собраніи 1829 года (въ отдѣлѣ произведений 1821 года) элегіи были размѣщены не рядомъ одна съ другой, а раздѣлены другими стихотвореніями.

Но нельзя отрицать все же, что элегіи I и II въ моментъ возникновенія уже имѣютъ и въ самомъ тонѣ стиховъ, и въ содержаніи лирической психологіи нѣкоторую противоположность. И въ первый моментъ „Я“ I-ой элегіи въ

1) Майковъ, Материалы, 126.

нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажется противорѣчашимъ „Я“ II-ой элегіи. Но такое противорѣчіе, не допускаемое хронологическимъ тождествомъ обоихъ „Я“, легко объяснимо. Вѣдь романтическимъ героемъ Пушкинъ только старался представиться, но его душа была много сложнѣе казавшейся сложной душой романтическаго героя, и тѣ элементы въ душѣ его, которыхъ онъ будто не замѣчалъ въ своей игрѣ, вели глухую и неустанную борьбу противъ склонностей и особенностей, которыхъ Пушкинъ старался привить къ себѣ. И если, создавая „Онѣгина“, онъ воплощалъ самого себя и въ Ленскомъ, и въ Онѣгина одновременно, то и въ августѣ 1821 года жившая въ его душѣ, не замиренная и даже несознанная въ то время противоположность между Ленскимъ и Онѣгинымъ отразилась въ элегіяхъ „Умолкну скоро я“ и „Мой другъ, забыты мной“.

VIII.

Гершensonъ связываетъ происхожденіе „Бахчисарайскаго Фонтана“ съ увлечениемъ Пушкина княгиней М. А. Голицыной. По его предположенію, она была той жеящиной, поэтический разсказъ которой Пушкинъ сунѣбрно перекладывалъ въ стихи поэмы; откликомъ любви къ ней явилась сама поэма. На этомъ предположеніи надо остановиться. Правда, оно выставлено въ сущности безъ малѣйшихъ фактическихъ оснований и съ явнымъ пренебреженіемъ къ тѣмъ даннымъ изъ переписки поэта, которая обычно ex officio приводится комментаторами и биографами. Мы должны будемъ еще разъ перебрать все эти данные и для того, чтобы отвергнуть предположенія Гершензона, и для того, чтобы извлечь отсюда окончательные и бесспорные выводы.

Въ своей перепискѣ Пушкинъ обычно сообщалъ своимъ друзьямъ о своихъ поэтическихъ замыслахъ, о ходѣ

своихъ работъ, но какъ разъ о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ мы имѣемъ весьма недостаточныя и немногочисленныя упоминанія. Врядъ ли случайно это отсутствіе свѣдѣній, и врядъ ли оно можетъ быть объяснено только ссылкой на то, что не вся переписка дошла до насъ. Скорѣе всего надо объяснять эту скучность чрезмѣрной интимностью происхожденія этой поэмы: душевныя глубины были взволнованы сильнымъ и яркимъ чувствомъ, и это волненіе, какъ бы застывшее въ поэмѣ, до сихъ поръ сохраняетъ неувидасмою прелестью этого „любовнаго бреда“. Такое название далъ Пушкинъ поэмѣ, когда закончилъ ее: созданіе поэмы означало и освобожденіе отъ раздражающей силы чувства.

У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ о томъ, когда Пушкинъ задумалъ поэму и когда началъ ее писать. „Кавказскій Плѣнникъ“ былъ законченъ вчера въ началѣ 1821 года, а уже 23 марта этого года Пушкинъ, извѣщаалъ Цельвига объ окончаніи „Плѣнника“, писалъ: „Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—но что теперь ничего не пишу — я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя“¹⁾. А въ письмѣ къ Гнѣдину, помѣченному 24 марта того же года, Пушкинъ „молитъ щеба и Казанскую Богоматерь, чтобы возвратиться ему въ Петербургъ съ молодостью, воспоминаніями и еще новой поэмой“. Надо думать, Пушкинъ имѣетъ въ виду именно „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Не для подготовительныхъ ли работъ понадобились Пушкину и книги: „Таврида“ Боброва, которую онъ 27 июня 1821 года просить прислать ему и которой, какъ известно, онъ и воспользовался въ „Фонтанѣ“, и „Histoire de Crimée“, о возвращеніи которой онъ просить въ запискѣ къ В. О. Раевскому, дати-

1) Это свидѣтельство очень цѣнно при разрешеніи вопроса о степени подражательности поэмъ Пушкина.

руемой 1821 годомъ или въ всякомъ случаѣ не позднѣе 6 февраля 1822 года? Черновыя тетради сохранили исключительное количество первоначальныхъ записей „Фонтана“ и не даютъ возможности точно датировать начало творческой работы поэта. Повидимому, въ тетради № 2366 на лист. 48 об., 49 об., и 50 находимъ *первоначальный* набросокъ къ началу поэмы (ст. 1—13)¹⁾; какъ разъ передъ 48 об. идутъ стихотворенія, внесенные въ тетрадь въ августѣ 1821 года, но, какъ извѣстно, при пушкинскомъ пользованіи рукописями, подобное сближеніе не даетъ твердой опоры для хронологическихъ выводовъ. Но совокупность всѣхъ приведенныхъ нами предположительныхъ указаний приводить насъ къ убѣжденію, что начало осуществленія поэтическаго замысла „Бахчисарайскаго Фонтана“ надо относить къ 1821 году²⁾. Но въ какой мѣрѣ

1) Въ этой же тетради на л. 39 об. находится отрывокъ, имѣющій отношение къ поэмѣ. Въ виду того, что изслѣдователи не связывали его съ поэмой, привожу транскрипцію

въ [задумчивый] [въ уныніи]	
прѣз.	вѣрб.
Тамъ нѣкогда [мечтаніемъ упоенныи]	
(1) [Бахчи Сарай] [обитель гордыхъ хановъ]	
дворецъ [Бахчи Сарая]	
(2) Я поѣсть [иустиніемъ твой дворецъ]	
удиненный.	

Сейчасъ же вслѣдъ за этими фразами идетъ набросокъ „Діонис“.

2) Въ трудахъ Лернера „Труды и дни II.“ 2-ое изд., стр. 81 находимъ рѣшительное утвержденіе, что „Фонтанъ“ начать лѣтомъ 1822 года; но, какъ это не рѣдко бываетъ съ рѣшительными утвержденіями этого изслѣдователя, оно при ближайшемъ разсмотрѣніи теряется не только въ рѣшительности, но и въ правильности. Лернеръ ссылается на П. И. Бартенева въ „Русск. Арх.“ 1866, столб. 1179. Во-первыхъ мнѣніе Бартенева совсѣмъ не есть фактическое основаніе, а во вторыхъ ссылка на него совсѣмъ не оправдываетъ утвержденія Лернера, ибо П. И. Бартеневъ говорить въ цитируемомъ мѣстѣ только о томъ, что лѣтомъ 1822 года П. писалъ „Фонтанъ“ (а не началъ его писать). Относясь безъ критики къ мнѣніямъ и воспоминаніямъ, можно было бы, напр., отнести поэму къ 1820 году, со-славшись на другого Бартенева — Ю. Н., передающаго вздорный разсказъ доктора Ланга о знакомствѣ съ Пушкинымъ и о происхожденіи „Фон-

подвигалось впередъ исполненіе замысла, мы не знаемъ. Тѣ отрывки поэмы, что сохранились въ тетради № 2366, скорѣе всего писаны въ 1822 году. Преимущественно занимался Пушкинъ поэмой въ 1823 году; въ этомъ году онъ и закончилъ ее.

Первоначально онъ хотѣлъ назвать поэму „Гаремомъ“. Объ этомъ мы знаемъ изъ позднейшей его замѣтки. Можемъ еще привести свидѣтельство изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ письма князя Вяземскаго А. И. Тургеневу отъ 30 апрѣля 1823 года: „На дняхъ получиль я письмо отъ Бѣса-Арабскаго Пушкина. Онъ скучаетъ своимъ безнадежнымъ положеніемъ, но, по словамъ прѣжнаго, пишетъ новую поэму Гаремъ о Потоцкой, похищенной которымъ-то ханомъ, событие историческое; а что еще лучше, сказываютъ, что онъ остынился и становится разсудителенъ“.

Первое извѣстіе о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ находимъ въ письмѣ къ брату отъ 25 августа 1823 года изъ Одессы. Назавъ „Бахчисарайскій „Фонтанъ“, Пушкинъ въ скобкахъ поясняетъ: „новая моя поэма“. Надо думать, Левъ Сергеевичъ и самъ впервые изъ этого письма узналъ о поэмѣ. Но слухи о поэмѣ быстро распространились, дошли до Петербурга и отсюда вернулись къ самому поэту. Въ распространеніи слуховъ оказался повиненъ Вас. Ив. Туманскій, восторженный и довѣрчивый поэтъ. Пушкинъ и Туманскій появились въ Одессѣ приблизительно въ одно время, лѣтомъ 1823 года: Туманскій изъ Петербурга, вступивъ на службу къ графу Воронцову, Пушкинъ изъ Кишинева. Въ помянутомъ письмѣ Пушкинъ писалъ брату: „Здѣсь Туманскій. Онъ добрый ма-

тана“ („Русск. Арх.“ 1899 г., т. II (августъ), стр. 576). Нельзя, конечно, вѣрить и рассказу (изъ вторыхъ рукъ) графа П. И. Капниста о томъ, что Пушкинъ писалъ свой „Фонтанъ“ въ Гурзуфѣ во время пребыванія у Раевскихъ („Русск. Стар.“, т. XCVII, май, 242).

лой, да иногда вретъ, напр., онъ пишетъ въ Цб. письмо, гдѣ говорить, между прочимъ, обо мнѣ: Пушкинъ открыть мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр... Фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайского Фонтана (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петrarки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!“ Письмо заканчивается припиской: „Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ,—а жаль!“ Можно думать, что въ недопущеніе до насть письмѣ князь Вяземскій писалъ о „Фонтанѣ“ и просилъ рукописи. Не онъ ли сообщалъ Пушкину и о содержаніи слуховъ?¹⁾ А 14 октября того же года, очевидно, на запросъ Вяземскаго, до насть недопущій, Пушкинъ писалъ ему: „Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его прелестъ“. Въ черновикѣ этого письма можно еще прочесть „Бахч. Фон. дрянь [но эпиграфъ его преле.] не говори это однако никому я скоро пришлю тебѣ соч.“—4 ноября Пушкинъ, посыпая поэму, писалъ: „Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то что Цензура выбросила бѣ и безъ меня, и то что не хотѣла выставить передъ публикой. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тиснѣнія, то напечатай....“ Къ 18-му ноября поэма была въ рукахъ Вяземскаго, — именно 18-го онъ писалъ о ея полу-

1) А. Вяземскому могъ сообщить обѣ этомъ Тургеневъ, знавшійся съ издателями „Полярной Звѣзды“ Бестужевымъ и Рыльевымъ, съ которыми переписывался въ Одессѣ Туманскій. Тургеневъ 26 сентября 1823 года (Ост. Арх., т. II, стр. 852) сообщалъ, что онъ досталъ два отрывка (стиховъ тридцати) изъ Пушкина „Бахчисарайскаго ключа“ и лѣтъ писки, присланія имъ для „Полярной Звѣзды“.

ченіи А. И. Тургеневу¹⁾). Прочитавъ поэму, онъ отправилъ Пушкину письмо, не дошедшее до насть, съ изложеніемъ своего мнѣнія и съ требованіемъ перемѣнъ. Сохранился за то отвѣтъ Пушкина²⁾.

На основаніи петербургскихъ слуховъ и Дельвигъ обратился къ Пушкину съ просьбой о присылкѣ ему поэмы. 16 ноября Пушкинъ писалъ ему: „Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь“. Въ Петербургѣ ждали Фонтана съ большимъ интересомъ. Уже 1 ноября 1823 года въ засѣданіи С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей, наукъ и художествъ Рыльевъ прочелъ отрывокъ изъ новой поэмы Пушкина „Бахчисарайскій Фонтанъ“³⁾. 29 ноября, 14 и 18 декабря А. И. Тургеневъ настойчиво требуетъ отъ Вяземскаго прислатъ ему списокъ поэмы. А. Бестужевъ свой „Взглядъ на Русскую словесность въ теченіе 1823 года“, которымъ открывается „Полярная Звѣзда“ на 1824 годъ, заключилъ слѣдующимъ оповѣщеніемъ: „Еще сильшимъ обрадовать любителей поэзіи. Маленькая и, какъ слышно и какъ несомнѣнно, прекрасная поэма А. Пушкина: „Бахчисарайскій Фонтанъ“, уже печатается въ Москвѣ⁴⁾.

„Полярная Звѣзда“ вышла въ самомъ концѣ 1823 г.⁵⁾, и Бестужевъ тотчасъ же отправилъ ее въ Одессу Пуш-

1) Ост. Арх., II, стр. 867.

2) Этотъ отвѣтъ напечатанъ въ акад. изд. переписки (т. I, стр. 84—86) и датированъ „между 4 и 11 ноября“, очевидно, на основаніи свидѣтельства слѣдующаго письма отъ 11 ноября. Но тутъ какое-то недоразумѣніе, ибо въ промежутокъ между 4 и 11 ноября въ то время не могъ быть совершаѣтъ обмѣнъ письмами между Москвой и Одессой.

3) „Русск. Стар.“, т. XCVIII, 1899, май, стр. 473, въ статьѣ И. А. Кубасова „А. С. Пушкинъ — членъ С.-Пб. Вольнаго Общества“.

4) Полярная Звѣзда. Карманная книжка на 1824 годъ. Изданная А. Бестужевымъ и К. Рыльевымъ С.-Пб., стр. 18.

5) Цензоръ Бирюковъ печатать дозволилъ декабря 20-го дня 1823 года.

кину съ письмомъ, до настъ недошедшимиъ. Пушкину альманахъ принесъ большое огорченіе. Въ немъ было напечатано нѣсколько его стихотвореній¹⁾, и среди нихъ—съ заглавиемъ „Элегія“ — стихотвореніе „Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда“ (стр. 198). Бестужевъ получилъ эту элегію отъ какого-то неизвѣстнаго намъ лица, а не отъ Пушкина²⁾; поэтъ разрѣшилъ ему напечатать ее съ исключениемъ трехъ послѣднихъ стиховъ, но Бестужевъ не исполнилъ воли поэта и тиснулъ элегію цѣликомъ. Вотъ въ какомъ видѣ она появилась въ „Полярной Звѣздѣ“:

Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребриль увядшія равнины,
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ,
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной гдѣ все для взоровъ мило;
Гдѣ стройны тополы въ долинахъ вознеслись
Гдѣ дремлетъ нѣжпый миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденные волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ сердечной нѣги полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь;
Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И имянемъ своимъ подругамъ называла³).

1) Съ подписью: „Друзьямъ“ (стр. 24—25), „Неренда“ (29), „Въ Альбомъ малюткѣ“ (т. е. Адели, 60), „Къ Морфею“ (91), „Элегія“ (Рѣдѣть облаковъ..., 198), „Отрывокъ изъ посланія В. Л. П—ну“, (287), „Домовому“ (318), и безъ подписи (съ звѣздочкой): „Элегія“, вызванная любовью къ А. Разиничъ (314), „Надпись къ портрету“ (Вяземскаго—319).

2) Герценсонъ допускаетъ ошибку, говоря, что послать элегию Пушкинъ.

3) Въ Пушк.-Акад. II дать снимокъ съ рукописи; подъ Элегией ви-
димъ дополн. Емануилъ

Послѣднихъ трехъ стиховъ Пушкинъ не хотѣлъ видѣть въ печати, увидавъ же ихъ напечатанными, онъ 12 января 1824 года писалъ Бестужеву: „Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, обѣ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешьъ, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешьъ, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ Элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! А какой же смыслъ имѣть

Какъ ясной влагою Полубогиня грудь
— — — — — вздымала¹⁾

ИДР

Съ болѣзнию и тоской
Твои глаза и проч.?²⁾)

„Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности“.

Въ сохранившемся черновикѣ этого письма находимъ выпущенную въ бѣловомъ подробность: „Ты напѣчаталъ [ту элегію] тѣ стихи [объ] которыхъ имянно просилъ тебя не выдавать [еще] ихъ въ и. Ты не знаешь до какой степени это миѣ досадно [А и сколько я желалъ [не выдавать въ публику первыя про]—[Онъ относятся писаны къ женщинѣ которая читала ихъ. я. просится]“.

Комментируя элегию и три стиха, завѣтиныхъ для Пушкина

1) Такъ Бестужевъ напечаталъ „Нерену“, замѣнивъ черточками слова „младую, белую, какъ лебедь, (воздымала)“. Любопытно, что въ-
иныхъ экземплярахъ „Полярной Звезды“ (какъ, напр., въ приведлежа-
щемъ библиотекѣ С.-Пб. Университета) стихъ черточкой несть, и стихъ
напечатанъ безъ пропуска.

2) Въ элегія „Простишь ли мнѣ ревнивныя мечты“ — вмѣсто: „съ бо-
занью и молчанием“.

кина, Гершензонъ пишетъ: „Это былъ конкретный намекъ, возможно—на одну изъ Раевскихъ (и тогда — на Елену: „дѣва юная“). Но и въ этихъ трехъ стихахъ нѣтъ намека на любовь; напротивъ, весь характеръ воспоминанія исключаетъ мысль о какомъ либо остромъ чувствѣ: „Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнъ“, говорить Пушкинъ о себѣ“. Такой комментарій, какъ сейчасъ увидимъ, не прѣемлемъ, ибо Гершензонъ совершенно не принялъ во вниманіе ясныхъ свидѣтельствъ самого поэта¹⁾.

Письмо Пушкина разошлось съ письмомъ Бестужева, въ которомъ онъ сообщалъ объ успѣхѣ „Бахчисарайскаго Фонтана“²⁾ и требовалъ отъ Пушкина для будущей книжки десятка пьесъ. Пушкинъ отвѣтилъ на это недошедшее до насъ письмо 8 февраля 1824 года. „Ты не получилъ видно письма моего, — писалъ Пушкинъ. — Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ“. Тутъ же, переходя къ поэмѣ, онъ не удержался отъ столь часто цитируемаго признанія о ея происхожденіи: „Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я сувѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины“.

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naїve³⁾.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому что деньги были нужны“. Но это признаніе заставило Пушкина испытать еще пуще огорченіе. Письмо,

1) Пушкинъ печаталъ Элегію пъ издаваніяхъ стихотвореній 1826 и 1829 года, опуская эти три стиха.

2) Въ это время „Фонтанъ“ еще не появился въ печати, но въ С.-Пб. онъ широко распространялся въ рукописяхъ и спискахъ. Пушкинъ весьма негодовалъ на друзей своей славы, распускавшихъ его стихи до появленія ихъ пъ печати и тѣмъ подрывавшихъ, по его мнѣнію, распространение книги.

3) Это стихи А. Шенье изъ „La jeune captive“.

адресованное Бестужеву, попало въ руки Ѹ. Булгарину, онъ распечаталъ его и какъ разъ приведенный только что строки напечаталъ въ „Литературныхъ Листкахъ“ въ замѣткѣ о скоромъ появлѣніи въ свѣтѣ поэмы Пушкина¹⁾. Такая безцеремонность крайне раздражила и обидѣла поэта, необыкновенно чутко относившагося къ оглашенію интимныхъ подробностей своего чувства и творчества. „Булгаринъ хуже Воейкова—пишетъ онъ брату 1-го апрѣля—какъ можно печатать партикулярныя письма? Мало ли что приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имть бы все печатать — это разбой“.... Очевидно, на это же обстоятельство указывалъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому въ началѣ апрѣля: „Каковъ Булгаринъ и вся братья. Это не соловьи—разбойники, а грачи разбойники“.

Бестужеву Пушкинъ послѣ этого не писалъ. И самъ Бестужевъ могъ догадываться о непріятности, которую доставило печатное разглашеніе частнаго письма, да и слухи о раздраженіи Пушкина могли дойти до него. Поэтому молчаніе Пушкина онъ истолковалъ, какъ знакъ гнѣва и раздраженія. Это онъ высказалъ въ недошедшемъ до насъ письмѣ, на которое Пушкинъ отвѣчалъ 29 іюня 1824 года изъ Одессы. На этомъ письмѣ надо остановиться, такъ какъ оно важно для разрѣшенія нашего вопроса и такъ какъ Гершензонъ не оказалъ ему всего того вниманія, какого оно заслуживаетъ. Къ этому времени раздраженіе поэта уже улеглось, и онъ сравнительно добродушно выговариваетъ свои обиды на Бестужева и за одно на Булгариа и, очевидно, считая свое письмо отъ 12 января 1824 недошедшемъ до Бестужева, повторяетъ содержаніе своихъ упрековъ. „Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая что я сердитъ на тебя — лѣнъ одна мнѣ по-

1) 1824 годъ, № 4: „Литературные новости“. Перепечатана въ сборникѣ В. Зелинского „Русская критическая литература о произведенияхъ А. С. Пушкина“. Ч. I. Изд. 3-е, М. 1908, стр. 126.

мѣшала отвѣтить на послѣднее твоё письмо (другово я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда то быть влюбленау безъ памяти. Я обыкновенно [въ это время] въ такомъ случаѣ пишу элегіи какъ другой.... Но приятельское ли дѣло выѣживать на показъ мокрыя мои простыни? Богъ тебя простить! но ты остранилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ— напѣтавъ З послѣдняя стиха моей элегіи". Прерывая цитату, вспомнимъ комментарій Гершензона о нелюбовномъ характерѣ элегіи „Рѣбѣсть облаковъ“, вспомнимъ, чтобы зачеркнуть его въ нашихъ соображеніяхъ., „Чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. Фонт. какіято чувствительныя строчки и припомнить тутъ же элегіческую мою красавицу“. Эпитетъ элегической имѣетъ въ виду указаніе не на свойство ея характера, а на то, что женщина, разсказу которой обязана своимъ возникновеніемъ поэма, кромѣ того и впушительница элегіи. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ Пушкина: „Вообрази мое отчаяніе когда увидалъ ихъ напечатанными.— Журналъ можетъ попасть въ ея руки.— Что жъ она подумаетъ.... видя съ какой охотою бессѣдую объ пей съ однимъ изъ И. Е. моихъ приятелей¹). Обязана ли она знать что она мною не названа, что письмо разпечатано и напечатано Булгаринымъ— что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ— и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу болѣе чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась“....

Итакъ, съ полною достовѣрностью можно отожествить дѣву юную, искавшую во мглѣ вечерней звѣзды, съ той

1) Слова подчеркнуты Пушкинымъ. Булгаринъ, печатая отрывокъ, предполагалъ ему фразу: „Авторъ сей поэмы писалъ къ одному изъ своихъ друзей въ Петербургѣ“ (Зелинский, п. соч., 126).

женщиной, разсказъ которой суевѣрно перелагали къ стихи Пушкинъ. Но все содержаніе, вся обстановка въ элегіи, писанной въ 1820 году въ Каменскѣ, приводить насъ въ Крымъ въ периодъ кратковременнаго пребыванія тамъ Пушкина, и еще опредѣленіе— въ семью Раевскихъ, въ которой жилъ Пушкинъ. У насъ нѣть ни одного доказательства, что Пушкинъ въ эти три гурзуфскихъ недѣли встрѣчался и общался съ какими-либо не принадлежащими къ семье Раевскаго юными дѣвами и молодыми женщинами. Въ біографіяхъ Пушкина, не столько на основаніи критически пропрѣренныхъ указаний, сколько по смутной традиціи, давно стало общимъ мѣстомъ говорить о любви Пушкина къ одной изъ Раевскихъ. Ихъ было четыре сестры — Екатерина, Елена, Софія и Марія, и ни одна изъ нихъ не ускользнула отъ любопытныхъ поисковъ Пушкинскихъ біографовъ и отъ зачисленія въ ряды вдохновительницъ любви и творчества поэта. Мы уже видѣли, каково было огорченіе и раздраженіе Пушкина при вѣсти о невольномъ разглашеніи исторіи происхожденія поэмы. И не только надо принимать во вниманіе обычную щепетильность поэта въ дѣлахъ интимныхъ, но еще надо и вспомнить его связи со всѣми членами семьи Раевскихъ, надо подумать о томъ, сколь дороги для него были общество и близость съ этой семьей; тогда мы поймемъ, съ какой заботливостью онъ долженъ былъ охранять отъ чужихъ взоровъ тайну своей любви къ сестрѣ того Николая Николаевича Раевскаго, который и въ годы зрѣлости поэта былъ для него старшимъ, того Александра Николаевича Раевскаго, который былъ „демономъ“ Пушкина. Да кромѣ того, „одной мыслию этой женщины Пушкинъ дорожилъ болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей публики“. Эти соображенія необходимо взвѣсить въ разсчетѣ при оцѣнкѣ еще одного идущаго отъ самого Пушкина извѣстія о происхожденіи поэмы, нахо-

дящагося въ „Отрывкѣ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.“. „Отрывокъ“ напечатанъ, конечно, съ вѣдома и согласія автора въ альманахѣ Дельвига „Сѣверные Цвѣты на 1826 годъ“, вышедшемъ въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1826 года¹⁾). Пушкинъ досадовалъ на Бестужева и Булгарина за разглашеніе нѣсколькихъ строкъ его письма, которое въ связи съ извѣстными слухами могло открыть женщину, ему дорогую. Напечатанный Булгаринымъ отрывокъ могъ быть еще въ памяти. Несомнѣнно, Пушкинъ взвѣшивалъ все это, когда позволилъ Дельвигу напечатать слѣдующія строки: „Въ Бахчисарай прѣѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятнике влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes“ (стр. 105). Совершенно яснѣ тѣтъ смыслъ, который поэтъ влагалъ въ это извѣстіе для читателей, для знакомыхъ и друзей. Раньше по слухамъ и по публикаціи Булгарина мысль любопытнаго могла бы обратиться на одну изъ сестеръ Раевскихъ. Но теперь самъ Пушкинъ обозначилъ фамилію этой женщины неожиданной буквой К (а не Р), да, кромѣ того, прибавилъ, что разсказъ о Фонтанѣ онъ слышалъ раньше посѣщенія Бахчисарай или Крыма. Упомянемъ, что самое письмо къ Дельвигу писалось въ срединѣ декабря 1824 года въ Михайловскомъ. Сохранились два черновыхъ наброска, и въ обоихъ совершенно явственno стоитъ буква К, но за то изъ одного черновика и видно, что Пушкинъ, если не предназначалъ его для печати, то все же имѣлъ въ виду оглашеніе среди друзей.

Кажется, ясно, что Пушкинъ, дѣля новое признаніе о происхожденіи „Бахчисарайскаго Фонтана“, именно хотѣлъ устранить непрѣятныя для него толкованія прежнаго признанія — и отдалить тѣтъ смыслъ, который на-

1) Стр. 101—106.

ходять въ цитатѣ изъ письма къ Дельвигу біографы и комментаторы. Извѣстны многообразныя ухищренія объяснять эту литеру К. Въ современныхъ изданіяхъ (не стоитъ дѣлать точныхъ ссылки!) и даже въ академическомъ¹⁾, безъ всякаго, хотя бы малѣйшаго, основанія и объясненія буква К просто приравнивается къ Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской (съ 1821 года уже Орловой); кое-гдѣ, впрочемъ, поясняется, что К начальная буква имени Катерина. Невозможная грубость именно такого упоминанія („Катерина поэтически описывала“ и т. д.) обходится ссылкой на то, что Пушкинъ, конечно,ставилъ тутъ уменьшительное имя²⁾. Выходить такъ, что Пушкинъ, столь щекотливый въ дѣлахъ интимныхъ, Пушкинъ, раньше горько досадовавшій на разглашеніе интимнаго признанія, не содержавшаго намека на имя, теперь совершенно безцеремонно поставилъ первую букву имени женщины, мнѣніе которой — это извѣстно біографамъ — онъ такъ высоко ставилъ, и съ мужемъ которой былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Явная несуразность! Отрывокъ изъ письма къ Дельвигу о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ можетъ быть комментированъ только такъ, какъ мы указывали. Пушкинъ хотѣлъ отвести любопытствующихъ съ того пути, по которому можно было бы добраться до его вдохновительницы. Слѣдовательно, для разрѣшѣнія вопроса о ней отрывокъ не можетъ принести никакихъ данихъ.

Гершензонъ, отмѣтивъ, что для отожествленія К. съ Е. Н. Орловой не имѣется въ сущности объективныхъ основаній, приводить еще и доказательства невозможности отожествленія³⁾. Не останавливаясь на нихъ, пере-

1) Пушкинъ — Акад. II, 346.

2) Проф. Лобода предлагаетъ прямѣрныя уменьшительныя имена Китти, Кати (Пушкинъ — Бенгеровъ, II, 107).

3) У Гершензона два доказательства. 1) Пушкинъ узналъ легенду о Фонтанѣ еще въ Петербургѣ, еще до посѣщенія Бахчисарай, а съ жен-

ходимъ къ разбору выставленного Гершензономъ предположенія о томъ, что этой элегической красавицей, въ которую Пушкинъ былъ влюблѣнъ безъ памяти, была его сѣверная любовь — княгиня М. А. Голицына. Гершензонъ совершенно не посчитался (даже не обмолвился о нихъ!) съ рядомъ поэтическихъ свидѣтельствъ о любви Пушкина, въ обстановкѣ Тавриды не только развивавшейся, но и зародившейся. Онъ оставилъ безъ вниманія важныя свѣдѣнія о тождествѣ лица, о которомъ поэтъ вспоминаетъ въ элегіи „Рѣдѣеть облаковъ“, съ той женщиной, изъ устъ которой Пушкинъ услышалъ легенду о Фонтанѣ. Разъ для Гершензона имено М. А. Голицына является повѣтствовательницей этой легенды, то онъ неизбѣжно долженъ допустить пребываніе княгини М. А. Голицыной въ Крыму въ августѣ 1820 года, а главное признать, что она то и есть „юная дѣва“ элегіи. Не знаемъ; была ли она въ Крыму въ это время, но достовѣрно знаемъ, что 9 мая 1820 года она вышла замужъ.

скай половиной семьи Раевскихъ онъ познакомился только на югѣ. Мы еще будемъ говорить объ отрывкѣ, на который ссылается Гершензонъ въ подтверждение своего мнѣнія, а тутъ отмѣтимъ, что „если ничто не даетъ основаній думать, что П. въ Петербургѣ былъ ихожъ въ это семейство“, то съ другой стороны ничто не препятствуетъ держаться мнѣнія противоположнаго. 2) Несомнѣмость въ характеристики одного лица такихъ чертъ, какъ „Элегическая красота, bouche aimable et laide“ и... „сладкая баба, похожая на Марину Минишекъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ (такъ называлъ Е. Н. Орловъ Пушкинъ въ письме къ Вяземскому въ 1826 году). Такое психологическое соображеніе на самомъ дѣлѣ ничего не доказываетъ: стоитъ напомнить, какъ Пушкинъ совмѣстилъ въ характеристики одной и той же женщины и „гений чистой красоты“ и „занилонскую блудницу“. Но истинѣ, у Пушкина было всему свое время. Есть одно современное свидѣтельство о предметѣ страсти Пушкина, ускользнувшее отъ Гершензона. 28 февраля 1821 года А. И. Тургеневъ изъ Петербурга сообщалъ князю П. А. Вяземскому: „Михаилъ Орловъ женился на дочери генерала Раевского, по которой взыхалъ Пушкинъ“ (Ост. Арх., т. II, стр. 168). Но это свидѣтельство въ сущности недостаточно для утвержденія, что предметомъ страсти была Е. Н. Раевская, ибо во-первыхъ, Тургеневъ писалъ по слухамъ и, во-вторыхъ, имя дочери Раевского не было названо.

Но Гершензонъ, пытаясь обосновать свое мнѣніе о томъ, что легенду о Фонтанѣ Пушкинъ услышалъ еще въ Петербургѣ, привлекаетъ къ дѣлу одинъ любопытный отрывокъ. „Важно и вполнѣ несомнѣнно то, что о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ Пушкинъ впервые услыхалъ въ Петербургѣ отъ женщины, побывавшей въ Крыму. Объ этомъ съ ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала „Бахчисарайскаго Фонтана“

Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Люби повѣдали преданье,
Я въ шумѣ радостномъ унылъ
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргий ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья, и т. д.

Здѣсь такъ ясно обрисована петербургская жизнь Пушкина, что сомнѣній быть не можетъ*. Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ говоритъ, что К* поэтически описывала ему Фонтанъ, называя его „la fontaine des larmes“, а въ самой поэмѣ онъ говоритъ объ этомъ:

Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онъ
Фонтаномъ слезъ именовали*.

О возможности ссыпаться на письмо къ Дельвигу мы уже говорили. Интереснѣе указаніе Гершензона на отрывокъ, который онъ считаетъ наброскомъ начала поэмы. Такъ какъ въ Пушкинской литературѣ онъ является, какъ увидимъ, въ нѣкоторой мѣрѣ загадочнымъ и въ послѣднее время заподозрѣна его ближайшая связь съ „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ“, то мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ подробнѣ. А пока теперь же согла-

симся съ Гершензономъ, что Пушкинъ слышалъ легенду о Фонтанѣ еще въ Петербургѣ; но, перечитывая отрывокъ, недоумѣваемъ, какъ можно отожествить это петербургское сообщеніе, оставленное безъ вниманія поэтомъ и оставшееся виѣ областіи поэтическаго зрењія Пушкина, не произведшее никакого впечатлѣнія на его душу, какъ можно отожествлять это сообщеніе съ тѣмъ разсказомъ, который передавали ему милыя и наивныя уста, который былъ очарованъ звуками милаго голоса и коснулся сокровенныхъ глубинъ творческой организаціи поэта? Съ рѣшительностью можно утверждать, что въ этомъ отрывкѣ и въ свидѣтельствѣ письма къ Бестужеву о происхожденіи поэмъ имѣются въ виду обстоятельства совершенно различныя.

IX.

Исторія отрывка представляется въ слѣдующихъ чертахъ. Впервые онъ былъ напечатанъ Анненковымъ въ „Материалахъ для біографіи Пушкина“¹⁾). „Въ бумагахъ Пушкина — читаемъ у Анненкова — есть неизданное стихотвореніе, которое сперва назначено было служить вступлениемъ къ поэмѣ. Откинутое при окончательной переправкѣ и совсѣмъ забытое впослѣдствіи, оно подтверждаетъ свидѣтельство письма (къ Дельвигу) о происхожденіи поэмы.

Печаленъ будеть мой разсказъ!
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я въ шумѣ радостномъ унылъ —
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.

1) Отд. изд. С.-Пб. 1873, стр. 98 и 99 и Пушкинъ—Анненковъ, I, 1855, стр. 104.

Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
Веселье — тихою тоской,
Печаль — восторгомъ упоенія.

Поэтическая передача разсказа должна была, какъ легко понять, упустить изъ вида дѣйствіе драмы и только сохранить тональность и живость впечатлѣнія, которыми пораженъ былъ самъ поэтъ-слушатель“.

Въ 1903 году проф. Шляпкинъ напечаталъ текстъ этого отрывка по копіи въ тетради Пушкинскихъ произведеній, приготовленной для себя Анненковымъ¹⁾). Текстъ этотъ совершенно сходенъ съ напечатаннымъ; отличія только въ пунктуаціи. Въ копіи, по сообщенію Шляпкина, зачеркнуто заглавіе: „Эпилогъ“ (вступленіе).

Въ послѣднее время нашелся и оригиналъ этого отрывка въ Майковской коллекціи, хранящейся въ Академіи Наукъ. Это листокъ, на одной сторонѣ которого находится бѣловой списокъ стиховъ изъ конца „Бахчисарайскаго Фонтана“ (нач. „Покинувъ сѣверъ юконецъ“, конч. „Сіи надгробные столбы“ съ немногими поправками), а на другой — интересующій нась отрывокъ²⁾. Текстъ его — тоже бѣловой, не первоначальный, а заглавіе вѣрно передано въ копіи Анненкова: зачеркнуто „эпилогъ“ и написано „вступленіе“.

Первоначальную, черновую редакцію этого отрывка находимъ въ черновой тетради № 2369 на оборотѣ 1 листа. По этой тетради напечаталъ его Якушкинъ въ свою Описаніе. Онъ „привелъ по возможности послѣднюю редакцію, далеко, конечно, не оконченную“:

1) И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 66.

2) См. Описаніе В. И. Среднерусского въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“. Вып. IV, стр. 4.

Исполню я твое желанье
 Начну обещанный рассказъ
 Давно, когда мнѣ въ первый разъ
 Повѣдали сіе преданье,
 Тогда я грустью омрачился,
 Но ненадолго юный умъ,
 Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
 Въ унынѣ, въ думы углубился.
 Какою быстрой чередой
 Тогда смынялись впечатлѣнья,
 Восторги — тихою тоской,
 Печаль — порывомъ упоенъ...

„Далѣе — сообщаетъ Якушкинъ — идутъ еще нѣсколько строкъ, представляющихъ варианты того-же:

Мнѣ стало грустно; (рѣзvый) умъ
 Минутной думой омрачился,
 Но скоро пылкихъ оргій шумъ...

и еще:

Мнѣ стало грустно; на мгновеніе
 Забылъ я [пылкихъ] оргій шумъ...

„Всегдѣ затѣмъ вырвано не менѣе 18 листовъ¹⁾.

Текстъ, напечатанный Якушкинымъ, перепечатывался всѣми позднѣйшими издателями, обыкновенно, въ примѣчаніяхъ къ „Бахчисарайскому Фонтану“. Никто не входилъ въ близкайшее разсмотрѣніе отрывка, но и не отрицалъ связи его съ поэмой.

Впервые Лернеръ выразилъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онъ имѣетъ какое-либо отношеніе къ поэмѣ; считая установленную Анненковымъ связь отрывка съ поэмой лишь предположеніемъ изслѣдователя, Лернеръ

отвѣтилъ отрицательно на этотъ вопросъ. Такъ вышелъ онъ изъ того затрудненія, въ которое ставила его необходимость признать указанное Герцензономъ петербургское происхожденіе вдохновившаго Пушкина рассказа. „Изъ того, что эти стихи находятся на одномъ листкѣ съ отрывками поэмы“ — говоритъ Лернеръ, „Анненковъ сдѣлалъ выводъ, что они должны были служить вступленіемъ (или эпилогомъ) къ „Бахчисарайскому Фонтану“. Между тѣмъ, слова Пушкина: „Я прежде слыхалъ и т. д.“ не даютъ намъ никакихъ существенныхъ подробностей, и нѣтъ рѣшительно ни малѣйшихъ оснований связывать поэтическій рассказъ К** о памятнике съ тѣмъ „преданьемъ любви“, о которомъ такъ неясно и глухо говорится въ предполагаемомъ вступленіи; послѣднее, быть можетъ, имѣло свое особое значеніе, нынѣ едва ли и могущее быть выясненнымъ. Въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ разсказано „любви преданье“, но нѣтъ оснований категорически утверждать, что именно объ этомъ преданіи говорится въ приведенныхъ стихахъ. Но предположеніе Анненкова, какъ и многія догадки этого талантливаго бiографа, никогда никакъ не было подвергнуто сомнѣнію.... Герцензонъ счелъ незыблемо установленнымъ и неопровергимымъ то, что можно разсматривать лишь, какъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе Анненкова“¹⁾.

Такъ какъ „никто и никогда“ и т. д., то Лернеръ наконецъ подвергъ сомнѣнію утвержденіе Анненкова. Критицизмъ похвалить и необходимъ. Отчего не критиковать и Анненкова, но надо дѣлать это съ большой осторожностью, — и каждый занимающійся Пушкинымъ долженъ помнить, что Анненковъ зналъ о Пушкинѣ многое, чего онъ не огласилъ и чего мы не знаемъ, что онъ имѣлъ

1) „Русск. Старина“, 1884, июнь, 551.

1) Пушкинъ — Венгеровъ, II, стр. 617.

передъ своими глазами такія рукописи и бумаги Пушкина, которыхъ у насть иѣть и которыхъ мы не можемъ доискаться. Ученое, академическое изученіе Пушкина въ будущемъ произведетъ, конечно, точное выясненіе, какими именно источниками располагалъ Анненковъ. Слабыя мѣста работы Анненкова — его сужденія и оценки событий и дѣйствій Пушкина, и къ нимъ всегда должно относиться критически, имѣя въ виду, что эти сужденія проходили сквозь призму его моральнааго сознанія. Оправдатъ же его фактическія данныя можно только съ доказательствами въ рукахъ. Въ данномъ случаѣ Лернеръ какъ разъ проявилъ критицизмъ рѣшительно безъ всякихъ основаній. На самомъ дѣлѣ, почему онъ, напримѣръ, думаетъ, что Анненковъ счелъ эту отрывокъ принадлежащимъ къ поэмѣ только потому, что на другой сторонѣ листка оказались стихи изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“? Предположеніе Лернера является совершенно ненужнымъ, лишнимъ, такимъ, какого мы не имѣемъ права учинять, не зная существующей, но недоступной рукописи, не продѣлавъ работы по изученію черновыхъ. *Непремѣнное обращеніе къ рукописямъ — это для пушкиновѣдѣнія вопросъ метода изученія, и на немъ надо настаивать съ особой силой:* иначе изученіе жизни и творчества не станетъ научнымъ, работа не станетъ планомѣрной и останется въ предѣлахъ любительского любопытства.

Въ какой мѣрѣ указанное предположеніе Лернера дѣйствительно оказывается излишнимъ, покажетъ изученіе чернового текста, который мы привели выше въ транскрипціи Якушкина.

Онъ находится, какъ сказано, въ тетради № 2369. На внутренней сторонѣ передней доски переплета этой тетради съ росчерками, завитушками написано „27 мая 1822 Кишиневъ Pouschkin, Alexeef, Пушкинъ“. [Намъ представляется правдоподобнымъ принять это число, какъ дату дня,

въ который была заведена эта тетрадь для черновыхъ записей Пушкина]. На лицевой сторонѣ 1-го листа довольно тщательно въ два столбца переписанъ „Отрывокъ“ (Ты сердцу непонятный мракъ)¹⁾, а на оставшемся свободномъ мѣстечкѣ въ концѣ второго столбца уписаны стихи 1—8 стихотворенія „Иностранкѣ“. На оборотѣ этого 1-го листа находится интересующій насъ отрывокъ и конецъ стиховъ „Иностранкѣ“. Давать исчерпывающую транскрипцію всего написанного 1-ой страницы не входитъ въ нашу задачу; для нашей цѣли вполнѣ достаточно точнаго ея описанія. Страница эта сильно исчеркана. Съ самаго верха, послѣ тщательно зачеркнутаго заглавія, идетъ основной текстъ, состоящій изъ 12 стиховъ съ немалочисленными поправками и приведенный уже нами въ транскрипціи Якушкина. За этими стихами обычный Пушкинскій заключительный знакъ:

Послѣ черты съ правой стороны страницы идутъ зачеркнутые стихи, представляющіе развитіе той-же темы и тоже приведенные нами. А слѣва, въ тѣсной близости

1) „Отрывокъ“ здесь, въ тетради № 2369 представляетъ текстъ блоковой по сравненію съ тѣмъ черновикомъ, что находится въ тетради № 2366, листы 14—15. Именно по тетради № 2369 напечатанъ „Отрывокъ“ въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 168). Любопытно отмѣтить, что издаватели просмотрѣли редакцію тетради № 2369, и потому, зная только черновой текстъ 2366-ой тетради, не находили его, конечно, тождественнымъ съ текстомъ посмертнаго изданія, печатавшаго стихотвореніе по блоковому тексту, и строго критиковали редакторовъ посмертнаго изданія: Анненковъ укорялъ ихъ за то, что они выдумали заглавіе „Отрывокъ“ (имѣющеся въ блоковомъ текстѣ; см. Пушкинъ—Анненковъ, II, стр. 387); Майковъ писалъ, что и въ посмертномъ изданіи редакція „сообщена не вполнѣ согласно съ Музейной рукописью и притомъ съ нѣкоторыми измѣненіями, очевидно посторонней руки“ (Майковъ, Материалы, 147; Морозовъ вслѣдь за Майковымъ находилъ въ текстѣ „перемѣны, которыя можетъ бытъ, и не принадлежать Пушкину“ (Пушкинъ—Морозовъ—Профѣціе I, 622). А между, тѣмъ все эти догадки вызваны простымъ недосмотромъ!]

къ этимъ стихамъ Пушкинъ набросалъ программу „Бахчисарайского Фонтана“. Этой программы Якушкинъ не замѣтилъ или не отмѣтилъ, и она по сіе время остается неизвѣстной изслѣдователямъ. Программа набросана въ шести строчкахъ. Всѣ онъ зачеркнуты, кромѣ послѣдней, 6-ой; 2-ой и 3-ей я не могъ разобрать. Вотъ онѣ:

[Гаремъ]
[.]
[.]
[Монахъ. Зарема и Марія]
[Ревность. Смерть М. и З.]
Бахчисарай Р.

Въ послѣдней строкѣ букву Р. можно принять и за Ф. Сбоку, наискосъ записанъ стихъ

Улыбка усть, улыбка взоровъ.

Есть еще рисунки: одинъ, полустергтый, трудно разобрать; остальные три — женскія ножки въ стремени.

Но, читая эту программу „Бахчисарайского Фонтана“, находящуюся на одной страницѣ съ отрывкомъ, въ непосредственномъ соединеніи съ нимъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что отрывокъ этотъ принадлежитъ, конечно, къ составу поэмы. Слѣдовательно, и утвержденіе Анненкова — не личное его предположеніе, и сомнѣнія Лернера являются досадно излишними.

Основной текстъ не имѣетъ такого вида, какой приданъ ему транскрипціей Якушина. Въ немъ много зачеркнутыхъ словъ, поправокъ и вставокъ. Якушкинъ стремился дать текстъ уже исправленный, но все таки онъ не ввелъ всѣхъ поправокъ въ текстъ. Намъ кажется, что для многихъ отрывковъ, для стихотвореній, которыхъ Пушкинъ начиналъ исправлять, но не выдавалъ въ свѣтъ,

следовало бы принять иной методъ издания, болѣе пригодный для цѣлей научныхъ. Надо было бы воспроизвести не такъ называемый окончательный текстъ, а наоборотъ — тотъ первоначальный, который былъ до начала исправленій, и къ этому первоначальному тексту давать поправки автора. При такомъ методѣ издания легче следить за работой поэта, да, кромѣ того, мы избавляемся отъ укора въ томъ, что сообщаемъ стихотвореніе въ такомъ видѣ, въ какомъ его не видаль никогда авторъ, ибо мы въ большинствѣ случаевъ не имеемъ возможности о такихъ брошенныхъ Пушкинымъ отрывкахъ сказать, закончилъ ли онъ свои исправленія или бросилъ ихъ на полдорогѣ. Конечно, иногда такое возстановленіе текста, въ особенности изъ подъ зачеркивающихъ линій, бываетъ технически затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Данный отрывокъ не трудно возстановить; но не легко было уловить подъ густой краской черниль заглавіе отрывка; однако, все-таки удалось разоблачить и тайну зачеркнутаго заглавія: оно оказалось таково:

Н. Н. Р.

— литоры, хорошо знакомыя и сопровождающія не одно произведение Пушкина; онѣ означаютъ, конечно: „Николаю Николаевичу Раевскому“. А самъ текстъ до того, какъ Пушкинъ началъ его править, читался такъ:

Н. Н. Р.

Исполню я твое желанье,
Начну обѣщанный разказъ.
Давно печальное преданье
Повѣдали мнѣ въ первый разъ
Тогда я въ думы углубился;
Но не надолго рѣзвый умъ
Забывъ веселыхъ оргій шумъ
Невольной грустью омрачился.—

Какою быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья:
Веселье — тихою тоской,
Печаль — восторгомъ наслажденья!

Отмѣтимъ и одинъ варіантъ. Стихи 3 — 4 не сразу приняли ту редакцію, въ которой они напечатаны Якушкинымъ; они испытали еще и такую промежуточную редакцію:

Давно печальное преданіе
Ты мнѣ повѣдалъ въ первый разъ.

Этотъ варіантъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, отъ кого поэтъ услышалъ, еще будучи въ Петербургѣ, легенду о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ. Конечно, отъ Николая Николаевича Раевскаго. Обнаруживающійся теперь фактъ — намѣреніе Пушкина посвятить ему и вторую свою южную поэмѣ — лишній разъ подтверждастъ то великое значеніе, какое имѣлъ этотъ замѣчательный человѣкъ въ жизни и творчествѣ Пушкина.

Итакъ, намъ теперь совершенно ясно фактическое указаніе, заключающееся въ отрывкѣ, и, слѣдовательно, теряетъ всякое фактическое основаніе выставленное Гершензономъ предположеніе о томъ, что ту версію легенды, которая вызвала появленіе самой поэмы, слышалъ Пушкинъ въ Петербургѣ отъ М. А. Голицыной (тогда еще княжны Суворовой). Но свидѣтельство отрывка опять приводитъ насъ въ семью Раевскихъ. Легенда, рассказанная Н. Н. Раевскимъ Пушкину, конечно, была известна всей семье Раевскихъ и, слѣдовательно, всемъ сестрамъ. О нихъ, разумѣется, вспоминаетъ Пушкинъ:

„Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онъ
Фонтаномъ слезъ именовали“.

Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ какъ разъ и приводить это названіе по французски: „La fontaine des larmes“.

Какое же мѣсто занималъ этотъ отрывокъ въ поэмѣ Пушкина? Въ той редакціи, въ какой онъ нынѣ извѣстенъ, онъ долженъ былъ начинать поэму. „Начну обѣщанный разсказъ“, „Печаленъ будетъ мой разсказъ“ — эти выраженія указываютъ на вступленіе. Въ теперешнемъ видѣ отрывокъ явно не законченъ. Ходъ мысли поэта можно восстановить приблизительно такъ: легенда о Фонтанѣ, услышанная имъ среди свѣтского шума, остановила въ поэту лишь мимолетное впечатлѣніе и не дала возбужденія его поэтическому воображенію. — Объ этомъ говорять извѣстные намъ стихи, а дальше Пушкинъ долженъ былъ бы продолжать: нужно было притянуть иному времени и нужны были иные возбужденія, чтобы заставить работать его поэтическую фантазію.

Гдѣ же искать продолженія отрывка? Вспомнимъ, что въ рукописи, хранящейся въ Майковской коллекціи, отрывокъ писанъ на одной сторонѣ листка, а на другой идутъ стихи поэмы (ст. 505 — 525): начинается

Покинувъ сѣверъ наконецъ
Ширы надолго забывая,
Я поѣхалъ Бахчисарай
Въ забвенье дремлющей дворецъ

и такъ далѣе; послѣдній стихъ, записанный на этой страницѣ

Сіи надгробные столбы

не имѣть рифмы. Слѣдовательно, продолженіе слѣдовало на другихъ, пока неизвѣстныхъ намъ, листкахъ.

Однихъ вѣнчанихъ данныхъ достаточно для того, чтобы считать лицевой стороной листка ту, на которой

набросанъ отрывокъ, а оборотиой, продолжающей текстъ— ту, на которой—стихи изъ конца поэмы. Но если мы вни- кнемъ въ содержаніе стиховъ и той, и другой страницы, то станетъ совершенно очевидно, что стихи, находящіеся нынѣ въ составѣ поэмы, развиваются безъ всякаго логи- ческаго перерыва мысль отрывка, и являются непосред- ственнымъ его продолженіемъ. Съ другой стороны, если мы посмотримъ на то, въ какомъ логическомъ отношеніи стоитъ та часть поэмы, которая начинается стихомъ 505-мъ: „Покинувъ съверъ наконецъ“, къ той части, что находится непосредственно передъ этимъ стихомъ, мы сразу констатируемъ непослѣдовательность и отсут- ствіе какой-либо связи. Предшествующіе 505-му стихи, несомнѣнно, представляютъ окончаніе цѣлаго—части или главы. Но въ такомъ случаѣ предъ нами стоитъ уже но- вый вопросъ, чѣмъ быль въ поэмѣ этотъ кусокъ, начи- нающійся словами: „Печаленъ будеть мой разсказъ“ и включающей часть поэмы со стиха „Покинувъ съверъ па- конецъ“? По первоначальному замыслу поэта, весь этотъ кусокъ быль эпилогомъ поэмы. И въ этомъ листкѣ мы на-ходимъ зачеркнутое название „Эпилогъ“, а соответственно сему и первый стихъ первоначально читался такъ:

„Печаленъ вѣрный мой разсказъ“.

Затѣмъ поэтъ рѣшилъ этимъ отрывкомъ начать поему, зачеркнулъ слово эпилогъ и вмѣсто него написалъ вступ- пленіе, а вмѣсто „вѣрный“ поставилъ слово „будеть“.

Гдѣ же должно было по новому плану поэта окон- читься вступленіе, рѣшить невозможно. Во всякомъ случаѣ, за послѣднимъ стихомъ листка изъ Майковской коллек- ціи текстъ, надо думать, продолжался тожественно печат- ному, ибо тѣмъ (525-мъ) стихомъ еще не завершилось фактическое описаніе поѣщенія Бахчисарайскаго дворца. Заключивъ описание стихами:

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось...

поэтъ возвращается къ прерванной личной темѣ вступ- пленія (или эпилога). Были оргіи, были пиры, когда въ первый разъ поэтъ услышалъ преданье любви....; теперь все забыто, теперь иная жизнь, иная возбужденія. Не размышленіями о погибшемъ величіи хановъ было полно сердце:

Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью;
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненію,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Послѣ этого стиха въ первомъ изданіи поэмы 1824 года шла строка тире и точекъ; а въ изданіяхъ 1827 и 1830 года былъ оставленъ проблѣ. Всѣми этими внѣшними зна- ками поэтъ имѣлъ въ виду указать нѣкій пропускъ. Вѣроятно, и здѣсь быль тотъ любовный бредъ, который Пушкинъ съ сожалѣніемъ, но все же выбросилъ, отпра- вляя поему въ печать.

Эта дѣва, мелькавшая по дворцу летучей тѣнью передъ поэтомъ, сердце котораго не могла тронуть въ то время и старина Бахчисарай,—образъ реальный и не мечтатель- ный. Она была тутъ во дворцѣ въ одинъ часъ съ поэтомъ, и сердце его было полно ею.

Послѣ проблѣла, указанного тире и точками, въ из- вѣстномъ намъ текстѣ слѣдуетъ вопросъ, которому (онъ не совсѣмъ ясенъ для насъ) какъ будто назначено отклонить мысль читателя отъ реальныхъ образовъ и ввести его въ міръ фантастической.

Чью тьнь, о други, видѣлъ я?
 Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня
 Неотразимый, неизбѣжный?
 Маріи ль чистая душа
 Явилась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша
 Средь опустѣлого гарема.
 Я помню столь же милый взглядъ
 И красоту еще земную....

Дальше въ изданіяхъ поэмы, вышедшихъ при жизни поэта, опять слѣдовали виѣшніе знаки (въ изд. 1824 года полторы строки тире и точекъ, а въ изданіи 1827 и 1830 годовъ пробѣлъ), обозначавшіе пропускъ „любовнаго бреда“. Этотъ пропускъ возстановленъ только Анненковымъ по рукописи, которая намъ уже неизвѣстна:

- 549 Всѣ думы сердца къ ней лѣтятъ;
 550 Объ ней въ изгнаніи тоскую....
 Безумецъ! полно, перестань,
 Не растравляй тоски напрасной!
 Мятежнымъ снамъ любви несчастной
 Заплачена тобою дань —
 555 Опомнись! долго ль, узникъ томный,
 Тебѣ оковы лобызать,
 И въ свѣтѣ лирою нескромной
 558 Свое безумство разглашать? ¹⁾)

1) Пушкинъ — Анненковъ, томъ VII, стр. 68. Анненковъ замѣчаетъ: „Послѣдніе два стиха („И въ свѣтѣ“ и т. д.) имѣютъ соотношеніе съ тремя стихами элегіи 1820 г. „Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда“, опубликованіемъ которыхъ Пушкинъ былъ, какъ известно, весьма недоволенъ“. Это указаніе Анненкова невѣрно фактически (рукопись „Фонтана“ была отослана Вяземскому для печати въ началѣ ноября 1823 года, а разглашеніе элегіи имѣло мѣсто въ январѣ 1824), но свидѣтельствуетъ о томъ, что Анненкову были известны всѣ фактическія обстоятельства, въ средѣ

Рукопись, по которой Анненковъ напечаталъ эти стихи, мы не рѣшаемся отождествить съ текстомъ на об. 3 листа въ тетради № 2369, нѣсколько расходящимся съ чтеніемъ Анненкова ¹⁾).

X.

Остановимся на черновыхъ наброскахъ „Бахчисарайскаго Фонтана“, сохранившихся въ тетради № 2366. Какъ это ни странно, но до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь, ни одинъ издатель не обратилъ на нихъ своего вниманія. Эти черновики пренебрежены до такой степени, что рѣшительно нигдѣ не найти указанія, какимъ же стихамъ поэмы они соответствуютъ. А изученіе ихъ между тѣмъ могло бы сохранить энергию изслѣдователей, избавивъ ихъ отъ многихъ излишнихъ разсужденій. Въ нихъ мы найдемъ подтвержденіе нашимъ наблюденіямъ надъ связью интересующаго насъ отрывка съ поэмой и даже

которыхъ возникла поэма. Разглашеніе же безумства, конечно, общее мѣсто: всякое стихотвореніе, павѣянное любовью, есть уже и ея разглашеніе.

1) На 8 об. № 2369 читается копія поэмы: стихи 546—573. Правожу всѣ первоначальные чтенія, здесь же исправленія, и исправленія, которыхъ мы не находимъ въ печатномъ текстѣ.

- 560 [Ее зову] обѣ ней въ изгнаніи тоскую
 561 [Мятеж] — [Ужели] [Безумецъ] [Ужели!] полно! перестань
 562 [Не разтравляй] Не оживляй тоски напрасной
 563 [Любви] [слѣпой] [пустой] Мятежнымъ снамъ любви несчастной
 564 [О] Я скоро [ль] васъ увижу вновь
 565 Все [живо тамъ] [тѣ же вы] живо тамъ; холмы, лѣса
 566 И [волни] струй и тонолей прохлада
 567 Все [изоры] чувства путника [влечетъ] [манитъ] живить
 568 Привычный конь его [несетъ] бѣжитъ
 569 [И полно лазоревая] [когда лазоревая] И зеленѣющая влага
 570 [Предъ ними] и блещетъ [зеленѣетъ] сперкается и [бѣжитъ] шу-
 мить.

Изъ указанныхъ разночтений любопытно измѣненіе вопроса (О скоро лѣ-
 васъ увижу) на утвержденіе (Я скоро васъ увижу).

откроемъ нѣсколько стиховъ того „любовнаго бреда“, который Пушкинъ такъ ревностно вытравлялъ изъ поэмы, отсылая ее въ печать. Эти черновики дадутъ намъ нѣкоторый достовѣрный материалъ для характеристики чувства поэта къ той, которая вдохновила его на созданіе самой поэмы.

Черновики поэмы занимаютъ въ тетради № 2366 листы 20—29, но видно, что не мало листовъ было вырвано, а именно между 21 и 22, между 22 и 23, между 23 и 24, между 27 и 28 листами¹⁾.

На листахъ 20 и 21 находятся черновыя къ стихамъ: 31—42; 43—58; 59—65, 80—86; 68—79. Тутъ листы вырваны, и дальше идутъ стихи 166—180 и опять листы вырваны. На листѣ 23_{1,2}ходимъ развитіе темы „положеніе Маріи въ гаремѣ хана“ приблизительно въ рамкахъ стиховъ 211—232; точнаго соотвѣтствія печатному тексту нѣть. Затѣмъ вновь пропускъ, и съ оборота 24 листа идутъ черновики къ послѣдней части поэмы: ханъ, возвращаясь съ набѣга, воодвигнула фонтанъ и т. д. (ст. 482 и слѣд.). На об. 24 листа — перечеркнутые наброски къ стихамъ 485—494, на л. 25₁ продолженіе 495—504. Стиховъ 499—500, содержащихъ сравненіе слезъ Фонтана со слезами матери, нѣть. Послѣ 504 стиха:

И мрачный памятникъ онъ
Фонтаномъ слезъ [уже] [его] его назвали

пушкинскій заключительный знакъ. Тутъ очевидно и въ этой первоначальной редакціи заканчивалась чисто поэтическая часть поэмы²⁾. Что же слѣдовало дальше? На об. 25 листа находится новую редак-

1) Якушкинъ, Описаніе, май, 323.

2) Послѣ этого заключительного знака на этой страницѣ записаны отдельные стихи къ предыдущему: между прочимъ, 468—469, 486—487.

цію стиховъ 482—492, уже набросанныхъ, какъ мы видѣли, на об. 24 листа, а на л. 26 Пушкинъ продолжалъ поэму. Сообщивъ на л. 25, что преданье старины узнали младыя дѣвы, поэтъ въ послѣдующемъ хотѣлъ сказать, какъ дошло до него это преданье. На л. 26, читаемъ слѣдующія зачеркнутыя строки и слова —

Когда онъ повѣдали
Я видѣлъ памятникъ печальной
давно минувшее преданье Ког разказали мнѣ
давно Когда мнѣ повѣдали
плачевно
Мнѣ стало грустно умъ
сердцемъ
Я тогда я — приунылъ
И на минуту позабылъ
безумныхъ пирсовъ и дружбы огнія ликованье.

Незачеркнуты въ этомъ наброскѣ только слова, набранныя курсивомъ. Среди этихъ вариантовъ обращаетъ вниманіе: — „онъ (т. е. младыя дѣвы) повѣдали, разсказали преданье“. Но тутъ же Пушкинъ даетъ набросокъ въ исправленной версіи и отчасти съ новымъ содержаніемъ:

Мой другъ я кончилъ свой разсказъ (1)
Онъ конченъ вѣрный мой разсказъ (2)
Исполнилъ я [твоє] друзей желанье
[Ты мнѣ повѣдалъ] давно я слышалъ въ I разъ
Сіе печальное преданье.

Мы видимъ, что именно эту версію, предназначенную сначала для эпилога, Пушкинъ развивалъ въ отрывкѣ, получившемъ впослѣдствіи значеніе вступленія¹⁾. Здѣсь

1) Я не даю полной транскрипціи, не нужной для цѣлей нашего изслѣдованія. Отмѣчу, что на л. 26₁ находится и энigmatika „Швецъ-Давидъ быть ростомъ малъ“. Повидимому, она писана въ одно время со стихами поэмы.

въ тетради 2366 не получилъ развитія намекъ на обстоятельства шумной петербургской жизни, и поэтъ продолжалъ на об. 26 листа:

Но бросивъ наконецъ
Надолго съверъ покидал
Я поѣтиль Бахчисарай
[Забытый славою]
[забвеною преданный]
Въ забвены дремлющій дворецъ
Въ забвены [тлѣющій] дворецъ.

Черновикъ на листѣ 26₂ захватываетъ ст. 505—515, а листъ 27₁ — ст. 516—526, и наконецъ листъ 27 об. ст. 527—530. Стихи 531—532 набросаны дважды. Въ первый разъ —

Но [нрзб.] — не тѣмъ
въ то время сердце полно было....
[Я вкругъ себя смотрѣлъ] [бродилъ уныло]

а второй разъ въ такомъ видѣ —

[Все измѣнилось] [Но и
[Въ то]
я думалъ о другомъ
[Другія] [занимали]
Иные думы волновали
[Лишь мнѣ известныя] мечты
[Меня глубоко занимали —].

Такимъ образомъ стихи 531—532 получали развитіе, слѣдовъ котораго печатный текстъ не сохранилъ, но къ сожалѣнію, черновая рукопись не сохранила продолженія, ибо какъ разъ слѣдующій за 27-ымъ листъ вырванъ. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ оставшійся у корешка тетради кусочекъ листа. Тутъ очевидно шель

„любовный бредъ“; идущій за клочкомъ оборваннаго листа нынѣшній 28-ой листъ сохранилъ его продолженіе въ слѣдующемъ видѣ. Даемъ полную транскрипцію

л. 28₁

Или — но кто пойметъ меня
[Надеж (?)] Печали [Мечтанья] желанья
[страданья]

И безнадежная страданья
[плѣнительный]
[Или таинственный] предметъ
[Или] [Но] [полно] — ихъ ужъ нѣть
Во глубинѣ души остылой
[иль нрзб. нрзб. нрзб.]
[любви] [унылой]

Иль только сладостный предметъ
Любви таинственной унылой —
[нрзб.] Тогда.... но полно! вѣсъ ужъ

[нрзб.] Мечты [нрзб.] [безумный]
[Мечты безумн] [юныхъ]
[нрзб.]

Во глубинѣ души остылой
[Не тлѣеть вашъ] [безумный]
[слѣдъ]

л. 28 об.

Мечтатель! полно! перестань
[Забудь] [Забыть] [мукѣ] напрасной
[Пора] [Тебя никто не понимаетъ]
Не пробуждай тоски

[Забу]
[Иль мало ты]
[мечтамъ] [тоскѣ]
[Принесъ] [любви] [пр] [о]
[Слѣпой] [любви], [т] нещастной

[Платилъ безумства] [дань]
[безумныхъ] — [мечтѣ] [безумной] любви
[слезъ]
Заплачена тобою дань
слѣпой
[Тебя никто не понимаетъ]
[доволенъ будь] —
рабъ послушный
[и разб.] поэту
[малодушной]
Опомнишь! — долго л[и] [въ упоен]
[въ унынья] [Неволи]
Тебѣ цѣль лобзать
[въ свѣтѣ] съ [музою]
[И въ мірѣ] [И] [лирой] [послушной] —
[въ унынѣ робкомъ]
[по свѣтѣ] въ свѣтѣ
И [Свой стыдъ] лирою по свѣту
[праздной]
[лирою]
Свое безумство разглашать
[Тебя никто] не понимаетъ —
два сердца въ мірѣ можетъ быть
л. 29,
Кому понятн[ѣи]ы буд[е]уть

Забудь
[Или] мучительный предметъ
[Любви отверженной и вѣчной]
[Невозвратимыхъ заблужденій]
[Забудь] [Чего ты жаждешь —] [наслажденій]
[Забудь] [и разб.]
[Чего ты] [Забудь] — раннихъ
[И слабость (?)] [отроческихъ] лѣтъ

Ты возмужаль средь испытаний
[Забудь] Загладь(?) проѣтупки раннихъ лѣтъ
2) Забудь мучительный предметъ
[воспоминаній (?)]
1) Постыдныхъ слезъ, [нѣмыхъ желаній]
[Уединен] [Уединенныхъ] И безотрадныхъ ожиданій.

На этомъ 29₁ листѣ кончаются черновики поэмы, на об. 29 л. написано только одно слово „Теперь“, на л. 30 наброшено загадочное французское письмо къ незавѣстной намъ женщинѣ, любовного содержанія, напечатанное въ 1-мъ томѣ „Переписки“ подъ № 43.

Эти незаконченные и неотдѣленные наброски даютъ намъ нѣсколько фактическихъ указаний о любви Пушкина. Предметъ ея — мучительный, таинственный. Самое чувство — любовь унылая, таинственная съ безнадежными страданіями. Она вызывала въ поэта постыдные слезы, нѣмые желанія; ей сопутствовали уединенные и безотрадные ожиданія. Чувство поэта осталось не раздѣленнымъ, не нашло отвѣта, но все же у поэта напились эпитеты для этой любви — „любви отверженной и вѣчной“. И несмотря на то, что чувство поэта оказалось отверженнымъ, онъ все вѣрить, что если кто и можетъ понять его и его безнадежные страданія, такъ это только одно сердце, бьющееся въ груди мучительного предмета.

Въ этихъ перечеркнутыхъ строчкиахъ можно уловить двѣ темы: 1) увѣщаніе къ самому себѣ прекратить безумства страсти и не растревлять старой тоски: поэтъ старается увѣрить себя, что его чувство прошло и душа уже остыла; 2) кто пойметъ страданія поэта? Его никто не понимаетъ, и только два сердца поймутъ эти страданія (два сердца — его и ея?). Первая тема обработана, какъ мы видѣли, на л. 3 об. тетради 2369 и появилась въ поэмѣ

въ ст. 551—558. Но эти стихи самимъ Пушкинымъ не печатались и впервые сообщены Анненковымъ¹⁾. Вторая же тема нашла развитіе въ отвѣтѣ поэта на вопросъ книгородавца въ „Разговорѣ“: ужели ни одна не стоитъ ни вдохновенія, ни страсти поэта? (ст. 137—175)²⁾. „Я всѣмъ чужой.... Слова мои пойметъ одно сердце“.... отвѣчаетъ поэтъ и вспоминаетъ свою нераздѣленную любовь—тяжкій сердца стонъ и ту, кто отвергла заклинанья, мольбы и тоску его души. Несомнѣнно, это—та самая отверженная и вѣчная любовь, о которой мы читаемъ въ наброскахъ „Фонтана“. Стихи изъ „Разговора“ обыкновенно цитируются, когда говорятъ объ исключительной любви Пушкина:

156 Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеніемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышаль я чистымъ упоенемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,

1) Обычно эти 551—558 стихи поэмы сопоставляются со стихами 125—128 „Разговора книгородавца съ поэтомъ“. Такое сопоставление конечно, если оно найдетъ дальше указатія часто вѣшнаго сходства, ибо сходное по формѣ обращеніе къ лирѣ, разглаголающей безумства любви, лѣдается въ томъ и другомъ случаѣ при обстоятельствахъ, далеко не сходныхъ.

2) „Разговоръ книгородавца съ поэтомъ“ находится въ тетради 2869 л. 13 об.—17, и подъ послѣднимъ стихомъ имѣеть помѣту 25 сент. 1824 года. Чертilla этой рукописи указываютъ на разновременность внесенія въ тетрадь текста и поправокъ. 4 декабря 1824 года поэтъ писалъ брату: „нельзя ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 годъ“? Эти слова позволяютъ сдѣлать заключеніе, что „Разговоръ“ былъ написанъ въ 1823 году, а дата въ тетради означаетъ не моментъ созданія, а только моментъ внесенія его въ тетрадь. Отмѣтимъ также и то, что въ тетради это стихотвореніе отнюдь не носитъ тѣхъ лѣпшихъ указаний, которыя въ Пушкинскихъ рукописяхъ позволяютъ утверждать, что произведение написывалось въ тетрадь въ моментахъ, соответствующихъ его возникновенію, а не позже.

Я находилъ огонь небесный
Сгорая жаждою любви¹⁾.

Итакъ предъ вами слѣдующіе достовѣрные выводы. Легенда о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ была хорошо известна членамъ семьи Раевскихъ. Рассказъ о немъ Пушкинъ впервые услыхалъ, еще будучи въ Петербургѣ, отъ Н. Н. Раевскаго, и тогда этотъ рассказъ не оставилъ впечатлѣнія. Мы знаемъ, что Пушкинъ собирался посвятить свою поэму Н. Н. Раевскому, но не исполнилъ своего намѣренія. Не потому ли, что не рассказалъ Раевскаго даль краски поэмѣ, установилъ тонъ чувства?²⁾ Рассказывали старинное преданіе и младая дѣвь, и въ устахъ одной изъ нихъ легенда привела въ необыкновенно возбужденіе поэтическій даръ поэта, и, перелагая въ стихи ея повѣсть, поэтъ содалъ поэму и излилъ въ ней свое сердце, полно любви къ этой „младой дѣвѣ“, отринувшей тѣмъ не менѣе всю мольбы поэта. Но какая же изъ четырехъ сестеръ возбудила столь сильное и мучительное чувство и наполнила его умъ неизысканнымъ волненіемъ?

XI.

Два современника Пушкина, оба его хорошие знакомые, назвали намъ имя той Раевской, которой было писанъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Кажется, оба эти свидѣтели

1) Въ черновой пѣсѣлько иначе (№ 2869 л. 16):

Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеніемъ?
Одна была... предъ ней одной
Объятый грустнымъ упоенемъ
Съ неизысканною тоской
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ чудесный
Гдѣ льются вѣчныя струи
Я находилъ языкъ небесный.

2) Впослѣдствіи одно изъ позднѣйшихъ изданій „Фонтана“ Пушкинъ собирался посвятить кн. Н. А. Вяземскому, стараніями которого она была издана. Объ этомъ свидѣтельствуетъ набросокъ посвященія изъ Майковской коллекціи № 11. См. Пушкинъ и его современники. Вып. IV, стр. 5.

дѣтельства не обратили вниманія изслѣдователей и въ Пушкинской литературѣ не поминались при разрѣшении вопроса о поэмѣ.

Одно принадлежитъ графу Густаву Олизару, другое— Василію Ивановичу Туманскому.

Олизаръ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ прямо говоритъ, что „Пушкинъ написалъ свою прелестную поэму для Маріи Раевской“¹⁾. А онъ могъ имѣть точныя свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ: онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ ко всей семье Раевскихъ. Когда Раевские въ концѣ 2-го и началѣ 3-го десятилѣтія XIX вѣка жили въ Кіевѣ, Олизаръ былъ предводителемъ дворянства въ Кіевской губерніи и въ это время завязалъ съ ними знакомство, продолжавшееся очень долго. О близости знакомства свидѣтельствуетъ, напримѣръ, и тотъ фактъ, что когда Раевские въ 1821 году отправились въ гости въ Кишиневъ къ Орловымъ, съ ними былъ и Олизаръ²⁾. Въ началѣ знакомства Олизара съ Раевскими Марія Николаевна представлялась ему „мало интереснымъ смуглымъ подросткомъ“. На его глазахъ Марія Раевская изъ ребенка съ неразвитыми формами превратилась въ „стройную красавицу, смуглый цветъ лица которой находилъ оправданіе въ черныхъ кудряхъ густыхъ волосъ и пронизывающихъ, полныхъ огня очахъ“³⁾. Олизаръ увлекся Маріей Раевской и былъ сильно и долго въ нее влюбленъ. Но любовь осталась „отверженной“. Въ 1823 году онъ сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ. Въ письмѣ отца М. Н., приведенномъ въ „Воспоминаніяхъ“ Олизара, мотивомъ отказа было выставлено различие ре-

1) См. *Pamiętniki* (1798—1865) Gustawa Olizara z przedm. J. Leszczycia, Lwów. 1892, стр. 174. Эти Воспоминанія изложены и отчасти переведены А. Ф. Коноваловымъ въ „Русск. Вѣстн.“ въ статьѣ „Мемуары графа Олизара“, 1893, авг. и сентябрь.

2) „Русск. Архивъ“ 1866, столб. 1255 (Военном. И. П. Липранди).

3) „Русск. Вѣстн.“ 1893 г., сопт., стр. 102.

лигіи и народности. Олизаръ былъ убитъ отказомъ; онъ уединился съ своей сердечной грустью въ купленное имъ въ Крыму помѣстье, которое онъ окрестилъ греческимъ именемъ „Карди Ятриконъ“ (лѣкарство сердца). Здѣсь онъ тосковалъ и писалъ сонеты о своей безнадежной любви. О его безнадежной и отвергнутой любви упоминаетъ Мицкевичъ въ одномъ изъ своихъ крымскихъ стихотвореній. Онъ сохранилъ свѣтлую память о Маріи Раевской. „Нельзя не сознаться, пишетъ онъ въ запискахъ, что если во мнѣ пробудились высокія, благородныя, оживленныя сердечными чувствомъ стремленія, то ими во многомъ я былъ обязанъ любви, внушенной мнѣ Маріей Раевской. Она была для меня той Беатриче, которой было посвящено поэтическое настроеніе и, благодаря Маріи и моему къ ней влечению, я приобрѣлъ участіе къ себѣ первого русскаго поэта и пріязнь нашего знаменитаго Адама“¹⁾. По всей вѣроятности, черезъ Раевскихъ Олизаръ вошелъ въ знакомство съ Пушкинымъ; объ огъ участливомъ отношеніи къ своей сердечной исторіи онъ вспоминалъ, когда писалъ свои „Воспоминанія“. Въ черновой тетради (№ 2370) сохранился исчерканный набросокъ посланія Пушкина къ нему²⁾. Пушкинъ касается въ немъ и горькаго сердцу Олизара отказа, полученного имъ отъ Раевскихъ, и даетъ нѣчто въ родѣ его истолкованія „Русской дѣва“, по словамъ Пушкина,

1) Тамъ же, стр. 104.

2) Пушкинъ — Венгеровъ, т. II, стр. 261. См. также примѣчанія къ этому стихотворенію въ т. III, стр. 555. Тутъ ошибочно указанъ переводъ записокъ Олизара въ „Русск. Обозр.“ им. „Русск. Вѣста“. Къ приведенной тутъ литературѣ обѣ Олизааръ надо добавить свѣдѣнія, разсѣянныя въ книгѣ В. И. Семевского: „Общественные и политические идеи декабристовъ“, С.-Пб. 1909, и въ „Архивѣ Раевскихъ“, т. II. Авторъ примѣчанія также не обратилъ вниманія на указаніе Олизара, кому писалъ „Фонтанъ“.

Привлекши сердце поляка,
Не приметь гордою душою
Любовь народного врага“¹⁾.

Всё эти данные показываютъ, что Олизартъ имѣть полную возможность знать исторію возникновенія „Бахчисарайскаго Фонтана“, и позволяютъ съ рѣшительнымъ довѣріемъ отнести съ его свидѣтельству о Маріи Раевской, какъ той, къ кому писана поэма.

Мы уже знаемъ, что Василію Ивановичу Туманскому Пушкинъ прочелъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ лѣтомъ 1823 года и не скрылъ отъ него интимнаго происхожденія поэмы. Былъ ли названъ по имени „мучительный и таинственный предметъ“? Въ 1891 году были напечатаны родственныя и совершенно откровенныя письма Туманского къ его двоюродной сестрѣ Софье Григорьевнѣ Туманской. Въ одномъ изъ его писемъ, отъ 5 декабря 1823 года изъ Одессы, находимъ слѣдующую любопытную характеристику сестры Раевскихъ: „У насъ гостятъ теперь Раевскіе и настъ къ себѣ приглашаютъ. Вся эта фамилія пріимѣчательна по рѣдкой любезности и по оригинальности ума. Елена сильно нездорова; она страдаетъ грудью и хотя нѣсколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцуетъ, не любить присутствовать на балахъ, которые нѣкогда украшала. *Марія* идеалъ Пушкинской Черкешенки (собственное выраженіе поэта) дурна собой, но очень привлекательна остротою разговоровъ и нѣжностью обращенія“²⁾. Это свидѣтельство Туманского о Маріи допускаетъ два толко-

1) Отказъ Олизару былъ слѣдствіемъ не столько „русской дѣвой“ М. Н. Раевской, сколько ея отцомъ. А въ какой мѣрѣ самое М. Н. характеризовали националистическая — вплоть до враждебной къ иноземцамъ окраски — чувства, положительно известно.

2) Письма Вас. Ив. Туманского и неизданныя его стихотворенія. Черниговъ. 1891, стр. 54.

ванія, и примемъ ли мы то или иное толкованіе, его биографическая важность не уменьшится. Для настъ не совсѣмъ ясно, кого имѣть въ виду указать Туманскій: черкешенку-ли, героянью „Кавказскаго Плѣнника“, или грузинку поэмы, слышанной имъ въ членіи самого автора, ошибочно въ послѣднемъ случаѣ называвъ ее черкешенкой. Ошибка вполнѣ возможная. Если вѣрно первое, то, мы имѣемъ любопытную и цѣнную подробность къ исторіи созданія первой южной поэмы и къ исторіи возникновенія сердечнаго чувства Пушкина. Но если бы вѣрно было второе предположеніе объ ошибкѣ въ названіи, тогда мы имѣли бы не менѣе цѣнное свидѣтельство къ исторіи созданія „Бахчисарайскаго Фонтана“: правда, съ первого взгляда нѣсколько неожиданнымъ показалось бы отожествленіе Маріи Раевской не съ кроткимъ образомъ Маріи, а съ страстнымъ — Заремы.

Называю отожествленіе неожиданнымъ, ибо противъ него обычное представленіе о Маріи Раевской, какъ о женщинѣ великаго самоотверженія, преданности и долга. Но еще очень сиорный вопросъ, соотвѣтствуетъ ли дѣйствительности обычное представленіе. Вѣдь Марія Раевская въ сущности памъ неизвѣстна, мы знаемъ только княгиню Волконскую, а образъ Волконской въ нашемъ воображеніи созданъ не непосредственнымъ знакомствомъ и изученіемъ объективныхъ данныхъ, а въ извѣстной мѣрѣ мелодраматическимъ изображеніемъ въ поэмѣ Некрасова. Въ концѣ концовъ намъ неясны даже тѣ внутренніе мотивы, которые подвигнули ее къ прославившему ее героическому дѣйствію. Самъ Сергѣй Григорьевичъ Волконский безконечно ниже своей жены и по уму, и по характеру, и по духовной организаціи. Среди декабристовъ онъ былъ даже и не крупный человѣкъ, а просто мелкій, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствуетъ тому высокому представленію, которое имѣется о

немъ напа читающая публика. Во время слѣдствія и суда въ 1826 году его мелкая психика показалась очень ярко. Когда знакомишься съ его слѣдственнымъ дѣломъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ, и съ нѣкоторыми подробностями, заключающимися въ другихъ дѣлахъ, выносипъ тяжелое впечатлѣніе: охватываетъ сильно и глубоко чувство грусти отъ созерцанія раскрывающагося противорѣчія между ранѣе существовавшимъ представлениемъ и дѣйствительно бывшимъ. Вотъ ужъ по истинѣ именно Волконскій не тотъ человѣкъ, который можетъ самъ себя или котораго могутъ другіе представлять героямъ! Своей женѣ онъ былъ чужой человѣкъ. Предложеніе его было принято по настоянію старика Раевскаго, который при всѣхъ своихъ отмѣнныхъ достоинствахъ былъ большимъ деспотомъ въ семье; Марія Николаевна выходила замужъ не по своей волѣ, не по личной страсти. Объ этомъ упоминаетъ даже Розенъ¹⁾. Сама М. Н. въ своихъ „Запискахъ“, конечно, говорить очень глухо объ этомъ: „Я вышла замужъ въ 1825 году за князя С. Г. Волконскаго, достойнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей; мои родители думали, что обеспечили мнѣ блестящую, по свѣтскимъ возврѣніямъ, будущность. Мнѣ было грустно съ ними разставаться: словно, сквозь подвѣнечный вуаль, мнѣ смутно видѣлась ожидавшая насть судьба“²⁾). До свадьбы, пишетъ сама Волконская, она почти не знала мужа; духовная близость не могла возникнуть между ними и въ первый брачный годъ жизни. Въ ототъ годъ она провела съ мужемъ только три мѣсяца. Въ это время энергичной работы по тайному обществу жена была такъ далека, такъ чужда С. Г. Волконскому, что онъ не подѣлился съ ней своими опасеніями, своими

1) А. Е. Розенъ, Записки декабриста, стр. 729.

2) Записки кн. Маріи Николаевны Волконской, 2-ое изд., С.-Пб. 1906, стр. 4.

переживаліями. Грустно звучитъ объясненіе, которое даетъ М. Н. Волконская его скрытности: „Опѣ былъ старше меня лѣтъ на двадцать и потому не могъ имѣть ко мнѣ довѣрія въ столь важномъ дѣлѣ“¹⁾). Мы знаемъ о жестокой и непосильной борьбѣ съ отцомъ и братьями, которую выдержала М. Н. Волконская для того, чтобы осуществить свое намѣреніе послѣдоватъ въ Сибирь, на каторгу за своимъ мужемъ²⁾). Она послѣдовала за мужемъ въ Сибирь, но кто была она—женщина ли великаго самоотверженія, или великихъ страстей, мы не можемъ сказать съ положительностью. Во всякомъ случаѣ, ея внутренняя природа слишкомъ сложна для того, чтобы можно было опредѣлить ее въ одномъ словѣ.

Не можемъ мы также сказать съ достовѣрностью, дала ли она Пушкину матеріалъ для изображенія Маріи въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, или для изображенія Заремы.

Какой она представлялась Пушкину? Пушкинъ зналъ ее, наблюдалъ, изучалъ и любилъ не одинъ мѣсяцъ и, кажется, уловилъ ея образъ не сразу. Съ развитіемъ чувства шло понутно и постиженіе ея образа. Для самого Пушкина было цѣлостно его идеалъ.

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?

1) Характеристику М. Н. Волконской см. въ нашей статьѣ: „Попытка русской женщины“, „Истор. Вѣстн.“ 1904, май, стр. 530—550). Вопреки обѣмъ отношеніяхъ ея къ Пушкину въ то время нами еще не ставился и не подвергался разслѣдованію.

2) Объ этомъ можно найти снѣдѣнія и въ „Запискахъ“ Волконской, и въ статьѣ Гершензона въ книгѣ: „Исторія Молодой Россіи“, и въ изданныхъ томахъ „Архива Раевскихъ“.

Марія лъ чистая душа
Явилась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностю дыша,
Средь опустѣлого гарема.

Нельзя не указать и на то, что, набрасывая для дѣтей, въ концѣ 50-хъ годовъ, свои записки и перебирая въ памяти стихи, написанные для нея Пушкинымъ, Волконская приводитъ и стихи изъ поэмы „Поэже въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ““ Пушкинъ сказалъ

ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе почї¹⁾.

Но вѣдь эти стихи какъ разъ изъ характеристики грузинки. О ней говорить поэтъ:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразить сильней
Порывы пламенныя желаний? и т. д.

Всѣ эти соображенія позволяютъ намъ предполагать въ письмѣ Туманскаго ошибочность упоминанія о черкескѣ имѣсто грузинки и, следовательно, допускать, что именно Марія Раевская была идеаломъ Пушкина во время созданія поэмы. Но наличность бытовыхъ чертъ въ образѣ Заремы очень поучительна, ибо критики какъ разъ настаиваютъ на байроничности Заремы въ поэмѣ Пушкина.

Наконецъ, приведемъ еще свидѣтельство графа Н. И. Капниста, который могъ быть хорошо осведомленъ въ обстоятельствахъ жизни Пушкина на югѣ изъ хорошо

1) „Записки“, стр. 24.

сохраненной традиціи. „Я слышалъ — говоритъ онъ — что Пушкинъ былъ влюблѣнъ въ одну изъ дочерей генерала Раевскаго и провелъ нѣсколько времени съ его семействомъ въ Крыму, въ Гурзуфѣ, когда писалъ свой „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Мнѣ говорили, что внося въ дѣствіе, создавая „Евгенія Онѣгина“, Пушкинъ вдохновился этой любовью, которой онъ пламенѣлъ въ виду моря, лобзющаго прелестные берега Тавриды, и что къ предмету именему этой любви относится художественная строфа, начинающаяся стихами: „Я помню море предъ грозою“ etc.¹). Но кн. Волконская въ „Запискахъ“, а до ихъ появления въ печати Некрасовъ въ „Русскихъ женщинахъ“ рассказали тѣ обстоятельства, при которыхъ были созданы эти стихи, възванные именемъ М. Н. Раевской.

XII.

Современники, близкіе поэту люди, говорятъ, что Пушкинъ былъ влюблѣнъ и писалъ поэму для М. Н. Раевской. Но Раевская оставила свои „Записки“, намъ извѣстныя. Въ нихъ она упоминаетъ о Пушкинѣ. Не найдемъ ли мы здѣсь опредѣленного свидѣтельства о чувствѣ Пушкина? Но мы не должны забывать, что М. Н. Волконская писала свои записки для своихъ дѣтей, уже въ концѣ 50-хъ годовъ, на склонѣ дней, носаѣ жизнѣ, столь тяжелой, сложной и богатой событиями. М. Н. Волконская хотѣла разсказать своимъ дѣтямъ исторію своихъ страданій и намѣренно опустила „рассказы о счастливѣ времена, проведенные сю подъ родительскимъ кровомъ“. И какъ, дѣйствительно, далеки отъ нея были

1) „Русск. Стар.“ 1899, май, стр. 242, статья П. И. Капниста „Къ ошибкамъ о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе Николаевской губерніи“. Эта статья сообщена въ редакцію журнала Л. И. Майковымъ.

въ это время и путешествіе 1820 года по Кавказу и Крыму, жизнь въ Гурзуфѣ, Каменкѣ, Кіевѣ, поездки въ Кишиневъ! Сквозь призму грустныхъ лѣтъ и чувства, завоеванца столь тяжкой цѣной, прошли и ея воспоминанія о поэзїи. Послѣдній разъ она видѣла Пушкина въ Москвѣ 27 декабря 1826 года на вечерѣ, устроенному для нея княгиней Зинаидой Волконской. Описывая этотъ вечеръ въ „Запискахъ“, она присоединяетъ и нѣсколько строкъ о Пушкинѣ. Вотъ онъ: „Тутъ (на вечерѣ) былъ и Пушкинъ, нашъ великий поэтъ; я его давно знала; мой отецъ пріютилъ его въ то время, когда онъ былъ преслѣдуемъ имп. Александромъ I за стихотворенія, считавшіяся революціонными. Отецъ принялъ участіе въ бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, одаренномъ такимъ громаднымъ талантомъ, и взялъ его съ собой на Кавказскія воды, такъ какъ здоровье его было сильно расшатано. Пушкинъ этого никогда не забылъ; онъ былъ связанъ дружбою съ моими братьями и ко всѣмъ намъ питалъ чувство глубокой преданности. Въ качествѣ поэта, онъ считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенъкихъ женщинъ и молодыхъ девушекъ, которыхъ встречалъ. Я помню, какъ во время этого путешествія, недалеко отъ Таганрога, яѣхала въ каретѣ съ Софьей (это — сестра М. Н. П.Щ.), нашей англичанкой, русской нищей и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами, и, не подозрѣвая, что поэтъ шолъ за нами, я стала, для забавы, бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету. Пушкинъ нашелъ эту картину такой красивой, что воспѣлъ ее въ прелестныхъ стихахъ, поэтизируя дѣтскую шалость; мнѣ было только 15 лѣтъ.

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Вѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ся ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

Позже, въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ онъ сказалъ:
 еи очи
 Яснѣе днія,
 Темнѣе ночи.

Въ сущности, онъ любилъ лишь свою музу и облекалъ въ поэзію все, что онъ видѣлъ. Но во время добровольного изгнанія въ Сибирь женѣ декабристовъ онъ былъ полонъ искренняго восторга; онъ хотѣлъ поручить мнѣ свое „Посланіе къ узникамъ“, но я уѣхала въ ту же ночь, и онъ его передалъ Александрѣ Муравьевѣ... Пушкинъ мнѣ говорилъ: „Я намѣренъ написать книгу о Пугачевѣ. Я пойду на мѣсто, перѣѣду черезъ Уралъ, пойду дальше и явлюсь къ вамъ просить пристанища въ Нерчинскихъ рудникахъ“. Онъ написалъ свое великолѣпное сочиненіе, весьма восхваляемое, но до настѣ не доѣхалъ¹⁾.

Вотъ и все, что М. Н. Волконская написала возможнымъ сообщить объ отношеніяхъ Пушкина къ ней. Трудно отсюда извлечь какія-либо данныя къ истории и характеристикѣ чувства Пушкина, но содержаніе сообщенія не даетъ основаній отрицать самое существованіе привязанности поэта къ М. Н. Раевской. Она въ сущности не отрицає того, что поэтъ былъ влюбленъ и въ неё, но не придаетъ никакого значенія любви Пушкина; вѣдь онъ „въ качествѣ поэта считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенъкихъ женщинъ и молодыхъ

1) Записки, стр. 22, 24, 26.

дѣвшекъ". Нельзя не отмѣтить сходства этихъ словъ съ замѣткой о себѣ самого поэта: „Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement moquées de moi, — toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes". Волконская послужила любви дѣятельной, а не мечтательной, и съ высоты выстраданной ею страсти отнеслась съ пренебреженіемъ къ увлечению поэта, столь же легкому (казалось ей), какъ и остальная его увлеченія. Не безъ ироніи говоритъ она обѣ обѣщаніи Пушкина пріѣхать въ Нерчинскъ: „сочиненіе онъ написалъ, но до пась не добѣхалъ!" Но не слышатся ли въ этомъ позднемъ разсказѣ кн. Волконской отзвуки того отношенія, которымъ въ дѣйствительности отвѣтила она на любовь поэта?

Она отвергла заклинанья
Мольбы, тоску души моей!

М. Н. Волконская разсказываетъ дѣтскую шалость, опоэтизированную Пушкинымъ въ XXXIII строфѣ „Онѣгина". Вотъ полностью эта строфа:

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не ждалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланить,
Иль персы, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

Эта 33-ья строфа 1-ой главы была камнемъ преткновенія для изслѣдователей. Въ набросанной на листкѣ хронологіи созданія Онѣгина Пушкинъ точно указалъ дату начала романа: Кишиневъ 1823 года 9 мая¹⁾. Дату окончанія 1-ой главы (Octobre 22, 1823, Odessa) онъ записалъ подъ черновымъ наброскомъ послѣдней строфы 1-ой главы²⁾. Между тѣмъ, подъ черновымъ наброскомъ 33-їй строфи, находящимся въ тетради 2366 л. 13 об., сдѣлана совершенно четкая помѣта 16 августа 1822 года. Эта дата осложнила вопросъ о хронологіи „Онѣгина" и даже заставила изслѣдователей отнести съ подозрѣніемъ къ точности собственноручныхъ указаній поэта. Такъ Якушкинъ, принимая дату подъ XXXIII строфой и опираясь на то, что даты въ черновой тетради передъ первой строфой первой главы содержали только указаніе мѣсяцевъ безъ обозначенія года (Якушкинъ читалъ ихъ 28 мая и 9 июня), нашелъ возможнымъ исправить дату начала и отнести ее на 28 мая 1822 года³⁾. Такое исправленіе можетъ быть оправдано только очень серьезными основаніями, а въ данномъ случаѣ всѣ основанія, кажется, исчерпываются желаніемъ Якушкина принять дату XXXIII строфи 1-ой главы. Якушкинъ не хотѣлъ повѣрить указанію листка съ хронологіей, не хотѣлъ вѣрить и заявлению, сдѣланному въ 1827 году въ изданіи 3-їй главы „Онѣгина" о томъ, что „первая глава Евгения Онѣгина написана въ 1823 году". Такія сомнѣнія, конечно, не должны имѣть мѣста, ибо они только задерживаютъ плодотворное изученіе.

1) И. А. Цляпкинъ, Изъ неподаныхъ бумагъ Пушкина, С.-Пб. 1903, стр. 46 и IX.

2) Въ тетради 2369, л. 22 об. См. Якушкинъ, Описание, юнь, стр. 557.

3) Евгений Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ А. С. Пушкина. Изд. Общ. любит. Россійск. словесн. при Имп. Моск. Унив., подъ ред. В. Якушкина, М. 1887, стр. 305—306.

Л. И. Поливановъ по поводу исправленія Якушкина доказалъ лишній разъ, что „Онѣгінъ“ начатъ въ 1823 году, и что черновые наброски 1-ой главы въ тетради 2369 писаны именно въ 1823 году. Недоумѣніе, вызываемое въ такомъ случаѣ помѣтой подъ 33-ѣй строфой 1-ой главы, Поливановъ разрѣшилъ утвержденіемъ, что Пушкинъ сдѣлалъ въ рукописи описку въ годѣ: вмѣсто „16 авг. 1823 года, когда онъ дѣйствительно занесъ въ тетрадь эту 33-ю строфу, онъ по ошибкѣ написалъ 1822 годъ“. Поливановъ, исходя изъ наблюденія, что въ черновыхъ наброскахъ 1-ой главы, идущихъ почти подрядъ въ тетради 2369, какъ разъ не имѣется 33-ѣй строфы, предполагалъ, что, дописавъ въ тетради 2369 строфу 32-ую, Пушкинъ взялъ тетрадь 2366 и набросалъ въ ней непосредственное продолженіе — строфи 33-ю¹⁾). Предположеніе Поливанова нашло у изслѣдователей такое полное довѣріе, что, напр., Лернеръ въ своихъ „Трудахъ и дніяхъ“, вопреки рѣшительной очевидности помѣты Пушкина, не сомнѣваясь ни мало, указалъ ее не подъ 1822, а подъ 1823 годомъ²⁾). Пріемъ, недопустимый для точной фактической работы!

И Якушкинъ, и Поливановъ обратились къ совершенно искусственнымъ предположеніямъ и прошли мимо самаго естественнаго. Не надо измышлять описки у Пушкина, и должно принять, что стихи, занесенные въ тетради 2366 на л. 13 об., вписаны туда дѣйствительно 22 августа 1822 года, значитъ, — до обращенія Пушкина къ работѣ надъ „Онѣгінъ“ и, можетъ быть, задолго до возникновенія самаго замысла романа и, следовательно, не имѣя никакого отношенія къ „Онѣгіну“, представляютъ произведеніе самостоятельное изъ цикла посвященныхъ

1) Пушкинъ — Поливановъ, Томъ 4-ый, 2-ое изд. М. 1895, стр. 177—179.

2) Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-ое изд., стр. 88.

таврической любви. А когда Пушкинъ писалъ 1-ую главу „Онѣгина“, онъ воспользовался этими стихами и внесъ ихъ въ свой романъ. Вотъ самое естественное предложеніе. Но оно пріобрѣтаетъ полное фактическое основаніе, если мы обратимся къ изученію черновиковъ. Въ данномъ случаѣ пренебреженіе изслѣдователей къ черновикамъ является весьма непонятнымъ, такъ какъ они сравнительно полно исчерпаны Якушкинымъ въ изданіи „Онѣгина“. Черновики того, что изслѣдователямъ угодно звать 33-ѣй строфой, находятся на об. лист. 13 и на об. лист. 17. Пресловутая помѣта находится на л. 13 об., но изслѣдователи внали въ странную и смѣшную ошибку, утверждая, что тѣ стихи, что датированы здѣсь 16 августа 1822 года, являются 33-ѣй строфой 1-ой главы „Онѣгина“. Но на самомъ дѣлѣ прошу вспомнить приведенный выше текстъ этой строфы и сравнить съ нимъ слѣдующіе наброски¹⁾.

За нею по наклону горъ
Я шелъ дорогой неизвѣстной
И примѣщалъ мой робкій взоръ
Слѣды ноги ся прелестной —

1) Эти наброски на оборотѣ того листа, на которомъ Пушкинъ набросалъ заглавіе

Таврида
1822

Gieb meine Jugend mir zurück.

Оборотъ страницы сверху запятъ тремя строками программы, надо думать, имѣющей отношеніе къ „Тавридѣ“: „Страсти мои утихаютъ, тишина паритъ въ душѣ моей — ненависть, раскалье все исчезаетъ — любовь одушевлъ —“. Затѣмъ послѣ черты идутъ интересующіе настѣ наброски. Для нашихъ цѣлей важно отмѣтить только объемъ искъ содержаній, и потому мы не даемъ полной и точной транскрипціи (См. „Евгений Онѣгінъ“ Ред. В. Е. Якушкина, стр. 288), лишь кое-гдѣ поправляя чтеніе Якушкина. Такъ, въ 1-мъ стихѣ, приведенномъ памя, ясно читается „по наклону“ и слѣд. выходить и стихъ, а Якушкинъ прочелъ „по склону“. Якушкинъ въ Описаніи (май, 831) отмѣтилъ вѣнчую подробность этой страницы: записанныя покругъ текста цифры годовъ. Только овъ первѣро указываетъ, что цифры годовъ съ 1811 по 1824 по пѣсколько разъ кругомъ“. Пушкинъ записалъ тутъ и 1828 и 1829 и 1830.

Зачемъ не смѣль ея слѣдовъ
Коснуться жаркими устами.
.....
Нѣтъ никогда средь бурныхъ дней
Мятежной юности моей
Я не желалъ съ такимъ волненiemъ
Лобзать уста младыхъ Цирцей¹⁾
И перси полныя томленьемъ
[Какъ]
[Какъ я желалъ]
[Сей милый слѣдъ]

Если мы хотимъ быть точны, то можемъ только сказать, что Пушкинъ для 33-ей строфы воспользовался нѣсколькими стихами изъ этого наброска. Въ этомъ наброскѣ и въ строфи 33-ей Пушкинъ вспоминаетъ о разныхъ фактическихъ событияхъ: въ первомъ поэтическомъ воспоминаніе о томъ, какъ онъ, влюбленный, шелъ по горамъ за исю, во второмъ — о томъ, какъ на морскомъ берегу волны прибѣгали и убѣгали отъ „ея“ ногъ. Очевидно, конечно, что мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ замысломъ.

Мотивъ, разработанный въ 33-ей строфи, мы находимъ въ черновикѣ на 17 об., но тутъ нѣтъ никакихъ датъ. Подробности черновой редакціи таковы, что не даютъ возможности говорить о ней, какъ о наброскѣ именно 33-ей строфы, а, наоборотъ, подтверждаютъ значеніе ея, какъ самостоятельного замысла. Пушкинъ предполагалъ сначала форму обращенія къ ней: поэтому мы читаемъ ты,

1) Еѣ слову „Цирцей“ Пушкинъ слѣдалъ слѣдующее примѣчаніе: „Цирцей* замѣчаніе Алексѣева“. Въ печатномъ текстѣ Цирцей замѣчаны Армидами. Правдоподобнѣе допустить, что замѣчаніе по поводу Цирцей сдѣлано тогда, когда писались эти стихи, т. е. 18 авг. 1822 въ Кшиненѣ, гдѣ жили тогда Пушкинъ и Алексѣевъ, а не 16 авг. 1823 въ Одессѣ, гдѣ въ это время жилъ Пушкинъ.

твой. Такая форма была бы не послѣдовательна, если бы отъ 32-й строфы въ тетради 2369 Пушкинъ дѣйствительно перешелъ къ строфи 33-ей въ тетради № 2366. Затѣмъ самое построеніе стихотворенія въ зачеркнутыхъ деталяхъ также заставляетъ думать о самостоятельномъ замыслѣ. Привожу черновикъ, предупреждая, что не отмѣчаю, что зачеркнуто и что оставлено, такъ какъ для насъ это обстоятельство не имѣеть значенія, да, кроме того, можно сказать, что набросокъ почти весь перечеркнутъ.

Ты помнишь море предъ грозою	У моря ты	Близъ моря
Она	Могу ли вспомнить равнодушный	
	Я помню берегъ	Она Надъ моремъ ты
Она	Мнѣ памятно А ты кого назвать не смѣю	
	Стояла надъ волнами подъ скалой	
	Какъ я завидовалъ волнамъ —	
	Бурными рядами чередою	
	Бѣгущимъ изъ дали послушно	
	Съ любовью пасть къ твоимъ ногамъ	
	Какъ я желалъ	
	И плавать	
	И, о какъ я желалъ съ волнами	
	Хоть милый слѣдъ	
	Коснуться ногъ твоихъ ея устами и т. д.	

Можно, кажется, послѣ всѣхъ выставленныхъ соображеній считать доказаннымъ, что помѣта 16 августа 1822 года не есть описка, и что для 33-ей строфы Пушкинъ воспользовался набросками, которые свидѣтельствуютъ о какомъ-то самостоятельномъ замыслѣ. Замыселъ этотъ, конечно, вызванъ любовными воспоминаніями о М. Н. Раевской. Черновикъ на 17 об. прибавляетъ одну маленькую, но яркую подробность къ характеристики чувства поэта. Какъ онъ обращается къ ней въ своей

черновой тетради, которая, казалось бы, недоступна для постороннихъ взоровъ? Онъ но имѣеть смѣлости назвать ее:

„О ты, кого назвать не смѣю“

гласить зачеркнутая строка.

XIII.

Всѣ наши наблюденія приводятъ нась къ заключенію, что мучительнымъ и таинственнымъ предметомъ любви Пушкина на югъ въ 1820 и слѣдующихъ годахъ была М. Н. Раевская, но при всей ихъ доказательности должно признать, что они все же нуждаются въ фактическомъ подкрѣплѣніи, которое возвело бы предположенія и догадки на степень достовѣрныхъ утвержденій. Мы можемъ указать такое подкрѣплѣніе.

Пушкинъ оставилъ поэтическое свидѣтельство, которое не только удостовѣряетъ нась въ томъ, что поэтъ любилъ именно Марию Раевскую, но и указываетъ на глубину и серьезность чувства поэта и набрасываетъ въ тонкихъ очертаніяхъ характеристику этой страсти. Это поэтическое свидѣтельство — посвященіе къ „Полтавѣ“; напомнимъ его.

Посвященіе.

- 1 Тебъ — но голосъ музы темной
- 2 Коснется ль уха твоего?
- 3 Поймешь ли ты душою скромной
- 4 Стремленье сердца моего?
- 5 Иль посвященіе поэта,
- 6 Какъ нѣкогда его любовь,
- 7 Передъ тобою безъ отвѣта
- 8 Пройдетъ, непризнанное вновь?

- 9 Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
- 10 Бывало, милые тебѣ —
- 11 И думай, что во дни разлуки,
- 12 Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
- 13 Твоя печальная пустыня,
- 14 Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
- 15 Одно сокровище, святыня,
- 16 Одна любовь души моей¹).

Пушкинъ хранилъ такое глубокое молчаніе о томъ лицѣ, кому посвящена „Полтава“, что ни въ перепискѣ, ни въ воспоминаніяхъ его друзей и близкихъ не сохранилось даже намековъ, позволяющихъ дѣлать болѣе или менѣе правдоподобныя догадки. Даже Лернеръ, питающій особое пристрастіе къ построению рядомъ съ существующими въ пушкиновѣдѣніи предположеніями *и еще одного, собственнаго*, даже этотъ иаслѣдователь безнадежно опустилъ руки передъ тайной Пушкина. „Кому посвящена Полтава — неизвѣстно, и нѣтъ возможности установить имя той, воспоминаніе о которой было „сокровище, святыня, любовь души“ поэта. Посвященію „Полтавы“ суждено оставаться однимъ изъ таинственныхъ, „недоумѣнныхъ мѣстъ въ бiографiи Пушкина“. Такъ пишетъ Лернеръ²). Но зачѣмъ такая безнадежность и такой догматизмъ мнѣнія? Надо искать возможности установить желанное имя, а для этого надо обратиться прежде всего къ изученію черновиковъ поэта. Въ пушкиновѣдѣніи изученіе чернового рукописнаго текста становится вопросомъ метода, и въ сущности ни одно изслѣдованіе, бiографическое и критическое, не можетъ быть оправдано, если оно оставило безъ вниманія соответствующіе темъ черновики. Можно утверждать, что ежели бы съ самаго начала была

1) Пушкинъ — Венгеровъ, III, 31.

2) Лернеръ. Труды и дни II. 2-ое изд., стр. 179.

выполнена задача исчерпывающего изучения рукописей поэта, то история жизни и творчества Пушкина была бы свободна отъ массы догадокъ, предположений, разсужденій, а критики и биографы сохранили бы свою энергию и духовные свои силы, которые пошли на всевозможная измышленія и толкованія въ области пушкиновѣдѣнія.

„Посвященіе“ цѣлесообразно написать по окончаніи поэмы въ „Малинникахъ 27 окт. 1828 года“. Такова помѣта подъ черновымъ его наброскомъ, который находится въ тетради 2371, на листахъ 69 об. и 70 пр. Здѣсь двѣ редакціи: первоначальная, соответствующая моменту возникновенія, и другая, окончательная, представляющая все же варианты, не лишенные интереса. Остановимся на послѣдней редакціи. Пушкинъ написалъ заголовокъ „Посвященіе“; потомъ зачеркнулъ его и надписалъ вверху „Тебѣ“. Даже черновой тетради поэтъ не довѣрилъ этого имени, лѣтъбѣмаго его памятю, и только непосредственно передъ заголовкомъ, вродѣ эпиграфа, записалъ: „I love this sweet name“ (Я люблю это нѣжное имя). Самый текстъ до послѣднихъ исправленій читался такъ:

- 1 Тебѣ... во голосъ Музы темной
Коснется ль слуха твоего?
Ноймешь-ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего,
- 5 Иль посвященіе поэта
Какъ утаенная любовь
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ непризнанное вновь?...
- 10 Но если ты узнала звуки
Души приверженной тебѣ,

1) Варианты бѣловой редакціи отмѣчены далеко не полно въ Пушкин.—
Мороз. — Просвѣщеніе. III, стр. 644.

О думай, что во дни разлуки
Въ моей измѣнчивой судьбѣ
Твоя печальная пустыня
Твой образъ, звукъ твоихъ рѣчей
15 Одно сокровище, святыня
Для сумрачной души моей...

Въ этомъ текстѣ Пушкинъ сдѣлалъ поправки, послѣ которыхъ стихи 6, 14, 16 получили тотъ видъ, который они имѣютъ въ печати; стихи 2 и 7, отличные отъ печатного текста, поправкамъ въ этой рукописи не подверглись, въ 1-мъ стихѣ поэтъ переставилъ было „Но музы голосъ“, но тутъ же отмѣнилъ свою перестановку. Стихи 9 и 11 подверглись ряду измѣненій, но все же не получили окончательной редакціи. Вотъ послѣдовательныя редакціи рукописи:

- 9 О если примешь эти звуки (1)
О если примешь тайны звуки (2)
- 10 Щѣвицы преданной тебѣ (1)
Гласть музы преданный тебѣ (2)
Щѣвицы преданной тебѣ (3)—незачерки.
Мечтой преданные тебѣ (4)—незачерки.
- 11 Вѣрь, Ангель что во дни разлуки (1).

Наконецъ, въ 12 стихѣ Пушкинъ думалъ надъ эпитетомъ пустыни. Написавъ сначала „печальная“, онъ зачеркнулъ это слово и надписалъ „далекая“. Въ печатномъ текстѣ видимъ возвращеніе къ первоначальной редакціи.

Надо отмѣтить послѣднее колебаніе между эпитетами: печальная и далекая. Послѣдний эпитетъ могъ указывать на реальную действительность, и потому Пушкинъ отъ него отказался. Но кто же въ это время изъ известныхъ намъ лицъ и близкихъ къ Пушкину находился въ дале-

кой или печальной пустыни? Да Марія Николаевна Волконская, послѣдовавшая въ Сибирь за осужденнымъ въ каторгу мужемъ, а въ 1828 году, когда писалось посвященіе, проживавшая подъ Читинскомъ острогомъ, гдѣ сидѣлъ ея мужъ. Намъ пришлось упоминать, что Пушкинъ послѣдній разъ видѣлъ Волконскую и слушалъ послѣдній звукъ ея рѣчей на вечерѣ у княгини З. А. Волконской въ декабрѣ 1826 года, когда М. Н. была въ Москвѣ по пути въ Сибирь. Извѣстны описанія этого вечера въ прозѣ Д. В. Беневитинова и въ стихахъ З. А. Волконской¹⁾). Приведу нѣсколько строкъ изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ письма князя Вяземскаго А. И. Тургеневу отъ 6 января 1827: „На дніяхъ видѣли мы здѣсь проѣжающихъ далѣе Муравьеву, Чернышеву и Волконскую-Раевскую. Что за трогательное и возвышенное оброченіе. Спасибо женщинамъ: они дадутъ нѣсколько прекрасныхъ строкъ нашей исторіи. Въ нихъ, точно, была видна не экзальтациѳ фанатизма, а какая-то чистая, безмятежная покорность мученичества, которое не думаетъ о Славѣ, а увлекается, поглощается однимъ чувствомъ тихимъ, но всеобъемлющимъ, всеодолѣвающимъ. Тутъ ничего нѣть для Галлереи: да и гдѣ у насъ Галлерея? Гдѣ публичная оцѣнка дѣяній?“

Вариантъ „далекая пустыня“ находится во второй редакціи стихотворенія, на листѣ 70, о которой мы до сихъ поръ и вели рѣчь. Но на 69 об. и 70 листахъ есть еще, какъ мы упоминали, и первоначальная редакція. Пушкинъ набрасывалъ эту редакцію въ моментъ рожденія самаго замысла и, слѣдовательно, не думалъ о томъ, какой видъ

1) У Лернера (Труды и дни II., стр. 146) свиданіе это датировано концомъ года со ссылкой на „Записки кн. Волконской“, но его можно датировать точно 27-мъ декабря на основаніи письма Беневитинова, не-репечатанного въ этихъ же запискахъ.

получать стихи въ печати. И вотъ тутъ мы видимъ уже совершенно опредѣленный эпитетъ:

Сибири хладная пустыня.

Этотъ зачеркнутый вариантъ рѣшаetъ вопросъ.

Эта первоначальная редакція, до сихъ поръ не привлекавшая вниманія издателей, конечно, найдетъ исчерпывающую транскрипцію въ академическомъ изданіи. Изъ другихъ вариантовъ укажемъ на цѣлый рядъ перечеркнутыхъ стиховъ, въ которыхъ Пушкинъ старался написать посвященіе такъ, чтобы оно, ставъ яснымъ для нея, оставалось непонятнымъ для другихъ:

Поймешь ли ты кому желаю
Ихъ посвятить
Предъ кѣмъ хочу,
Поймешь ли!¹⁾

XIV.

Таковъ реальный біографический фактъ. Любовь Пушкина къ Марѣ Николаевнѣ Раевской, послѣ произведеній наблюдений, — не та темная и смутная традиція, о которой старые біографы, знаяшіе по слуху объ этой исторіи поэта, могли говорить только намеками, нерѣшительными утвержденіями; любовь Пушкина къ Раевской — не та романическая исторія, о которой новые біографы, лишенные и слуховъ, пытались рассказывать на основаніи поэтическихъ признаній поэта, подобранныхъ безъ критики и вполнѣ произвольно²⁾. Теперь мы можемъ

1) Отмѣчу еще зачеркнутое „единий сѣбѣ душа моей“ и „твоей младенческой души“. Послѣднія слова напоминаютъ „младенческую совѣсть“ въ элегіи „Мой другъ, забыты мной“ 1821 года.

2) Въ Пушкинской литературѣ г. Н. Кузминъ съ настойчивостью показывали, что Пушкинъ былъ увлеченъ именно М. Н. Раевской, и излагали исторію этого чувства по стихотвореніямъ Пушкина. Мы со-

не только считать это чувство достовѣрно бывшимъ, но и набросать, правда неполную, но за то фактическую, дѣйствительную исторію и даже выяснить индивидуальные особенности этой привязанности поэта. Съ этими данными мы должны вѣвинуть этотъ эпизодъ въ исторію жизни и творчества, опредѣлить и анализировать цикль произведеній, вызванныхъ отношеніями поэта къ М. Н. Раевской, и наконецъ раскрыть то дѣйствительное вліяніе, которое имѣло въ процессѣ душевнаго развитія и художественному міросозерцанію Пушкина это чувство. А что вліяніе было весьма значительнымъ, обѣ этомъ можно судить уже по внѣшнимъ признакамъ: по хронологическимъ рамкамъ для этого чувства (1820—1823—1828) и по обилію художественныхъ произведеній, имъ вызванныхъ или хранящихъ его отраженіе. Вѣдь помимо небольшихъ лирическихъ произведеній и незаконченныхъ набросковъ двѣ поэмы: „Кавказскій Пленникъ“, писавшійся въ то время, когда Пушкинъ былъ поглощенъ этимъ чувствомъ, и „Бахчисарайскій Фонтанъ“ въ ихъ психологической части основаны исключительно именно на этомъ любовномъ опыѣ; „Цыганы“ и „Онѣгинъ“ заключаетъ не мало отголосковъ и отраженій этой сердечной исторіи. Излишне, конечно, говорить, какъ важно

знателно не упоминали до сихъ поръ обѣ его статьѣ: „Первая любовь Пушкина. Поэтическая (!) монографія изъ жизни Пушкина“. Приложеніе къ газетѣ „Заря“ въ мартѣ 1905 года. Въ этой статьѣ повторены съ дополненіями статьи того же автора: „Кольца Пушкина“ („Ежемѣсячные Сочиненія“ 1901 г. мартъ, 239—244) и „О „тalismanѣ“ Пушкина. Замѣтка“ (тамъ же, 1901, май, 61—62). Въ этой „поэтической“ монографіи Кузминъ не приводитъ рѣшительно никакихъ фактическихъ даниыхъ, ибо самымъ серьезнымъ для него доказательствомъ существованія любви Пушкина именно къ М. Н. Раевской является... разсказъ Некрасова въ „Русскихъ Женщинахъ“. А въ примѣненіи къ эпизоду этой любви стихотворныхъ признаній и другихъ свидѣтельствъ Пушкина Кузминъ не опирается рѣшительно ни на какіе другіе критеріи, кроме собственного усмотрѣнія. За „поэтической“ монографіей Кузмина нельзя признать никакого научнаго значенія.

полное уясненіе ея для постиженія историческаго, реальнаго Пушкина. Чѣмъ дольше вдумываешься въ эту исторію, тѣмъ глубже раскрываются глубины души и сердца поэта. Судите сами! Какой удивительный просвѣтъ открываютъ намъ даже тѣ немногія подробности, разъясненію достовѣрности которыхъ мы посвятили столько страницъ! Кишиневскій бреттеръ и гроза молдаванскихъ бояръ до смѣшного робокъ въ своихъ любовныхъ искашеніяхъ; молодой человѣкъ, отвѣдавшій черезъ мѣру физической любви, циникъ, отчитывающій такую кокетку, какъ Аглая Давыдова, обладающій умѣньемъ склонять стыдливую красоту на ложе иѣгъ, скрываетъ въ себѣ затѣки сентименталиста старой школы, питаетъ по истинѣ иѣжнѣйшее, тончайшее чувство, тантъ запасъ такой стыдливости и щепетильности, какія и подозрѣвать то было бы трудно; романтическій герой, гордящійся своей неприступностью, своимъ иммунитетомъ, нылаеть и страдаетъ, молить (въ черновыхъ тетрадяхъ) о встрѣчахъ и взглядахъ. Побѣдитель и знатокъ женскихъ сердцъ, эпикуреецъ любви, разсужденія котораго выслушивалъ Левъ Пушкинъ въ письмахъ своего брата, а мы читаемъ въ признаніяхъ „Онѣгина“, оказывался просто „глупымъ“ предъ этимъ чувствомъ. Писатель, который нанесъ столь яростное оскорблѣніе любви въ „Гаврилѣадѣ“, ибо „Гаврилѣада“ оскорбляетъ не только чувство религіи, но и чувство любви, возносить тайныя мольбы своему божеству и полонъ благоговѣйного обожанія. Но да не объяснять этихъ чертъ двойственностью психики! Помимо того, что представление о двойственности несетъ какой-то привкусъ лицемѣря, тутъ не идущій къ дѣлу, двойственность столь же мало объясняетъ душу Пушкина, какъ и выдвигаемое иными единство. Душа Пушкина, какъ и всякаго человѣка, живущаго внутренней жизнью, сложнѣе и простоты, и двойственности.

Весь эпизодъ отношений Пушкина къ Раевской очень интересенъ и для чисто литературныхъ изслѣдований, ибо игралъ большую роль въ той борьбѣ, которую вели въ то время Пушкинъ, борьбѣ литературы съ жизнью. Такъ сквозь вычитанное и надуманное, сквозь навѣянное и воображаемое пробивались ростки дѣйствительной, своей жизни и распускались красивыми цвѣтами „новаго вида“.

Духъ и творчество Пушкина питались этимъ чувствомъ нѣсколько лѣтъ. Остается открытымъ вопросъ, былъ ли вхождъ Пушкинъ въ семью Раевскихъ еще въ Петербургѣ и не познакомился ли онъ съ Марией Раевской еще до своей высылки. Когда генералъ Н. Н. Раевский подобралъ Пушкина больного, въ Екатеринославѣ, съ нимъ изъ 4 его дочерей въ это времяѣхали Марія и Софія, а Екатерина и Елена оставались еще въ Петербургѣ съ матерью и выѣхали позже прямо въ Крымъ. Чувство Пушкина могло зародиться еще на Кавказѣ во время совмѣстнаго путешествія, облегчающаго возможность сближенія. Вся семья Раевскихъ соединилась въ Гурзуфѣ въ двадцатыхъ числахъ августа 1820 года¹⁾. Здѣсь Пушкинъ провелъ „щастливѣйшія минуты своей жизни“. Его пребываніе въ Гурзуфѣ продолжалось „три недѣли“ и здѣсь расцвѣло и захватило его душу чувство къ М. Н. Раевской, тщательно укрываемое. Мы знаемъ, что съ отѣздомъ Пушкина изъ Крыма не прекратились его встречи съ семьей Раевского, и слѣдовательно Марію Николаевну Пушкинъ могъ встрѣчать и во время своихъ частыхъ посѣщеній Каменки, Киева, Одессы, и во время наѣзовъ Раевскихъ въ Кишиневъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, жившей тутъ со своимъ мужемъ Орловымъ. Но чув-

1) По Гершензону, это было 18—19 августа, по Лернеру (стр. 484) около 26 августа или въ концѣ августа.

ство Пушкина не встрѣтило отвѣта въ душѣ Маріи Николаевны, и любовь поэта осталась нераздѣленной. Рассказъ кн. Волконской въ „Запискахъ“ хранить отголосокъ дѣйствительно бывшихъ отношений, и надо думать, что для Маріи Раевской, не выѣдѣвшей привязанность къ ней Пушкина изъ среды его рядовыхъ, извѣстныхъ, конечно, ей увлеченій, остались скрытыми и глубина чувства поэта, и его возвышенность. А поэтъ, который даже въ своихъ черновыхъ тетрадяхъ былъ крайне робокъ и застѣнчивъ и по осмѣливался написать ея имя, и въ жизни непривычно стѣснялся и, по всей вѣроятности, таился и не высказывалъ своихъ чувствъ. Въ 1823 году, вспомнивая въ Посвященіи къ „Полтавѣ“ прошлое, поэтъ признавался, что его „утаенная любовь не была признана и прошла безъ привѣта“. Этихъ словъ слишкомъ недостаточно, чтобы опредѣлить конкретную дѣйствительность, о которой они говорятъ. Въ августѣ 1823 года (въ началѣ одесского періода своей жизни) въ письмѣ къ брату Пушкинъ поминалъ объ этой любви, какъ о прошломъ, но это было прошлое свѣжее и недавнее, а воспоминанія были остры и болѣзnenны. Въ это время онъ только что закончилъ или заканчивалъ свою поэму о Фонтанѣ, и ея окончаніе въ душевной жизни поэта вело за собой и нѣкоторое освобожденіе изъ-подъ тягостной власти пераздѣленного чувства. Надо думать, что къ этому времени онъ окончательно убѣдился, что взаимность чувства въ этой его любовной исторіи не станетъ его удѣломъ. Зная страсть природы Пушкина, можно догадываться, что ему не легко далось такое убѣжденіе. Тайная грусть слышна въ часто звучащихъ теперь и иногда на смѣшливыхъ пріѣвахъ его поэзіи — обращеніяхъ къ самому себѣ: полно воспѣвать надменныхъ, не стоящихъ этого; довольно платить дань безумствамъ и т. д. А уже въ октябрѣ, заканчивая (22 октября) 1-ю главу „Онѣгина“, поэтъ писалъ:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку риемъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петракъ шествуя во-слѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ,
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.
Прошла любовь, явилась музъ,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепель ужъ не воспыхнетъ,
Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ....¹⁾.

1) Черновикъ этихъ строфъ (LVIII и LIX) „Онѣгина“ въ тетради № 2369, л. 22. Неприведенные нами въ текстѣ два послѣдніе стиха въ черновой читаются нѣсколько оклично отъ печатнаго текста:

Тогда-то я начну писать
Поому пѣсень пъ 35.

Дальше слѣдуютъ въ рукописи слѣдующіе, не отмѣченные издателями стихи:

И снова миляя видѣнья
Въ часы ночного вдохновенія
[враб.] Волнуясь легкую толпой
Несутся надъ моей [главой (?)].

Послѣ этихъ стиховъ, черновикъ 4 стиховъ опять изъ LIX строфы 1-ой строфы „Пишу и сердце не тоскуетъ“ и т. д. Не вошедшіе въ составъ „Онѣгина“ стихи очень близки къ тѣмъ, которые мы читаемъ въ „Разговорѣ книгопродаца съ поэтомъ“ (ст. 24—27):

Но своей высоты примирительное настроеніе поэта достигаетъ въ „Цыганахъ“. Любовь поэта была не признана, отвергнута. Почему случилось такъ, гдѣ законы этого своеолія чувства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ „Цыганахъ“. Освобожденная отъ узъ закона стихійности чувства признана въ рѣчахъ старого цыгана.

Кто сердцу юной дѣвы скажеть:
Люби одно, не измѣнись!

.....
Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?

Предъ стихійностью чувства, которое не могло отвѣтить ему, долженъ быть преклониться и поэтъ. Но сознаніе необходимости погасить свое чувство, сознаніе, вызванное горькой увѣренностью въ безнадежности его, не связывалось у Пушкина съ потемнѣніемъ любимаго образа. И въ іюнь 1824 года, когда Пушкину пришлось коснуться своего чувства въ письмѣ къ Бестужеву, „мнѣніемъ этой женщины онъ дорожилъ болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на сѣйтѣ и всей нашей публики“.

Но нераздѣлленная любовь бываетъ подобна степнымъ цветамъ и долго хранить ароматъ чувства. Сладкая мучительность замираетъ и смѣняется тихими и свѣтлыми воспоминаніями: идеализація образа становится устойчивой, а не возмущенная реализмомъ чистота общенія сдѣлываетъ возникновенію мистического отношенія къ прошлому. Исключительная обстоятельства—великія духовныя страданія и героическое рѣшеніе итти въ Сибирь за любимымъ человѣкомъ—съ новой силой привлекли

Тамъ долѣ яркія видѣнья.
Съ непаѣснімъ красой,
Вились, летали надъ мной
Въ часы ночного вдохновенія.

вниманіе поэта къ этой женщинѣ, едва ли не самой замѣчательной изъ всѣхъ, что появились въ Россіи въ ту пору, и образъ ея не только не потускнѣлъ, но и заблисталъ съ новой силой и въ новомъ блескѣ.

Рѣшившись въ серединѣ 1823 года бросить свой петракизмъ, поэтъ отдался на волю своихъ похотей и страстей и жилъ разнообразной и широкой чувственной жизнью. Осенью 1823 года вмѣстѣ съ Амаліей Ризничъ онъ пережилъ всѣ стадіи бурной и раздѣленной страсти и испыталъ долго памятныя ему мученія ревности¹⁾. Послѣ нея было новое увлеченіе (въ Одессѣ), исторія которого пока совсѣмъ еще темна для настѣ. Потомъ послѣдовали увлеченія не долгія и качественно различные. Тутъ были и

1) Попытку опредѣлить циклъ стихотвореній, вызванныхъ этой любовью къ А. Ризничъ, и выяснить индивидуальные черты этой привязанности поэта, я слѣдѣть въ статьѣ „Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина“ („Вѣстникъ Европы“ 1904, январь). Въ настоящее время я поддерживаю выводы этой статьи во всемъ томъ, что касается исторіи Ризничъ и Пушкина, но долженъ слѣдѣть оговорку: занятый исключительно стремлениемъ опредѣлить циклъ Ризничъ, я долженъ быть бы огравичиваться простымъ констатированиемъ, что то или яное стихотвореніе къ этому циклу не относится, а я, не ограничиваясь этимъ, слѣдѣть нѣкоторыя пріуроченія такихъ стихотвореній, не совершивъ специального критического разысканія. Я имѣю въ виду отношеніе Пушкина къ гр. Воронцовѣ, которымъ для меня пелены и послѣ статьи Гершензона въ „Вѣстн. Евр.“ 1909, февр., и репликѣ Лернера въ „Пушк. — Венгер.“ И Гершензонъ, и Лернеръ не углублялись въ разрѣшеніе вопроса. Позволю себѣ зѣбѣ дополнить наши фактическія свѣдѣнія разъясненіемъ помѣты въ черн. тетради № 2870, л. 11 об. Въ описаніи Якушкина (юл., 6) помѣта прочтена такъ „5 сент. 1824, u. l. de... [une lettre de]“. Точкиами Якушкинъ обозначилъ довольно густо зачеркнутыя буквы. Эти буквы, кажется, можно разобрать: Пушкинъ написалъ сначала Pr, потомъ это Pr покрылъ буквой V, а затѣмъ горизонтальными линіями зачеркнулъ ихъ. Желательно было бы, чтобы лица, имѣющія возможность посмотретьъ подлинную рукопись, высказались, правильно ли мое мнѣніе. Гершензонъ („Вѣстн. Евр.“ 1909 февр., 587) пишетъ по поводу помѣты: „почему письмо отъ... означаетъ письмо именно отъ Воронцовой, это остается тайной вѣры. Въ рукописи за предлогомъ de слѣдовала одна прописная французская буква, потомъ нѣсколько разъ зачеркнутая... Зачеркнутая въ тетради буква инициала очень похожа на R“. Мой разборъ помѣты, кажется, правильнѣе разбора Гершензона.

тригорскія барышни, и А. П. Кернъ, и крѣпостная „дѣвка“, и Пушкина и, можетъ быть, другія московскія дѣвицы. Въ 1828 году, когда Пушкинъ обдумывалъ и писалъ свою „Полтаву“, онъ кружился въ петербургскомъ свѣтѣ, при сматриваясь къ нему¹⁾). Результаты наблюдений мы находимъ въ „Онѣгинѣ“. Въ этомъ 1828 году онъ сильно увлекался А. А. Олениной и А. Ф. Закревской. И подобно тому, какъ въ черновыхъ тетрадяхъ южныхъ онъ безпрестанно рисовалъ женскія ножки въ стременахъ и боязь стремянъ, такъ въ той тетради, которую онъ пользовался въ 1828 году, онъ безпрестанно чертилъ анаграмму имени и фамиліи Олениной²⁾). Наивѣтствію вѣтъ отъ этихъ Aninelo, Etenna, Aninelo, которая разсыпаны въ тетради. А на одной страницѣ намъ попадалась даже тщательно зачеркнутая, но все же поддающаяся разбору запись Annette Pouschkine. А по поводу Закревской Вя-

1) „Полтава“ начата 5 апрѣля. Эта помѣта сдѣлана передъ черновымъ, соответствующимъ моменту возникновенія, наброскомъ начала поэмы по первоначальному плану поэмы (Тетрадь 2871 л. 11). Пушкинъ самъ указалъ, что „Полтаву“ онъ написалъ въ нѣсколько дней, а Анненковъ привелъ „цифры, выставленные въ концѣ каждой изъ пѣсенъ, ся и сохранившіеся на клочкахъ черновой рукописи“: 3 октября — конецъ 1-ой пѣсни, 9 окт. — второй, 16 окт. — третій“ (Анненковъ, Материалы, стр. 194 или Пушкинъ, I, 201). Эти клочки находятся въ Майковской коллекціи. См. Опис. Срезневскаго въ „Пушкинъ и его современники“, IV, стр. 10. Я не рѣшаюсь видѣть въ этихъ датахъ указаніе момента возникновенія; не означаютъ ли они момента переписки уже сравнительно законченной редакціи? Не вникалъ въ подробности, сошлюсь, что положеніе и видъ черновиковъ приводятъ къ необходимости заключить, что въ тетради 3271 „Полтава“ вписывалась гораздо раньше октября (начало — 5 апр.; стихи на л. 23, — до половины августа). Кроме того, по черновымъ видно, что поэма не легко давалась Пушкину. Бѣловая редакція поэмы находится въ тетради 3272 безъ числовыхъ помѣтъ.

2) Это — тетрадь № 2871. Якушкинъ почему-то не уломалъ въ Описании объ этихъ помѣтахъ. Кстати, отмѣчу не упомянутую имъ дату, находящуюся на 1-мъ листѣ 1827 Москва 18 мая. Извѣстно, что въ ночь съ 18 на 19 мая Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Не означаетъ ли помѣта день, въ который была заведена эта тетрадь (быть можетъ, поднесенная друзьями).

земскій писалъ 15 октября 1828 года А. И. Тургеневу: „Цѣлое лѣто Пушкинъ крутился въ вихрѣ петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую¹⁾). Извѣстны стихи Пушкина, посвященные этой увлекательной и эксцентричной женщинѣ. Ее попытался изобразить Пушкинъ въ этомъ же 1828 году, но свѣжимъ слѣдамъ, въ неоконченномъ наброскѣ „Гости сѣѣзжались на дачу“²⁾ въ геройнѣ Зинаидѣ Вольской. Друзьямъ казалось что разсѣянная жизнь, бурная увлеченія могутъ погубить поэта³⁾, но за этимъ бросавшимся въ глаза шумомъ и разгуломъ совершилась незамѣтная для другихъ работа

1) Остафьевский Архивъ, III, стр. 179.

2) Черты, которыми охарактеризована Вольская въ неоконченной повѣsti Пушкина, какъ разъ тѣ самыя, которыхъ переданы въ воспоминаніяхъ о Закревской. Кроме того сравни отзывъ Минского въ повѣsti о Вольской („Она занята; я просто ея наперникъ или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна“) съ отзывомъ Пушкина въ письмѣ къ Вяземскому отъ 1 сентября 1828 года: „Если бы не твоя мѣдная Венера (т. е. А. Ф. Закревская), то я бы съ тоски умеръ — но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвѣла меня въ свои сводники и т. д.“. Я говорю, Пушкинъ изображалъ ее по свѣжимъ слѣдамъ, т. е. въ 1828 году, ибо издатели и вслѣдъ за ними Лернеръ (стр. 259), относящій набросокъ къ 1831 году, не правы. Набросокъ повѣsti, находящейся въ тетради № 2371 (л. 27 — 36₂), написанъ несомнѣнно въ 1828 году. Доказательства: на л. 27, где начинается набросокъ, написано вверху нѣсколько стиховъ изъ „Полтавы“ („Полтава“ закончена въ октябрѣ 1828 года), при чемъ видно, что когда стихи эти записывались на этотъ листъ, набросокъ повѣsti уже былъ, на немъ. Конецъ наброска повѣsti написанъ карандашомъ на л. 36 об. и сейчасъ же вслѣдъ карандашомъ же написаны стихи изъ „Полтавы“ („Самъ гетьманъ сватовъ шлетъ“). Ясно, что повѣсть набросана раньше стиховъ изъ Полтавы, и очень похоже на то, что Пушкинъ непосредственно отъ прозы перешелъ къ стихамъ, ибо въ почеркахъ стиховъ и прозы нѣть рѣшительно никакой разницы.

3) Вотъ новый отрывокъ изъ хранящагося въ Тургеневскомъ Архивѣ письма Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 18 апреля 1828 года: „Пушкинъ просился слѣдовать за главною квартирой, и ему позводили, только исказѣстно еще, въ какомъ видѣ (это сообщеніе Вяземскаго было преждевременнымъ и невѣрнымъ)... Здѣсь (въ С.-Пб.) ведеть онъ жизнь самую разсѣянную, и Петербургъ мочь бы погубить его. Ратная жизнь переварить его и напитаетъ воображеніе существенностью. До сей поры главная его поэзія заключалась въ немъ самомъ“.

совѣсти и сознанія¹⁾). Достаточно сказать, что въ маѣ этого года былъ написанъ покаянный псаломъ Пушкина: „Воспоминаніе“ и набросаны первыя, тоже „покаянны“ строфы „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“²⁾. Въ этомъ году Пушкинъ очень остро переживалъ свои воспоминанія и давалъ тяжкій отчетъ своей совѣсти. Его состояніе тягостно осложнилось еще разыгрывшимся осенью этого года разслѣдованіемъ о „Гавриліадѣ“. Пушкина могла постигнуть тяжелая кара, быть можетъ ссылка —

„Прямо, прямо на востокъ“.

Увѣренность поэта въ себѣ, въ собственной твердости въ это время подверглась болѣшимъ испытаніямъ. Ожидая грозы, онъ писалъ:

Сохраню ль къ судьбѣ презрѣніе?
Понесу ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣніе
Гордой юности моей?

Среди такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ явился Пушкину образъ Маріи Волконской, женщины великаго и непреклоннаго духа; затихшее чувство снова взволновалось, и чистый ароматъ нераздѣленной любви сталъ острымъ и сильнымъ. Всѣ увлеченія поэта поблѣднѣли, подобно свѣ-

1) Любопытно, что какъ разъ въ этотъ годъ самоанализъ и раскаяній Пушкинъ разоблачилъ Опѣгина: въ это время написали строфы, описывавшія, какъ Татьяна нашла разгадку Опѣгина.

2) Подъ „Воспоминаніемъ въ Царскомъ Селѣ“ стоитъ дата 14 декабря 1829 года. Это несомнѣнно время окончательной отѣлки. Приступить же къ „Воспоминанію“ или тѣ наброски первыхъ двухъ строфъ, которые мы находимъ въ тетради 2371 (л. 17 об.), написаны несомнѣнно еще въ 1828 году. На самомъ дѣлѣ, работая надъ „Полтавой“ и заголовивъ стихами поэмы 18₁ листъ тетради, Пушкинъ по обычаю перешелъ на лѣвую сторону, но она была уже занята, и онъ могъ продолжать „Полтаву“ только на оставшейся свободной части л. 17 об. Занята же эта страница была, какъ сказано, началомъ „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“.

чамъ, блѣднѣющимъ предъ лучами дня. Пустыня свѣта обнажилась. Въ эти минуты у поэта было одно сокровище, одна святыня—образъ М. Н. Волконской, послѣдній звукъ ся рѣчей¹⁾.

Въ самой „Полтавѣ“, которую Пушкинъ такъ трогательно и таинственно посвятилъ М. Н. Волконской, мы находимъ исторію нераздѣленной любви. Пушкинъ, конечно, воспользовался своимъ опытомъ и вложилъ въ описание этой любви (въ сущности, для поэмы ненужное) много черточекъ субъективныхъ. И съ какой любовью, съ какимъ тщаніемъ онъ выписывалъ образъ своего романтическаго казака. Этотъ казакъ былъ тоже въ числѣ многихъ, презрѣнныхъ Марией Кочубей. Онъ любилъ ее съ младенческихъ лѣтъ любовью страстной.

Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешень,
Бывало онъ Марию ждалъ
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ²⁾.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бѣ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи,— изъ ихъ рядовъ
Уныль и сиръ онъ удалился.....

1) Намъ известна еще эпитафія Пушкина па смерть сына М. Н. Волконской („Арх. Раевскихъ“, т. I, стр. 266) и записочка, въ которой Волконская благодаритъ поэта за стихотвореніе. Эта обмѣнъ относится къ 1828—1829 годамъ.

2) Срвн. набросокъ, относимый обычно къ 1820 году:

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсь священный,
Твое я имя повторялъ,
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И вдаль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

Не собственную ли свою исторію разсказываетъ въ этихъ стихахъ Пушкинъ? Читая повѣсть сердечныхъ страданій казака, М. Н. Волконская должна была бы узнать „звуки приверженной ей души“, „гласъ преданной ей музы“.

Задача нашихъ разысканій намъ представляется выполненной. Легенда, столь красиво разсказанной Гершензономъ, не мѣсто въ биографіи Пушкина, но обѣ исторіи „утаенной“ любви,— любви „отверженной и вѣчной“, о которой мы знали по неясной традиціи, мы можемъ теперь говорить съ совершенной увѣренностью. Наши наблюденія надъ текстомъ и биографической справки позволяютъ составить довольно опредѣленное и достовѣрное представление обѣ этомъ эпизодѣ изъ исторіи сердца Пушкина.

Заключая на этотъ разъ свои разысканія, считаю необходимымъ высказать глубочайшую благодарность Борису Львовичу Модзялевскому, Сергею Федоровичу Ольденбургу и Алексѣю Александровичу Шахматову за ихъ неизмѣнно сочувственное и дѣйственное вниманіе, которое было мнѣ такъ дорого во время работы, и за ихъ цѣнное содѣйствіе, которому обязаны появлениемъ въ печати эти мои разысканія.

Павелъ Щеголевъ.

С.-Петербургъ.
29 июня 1910 года.

ВЪ ОТВѢТЪ П. Е. Щеголеву¹⁾.

П. Е. Щеголевъ невѣрно изложилъ мою статью, заостривъ ее къ догадкѣ о любви Пушкина къ княгинѣ М. А. Голицыной. Въ той статьѣ я задавался цѣлью — на основаніи собственныхъ показаній Пушкина изобразить его душевное состояніе въ первое время ссылки. Выводы, къ которымъ я пришелъ, правильно изложены П. Е. Щеголевымъ на третьей страницѣ его статьи; это 1) чувство свободы отъ стѣснительныхъ условій столичной жизни, 2) нравственная омертвѣлость и 3) тоска какой-то давней любви. Изъ этихъ выводовъ существенно новымъ былъ только послѣдній — *сѣверная любовь Пушкина на югъ*; она-то и составляетъ собственно предметъ моей статьи. Я постарался собрать всѣ показанія Пушкина, убѣждающія меня въ томъ, что онъ увезъ изъ Петербурга и долго еще на югъ носилъ въ себѣ любовь къ какой-то женщинѣ, которую тамъ полюбилъ. На первомъ мѣстѣ для меня стоялъ самый фактъ этой „сѣверной любви“. Въ ней я убѣдился и остаюсь убѣженнымъ донынѣ. — Совсѣмъ иное дѣло, кто была эта женщина. Изложивъ въ статьѣ моей всѣ доводы въ пользу самого факта этой любви, я говорю: „Итакъ, кто же былъ предметомъ этой сѣверной любви

1) Въ виду большого размѣра настоящаго выпуска, редакція просила М. О. Гершензона быть по возможности краткимъ въ своемъ возраженіи П. Е. Щеголеву.

Пушкина на югъ? — Если до сихъ поръ мы стояли на почвѣ несомнѣнныхъ фактovъ и категорическихъ показаній самого Пушкина, то теперь мы вступаемъ въ область предположеній, очень соблазнительныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, но требующихъ во всякомъ случаѣ еще всесторонней проверки*. Этими строками я, кажется, достаточно рѣзко разграничила мое утвержденіе о сѣверной любви Пушкина отъ моей догадки о личности, бывшей предметомъ этой любви. Это двѣ разныя вещи, подлежащія и раздѣльной проверкѣ. Очень можетъ быть, что я ошибся насчетъ М. А. Голицыной, но тѣмъ еще нисколько не опровергается мое главное утвержденіе — о сѣверной любви Пушкина на югѣ. — П. Е. Щеголевъ оставилъ безъ разсмотрѣнія главный вопросъ — о самомъ фактѣ такой любви и всей силою аргументаціи обрушился на мою второстепенную догадку — о любви именно къ Голицыной.

Что касается собственно любви Пушкина къ Голицыной, то, какъ ни охотно и добросовѣстно я вникалъ въ доводы П. Е. Щеголева, они меня не разувѣрили. Его вышній анализъ тѣхъ трехъ стихотвореній (стр. 85—95 и др.) ничуть не доказываетъ, что I и II „не могутъ и не должны“ быть связываемы съ именемъ Голицыной, а доказывается только то, что нѣтъ *документальныхъ* оснований относить ихъ къ ней: разница огромная. Внутренний же анализъ ихъ, произведенный на стр. 101—106 и 111—122, кажется мнѣ совершенно неубѣдительнымъ, сплошною натяжкою. Я продолжаю видѣть внутреннюю связь между всѣми тремя пьесами и продолжаю думать, что I и II относятся къ Голицыной. На стр. 93 и сл. П. Е. Щеголевъ всѣми правдами и неправдами старается доказать, что Анненковъ назвалъ стихотвореніе „М. А. Г.“ въ числѣ пьесъ Кишиневскаго періода *по ошибкѣ*; какъ жаль, что онъ пренебрѣгъ здѣсь тѣмъ разумнымъ правиломъ, которое онъ самъ, на стр. 141, рекомендуетъ изслѣдователямъ, — критиковатъ

Анненкова съ осторожностью, помня, „что Анненковъ зналъ о Пушкинѣ многое, чего онъ не огласилъ и чего мы не знаемъ, что онъ имѣлъ передъ своими глазами такія рукописи и бумаги Пушкина, которыхъ у насъ нѣтъ“... Это не единственное противорѣчіе въ статьѣ П. Е. Щеголева (такъ же, напримѣръ, относительно Капниста, стр. 125 прим., и 166). По вопросу о Голицыной безусловно ошибочнымъ оказалось только мое предположеніе, что отъ нея Пушкинъ впервые узналъ о Бахчисарайскомъ фонтанѣ. Охотно признаю свою ошибку.

Наконецъ, выпроводивъ княгиню М. А. Голицыну изъ біографіи Пушкина, П. Е. Щеголевъ спѣшилъ ввести новую любовь поэта — и не какую-нибудь заурядную, нѣтъ! а ту единственную, вѣчную его любовь, которая такъ давно тревожитъ біографовъ Пушкина. Къ сожалѣнію, его открытие — просто ошибка: въ черновой тетради Пушкина написано *не то*, что прочиталъ П. Е. Щеголевъ. По изложению П. Е. Щеголева выходитъ такъ, будто „Сибири хладная пустыня“ есть первоначальная редакція стиха: „Твоя далекая (печальная) пустыня“. — Нисколько. Онъ приводить только одинъ стихъ изъ данного наброска; но этому стиху предшествуетъ другой, который и опредѣляетъ смыслъ того стиха; именно, написано:

Что¹⁾ безъ тебя ²⁾ міръ
Сибири хладная пустыня.

Пушкинъ хотѣлъ сказать: безъ тебя міръ для меня — пустыня, Сибирская пустыня. Только и всего³⁾. — Съ

1) Т.-е Чѣ.

2) Пробѣль въ подлиннике.

3) Пушкинъ много работалъ надъ этой строфой. Лѣвая сторона страницы занята тремя редакціями ея, слѣдующими сверху внизъ, т. е. въ хронологическомъ порядке. Внимательное изученіе этихъ редакцій показываетъ, что первичнымъ и основнымъ ядромъ строфы была концепція:

устраниемъ этого документальнаго основанія, всѣ осталъные доводы П. Е. Щеголева въ пользу любви Пушкина къ М. Н. Волконской падаютъ сами собою. Да и по существу ни пустыя росказни Туманскаго о черкешенкѣ, ни старческія воспоминанія М. Н. Волконской не заслуживаютъ никакого довѣрія. Не говорю уже о томъ, что самая влюблённость Пушкина въ М. Н. по существу новѣоявленія. Пушкинъ зналъ ее близко только во время совмѣстной жизни на Кавказѣ и въ Крыму лѣтомъ 1820 года: позднѣе онъ могъ видѣть ее только мелькомъ; между тѣмъ, въ 1820 году ей было не больше 15-ти лѣтъ, а можетъ быть и только 14 (она сама говоритъ, что 15,— Олизаръ, впервые увидѣвшій ее въ 1821 г., говоритъ, что она была тогда „мало интереснымъ подросткомъ“; какъ известно, годъ ея рождения не установленъ). Вѣроятно-ли, чтобы этотъ подростокъ могъ внушить Пушкину его „вѣчную“ любовь? Вѣроятно-ли, чтобы она не упомянула объ этой

„ты, твой образъ — для меня святыня“; эта концепція повторяется во всѣхъ редакціяхъ, какъ основная. Къ ней Пушкинъ пишетъ риому, и нападаетъ на слово: „пустыня“.

1. (Первоначальный текстъ первой редакціи, чтѣ видно по расположению строкъ и пѣсту черниль):

Твои слѣды
Твои печали, образъ твой
святыня
передъ вѣй
благовѣю (и жутъ же праѣ): Что ты одна моя святыня.

Потомъ Пушкинъ въ первой строкѣ приписываетъ: твоя пустыня, еще позже — сверху: далекая, печальная. Но затѣмъ, для второй редакціи, онъ бросаетъ эту концепцію и пытается использовать пустыню совсѣмъ въ другой связи:

2-я редакція (тоже основной текстъ):

Одна одна ты мѣ /святыня/
Что безъ тебя міръ (свѣтъ)
Сибири хладная пустыня.

3-я редакція послѣ передѣлокъ даетъ печатный текстъ, т. е., Пушкинъ возвращается къ концепціи 1-ой редакціи.

любви въ своихъ Запискахъ (принимая во вниманіе характеръ тѣхъ страницъ, гдѣ она говоритьъ о своихъ встрѣчахъ съ Пушкинымъ)? и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, любовь Пушкина къ М. Н. Волконской, впредь до дальнеѣшихъ разысканій, возвращается въ прежнее небытіе, и потому я считаю себя вправѣ опять поставить на очередь вопросъ о сѣверной любви Пушкина, и въ частности — объ его любви къ княгинѣ М. А. Голицыной.

M. Гершензонъ.

Москва, 1 декабря 1910 г.

Дополненія къ „Разысканіямъ“ въ области біографіи и текста Пушкина.

Возраженіе М. О. Гершенона въ отвѣтъ миѣ заключаетъ, по преимуществу, изъявленіе его мнѣнія о моихъ разысканіяхъ и еще новое утвержденіе его *стры* въ дѣйствительность разсказанной имъ легенды о любви Пушкина къ княгинѣ Голицыной. Вижу, что М. О. Гершенона неубѣдимъ, и что работа моя ему не понравилась, но не считаю необходимымъ и полезнымъ для дѣла останавливаться на этой сторонѣ его возраженія, ибо для выясненія истины не имѣеть, въ сущности, значенія ни то или иное содержаніе мнѣнія М. О. Гершенона, ни та или иная степень его увѣренности въ правильности его построенія. Важны лишь указанія фактическія, соображенія по существу дѣла, но ими-то какъ разъ и бѣдно возраженіе М. О. Гершенона. Оно не содержитъ ни единаго фактическаго сообщенія, которое дополняло бы и укрепляло мнѣнія, изложенныя имъ въ статьѣ „Сѣверная любовь Пушкина“ и подробно разобранныя мною въ „Разысканіяхъ“. Въ то же время въ отвѣтѣ миѣ не находится и фактическихъ опроверженій моего разбора. Все, что можетъ предъявить М. О. Гершенона въ ослабленіе моихъ доводовъ, сводится къ единственному указанію на ошибочность моего „открытия“ въ рукописи „Посвященія“ къ „Полтавѣ“. Заявленіе о моей ошибкѣ, провозгла-

шенное весьма категорично, опровергаетъ (на взглядъ М. О. Гершензона) одно изъ существенныхъ положений моей работы, и поэтому мнѣ приходится подвергнуть анализу это заявленіе и установить настоящую ему цѣну.

Ни о какой ошибкѣ съ моей стороны не можетъ быть и рѣчи, и неправильность утверждения М. О. Гершензона, будто въ тетради Пушкина написано не то, что я прочиталъ въ ней, очевидна — даже до обращенія къ рукописи — уже изъ дальнѣйшаго изложенія самого М. О. Гершензона, ибо, и по его свидѣтельству, то, что я прочелъ въ рукописи („Сибири хладная пустыня“), написано въ ней всеми буквами. Слѣдовательно, самый терминъ „ошибка“ примѣненъ къ данному случаю безъ достаточныхъ оснований. Нѣ о моей ошибкѣ надлежитъ говорить, а о цѣломъ рядѣ ошибокъ самого М. О. Гершензона, допущенныхыхъ имъ при передачѣ Пушкинского текста. Должно было ожидать, что, перенося центръ тяжести вопроса въ область текста¹⁾, онъ дастъ правильную и полную транскрипцію, если не всего текста, то хоть интересующей настѣ части; но вместо щепетильной точности, которая требуется отъ научныхъ работъ такого рода, М. О. Гершензонъ проявилъ удивительное пренебреженіе къ тексту, и его приемы при установлении транскрипціи не заслуживаютъ названія научныхъ. Правда, съ первого взгляда, какъ будто бы все у него въ „ученомъ“ порядкѣ: „окончательный“ текстъ вверху, а внизу подъ строкой, „основной“ въ сопровожденіи „ученыхъ“ примѣчаній, но это лишь видимость. Его сообщенія во всей ихъ совокупности не только не даютъ истиннаго представления о рукописной дѣйствительности, но, должно

1) Для меня вопросъ о текстѣ не позикаль, а потому я и не даль въ свое время транскрипціи. Жалѣю обѣ этомъ, ибо, дай я мѣсто транскрипціи, ни возраженія М. О. Гершензона въ этой его части, ни моего настоящаго дополненія не нужно было бы писать.

сказать, могутъ повести только къ ложнымъ заключеніямъ, какъ это и случилось въ данномъ случаѣ съ М. О. Гершензономъ. Онъ не столько подвергъ рукопись ученному изслѣдованію, сколько, ограничившись любительскимъ набѣгомъ на неё, выловилъ изъ добычи то, что соответствовало его видамъ, и выбросилъ все то, что ему не годилось. Справедливость какъ этого общаго сужденія, такъ и ниже приводимыхъ замѣчаній легко проверить по прилагаемому снимку черновика „Посвященія“, занимающаго листы 69 об. и 70 лиц. въ тетради № 2371. Черновикъ набросанъ не вдоль страницы, а поперекъ: очевидно, Пушкинъ, раскрывъ тетрадь, переворнулъ ее на бокъ и началъ писать сверху внизъ сначала на лѣвой (69 об.), а затѣмъ на правой (70 лиц.) сторонѣ тетради. Обѣ страницы заняты первоначальными набросками, а для редакціи окончательной Пушкинъ воспользовался оставшимся мѣстомъ въ концѣ л. 70 лиц. Занимающій настѣ набросокъ находится на правой сторонѣ тетради, но мы даемъ, во избѣженіе малѣйшихъ недоразумѣній, воспроизведеніе всего черновика, сопровождалъ его посильной транскрипціей. Для транскрипціи я пользуюсь двумя шрифтами: петитомъ и корпусомъ. Первымъ набраны слова и стихи, написанные между „строкъ“ или, вѣрнѣе, стиховъ и около нихъ. Я не придаю особаго значенія дѣленію текста по двумъ шрифтамъ и тѣмъ менѣе приписзываю имъ значеніе указанія на ихъ хронологическую послѣдовательность. Что въ наброскахъ было основнымъ текстомъ и что къ нему не относится и приписано позже, опредѣлить съ достовѣрностью невозможно. Неразобранныя мной слова обозначаются сокращенно пр., прѣ., прѣбр., прочитанныя предположительно — сопровождаются вопросительнымъ знакомъ въ боковыхъ скобкахъ; зачеркнутая ставится въ прямые скобки. Расположеніе словъ и стиховъ необходимо проверять по снимку.

Правая сторона тетради — листъ 70-й.

[петальна]	[далекая]
[суроная]	[печальная (?)
[Твои слѣды], [твоя пустыня]	послѣдний
нраб. [слезы] [нраб.] [послѣдняя нраб.]	[рѣтей] звуки,
[Твои] [печали], [образъ твой] — [иреб.]	[иреб., нраб.]
[Твой нѣтній образъ]	[м.]
[мнѣ святыня]	
[И отверженны?]	
[И ты] [и]	[передъ ней] —
[Что ты одна моя святыня]	
[И (а?)]	[благовѣю]
<hr/>	
[Что ты]	[единая]
[что]	[святна]
[Одна]	[одна ты]
	[мнѣ]
	[м.]
[Что безъ тебя]	[Св. (?)]
	[миръ]
одно	[одна]
[Что ты] — [единая]	[нраб.]
[Сибири хладная]	[пустыня]
<hr/>	
[Единый свѣтъ души]	[мой]
Моей души	[души] мой
[Единый (?)]	
<hr/>	
далекая	
Твоя [печальная] пустыня	
Послѣдній	
[Твой образъ] звукъ твоихъ рѣчей	
<hr/>	
Одно сокровище, святыня	
Одна любовь,	
[для] [сумрачной] души моей	

J [have] love this sweet
name —

Тебѣ [Посвященіе]

J [have] love this sweet
name —

Тебѣ.. но голосъ Музы томной
Коснется ль слухъ твоего?

Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего, [?]

Иль посвященіе поэта
нѣкогда его
Какъ [утасенная] любовь

Передъ тобою безъ привѣта

27 окт.

1828

Малиники

Пройдетъ, непрізданное вновь?....

[Гласть музы] О примиши [отъ] тайны
[ты нраб.] [Но] если [ты узнала] звуки
Меткой [Цѣвины] преданы[ой] какъ
[Душа приворженной] тебѣ
Вѣрь, ангелъ,
[О думай,] что во дни разлуки

Въ моей измѣнчивой судьбѣ —

Мы остановимся на разборѣ части чёрновика, находящейся на л. 70 лиц. и заключающей наброски къ концу „Посвященія“ (ст. 11 — 16). Тема конца — обращенное къ „ней“ завѣреніе, что она и все, что ей близко, съ ней связано, дорого поэту: „Вѣрь, Ангелъ, что во дни разлуки, Въ моей измѣнчивой судьбѣ“ и т. д. Слѣдующіе стихи потребовали отъ поэта значительной работы и ряда набросковъ. Желая назвать святое и дорогое въ очаровавшей его женщины, поэтъ вспоминаетъ „ея страданья, ея слѣды, ея пустыню, ея печали, ея образъ, послѣдній звукъ ея рѣчей“. „Пустыня“ является въ первыхъ же стихахъ правой страницы тетради (л. 70 лиц.), и въ первомъ же явленіи это слово — отнюдь не достояніе поэтическаго стиля, а столь же ясное, не допускающее сомнѣнія, указаніе на живую дѣйствительность, какъ и то, о которомъ вспоминаетъ поэтъ въ словахъ: „Твои печали, послѣдній звукъ твоихъ рѣчей“. Словомъ „пустыня“ поэтъ означалъ дѣйствительную мѣстность, въ которой пребывала она. Подбиравъ эпитеты, Пушкинъ стремился опредѣлить эту пустыню еще яснѣе, рѣвче: она и далекая, и печальная, и суровая (послѣдній эпитетъ не прочитанъ М. О. Гершензономъ). Набрасывая на этой же страницѣ, нѣсколько ниже, конецъ посвященія въ обработанной редакціи, Пушкинъ колеблется между двумя эпитетами: онъ пишетъ „печальная“, зачеркиваетъ и замѣняетъ словомъ „далекая“, но въ печати появляется все же первый эпитетъ: „печальная“. Любопытно самое колебаніе въ вопросѣ, какое слово отдать читателю, выдать въ свѣтъ. Ясно, что въ послѣдней, рукописной и печатной, редакціи такъ же, какъ и въ первоначальномъ извѣстномъ намъ чёрновикѣ, „пустыня“ — не метафорическое, а опредѣленное указаніе опредѣленной мѣстности. Итакъ, въ непродолжительномъ, надо думать, процессѣ художественного создания конца „Посвященія“ слово

~~Wrote to Dr. John N. Dyer, who is now in New York.
He said he would go to see him as soon as possible.
Will do so as soon as possible.~~

~~Wanted to~~ ~~open our own~~ ~~branch~~
Branch to ~~open our own~~ ~~branch~~
~~to~~ ~~branch~~

~~Revised~~ ~~order~~ ~~comes~~
~~from~~ ~~anywhere~~ ~~but~~ ~~in~~ ~~the~~
~~same~~ ~~sofa~~ ~~and~~ ~~the~~ ~~same~~
~~you~~ ~~open~~ ~~the~~ ~~one~~ ~~from~~ ~~the~~ ~~other~~
~~you~~ ~~will~~ ~~see~~ ~~the~~ ~~other~~ ~~one~~

~~Get your documents again~~
Refer my legal notes
I don't think you can win, YO.

2764

2468

Character.

Несколько мгновений спустя
Константин, не приговаривая бывшего
заслуженного архитектора к смерти,
все же ~~закинул~~^{закинул} в камин
столешницу, ~~закинул~~^{закинул} в камин
~~столешницу~~^{столешницу} и удалился.

Be more exact about it

„пустыня“ сохраняетъ значение одной и той же, постоянной величины. И въ промежуточной стадіи этого процесса, засвидѣтельствованной серединой страницы, во встрѣчающемся тутъ, среди другихъ неотдѣланныхъ и перечеркнутыхъ стиховъ, стихъ

Сибири хладная пустыня

„пустыня“ сохраняетъ то же значение опредѣленного указания мѣстности, въ которой пребываетъ „она“. Выборъ эпитетовъ какъ бы указываетъ на желаніе устранить все, могущее навести на опредѣленный слѣдъ: „Сибири хладная“, конечно, совершенно ясно, устраняется эпитетъ „суровая“, „далекая“ и оставляется сравнительно не характерный „печальная“.

М. О. Гершензонъ пытается установить связь этого стиха съ однимъ изъ предшествующихъ и въ этой связи даетъ ему иное и — тутъ же скажу — искусственное, вздернутое толкованіе. „Пустыня“ для М. О. Гершензона въ этомъ стихѣ и въ этой промежуточной стадіи процесса созданія не имѣть значения указанія на мѣстопребываніе ея, а является частью сравненія, стилистической фигурой: міръ безъ нея для поэта — Сибири хладная пустыня. Такое толкованіе противорѣчитъ представлению о единствѣ переживаній въ столь краткомъ процессѣ художественного творчества и, главное, совершенно не вяжется съ Пушкинской поэтикой. Такое своеобразное сравненіе — не Пушкинское. Эти общія соображенія о непримлемости толкованія М. О. Гершензона находятъ решительное подтвержденіе въ наблюденіяхъ надъ текстомъ, обнаруживающихъ въ полной мѣрѣ отсутствіе какихъ-либо оснований къ установлению связи спорного стиха со стихомъ предшествующимъ, а вѣдь этимъ установленіемъ какъ разъ и обусловлено толкованіе М. О. Гершензона. Въ текстѣ своего возраженія онъ даетъ такое чтеніе:

Что безъ тебя міръ
Сибири хладная пустыня.

А въ примѣчаніяхъ имъ предложенъ слѣдующій „основной“ текстъ

Одна одна ты мнѣ (святыня)
Что безъ тебя міръ (свѣтъ)
Сибири хладная пустыня.

А вотъ что на самомъ дѣлѣ даетъ рукопись вмѣсто „основнаго“ и „окончательнаго“ текста М. О. Гершензона. Для того, чтобы читатель могъ сосредоточить свое вниманіе, позволяю себѣ повторить транскрипцію этого куска черновика:

[Что ты]	[единая]	
{Что}		святыня
[Одна] [одна ты] [мнѣ] [м]		(1)
	[свѣтъ]	
[Что безъ тебя]	[св (?)] [міръ]	(2)
[Что ты] —	[единая] [одна]	
одно		нраб.
сокровище [Сибири хладная]	[пустыня]	(3)
[Единый свѣтъ души] [моей]		(4)
Моей душа		
[Единый (?)]	[душа] моей	

Какъ видимъ, между „извлеченіями“ М. О. Гершензона и рукописью — разница, да и пребольшая. Не мѣшаетъ раскрыть ее въ подробностяхъ. М. О. Гершензонъ, приводя „окончательный“ текстъ, заявляетъ весьма определено: „Пушкинъ хотѣлъ сказать: „безъ тебя міръ для меня пустыня. Сибирская пустыня. Только и всего“. Уже эта категоричность утвержденія о томъ, что хотѣлъ сказать Пушкинъ, представляется странной: она тутъ рѣшительно не у мѣста, ибо мы имѣемъ дѣло лишь съ догадкой. Догадкой — только и всего. И на такую догадку могъ набрести лишь человѣкъ, небрежно разматривавшій рукопись.

При установлѣніи контекста не слѣдовало бы обходить вниманіемъ пробѣлъ въ стихѣ

Что безъ тебя міръ (2).

Пушкинъ оставилъ мѣсто для слова или словъ. Какихъ? Какъ опровергнетъ М. О. Гершензонъ предположительное чтеніе на мѣстѣ пробѣла чего-либо въ родѣ „мнѣ скученъ“? А при такомъ чтеніи рвется связь, прикрѣпляющая этотъ стихъ къ слѣдующему, ибо ихъ сочетаніе лишается смысла. Повидимому, на возможность связать съ приведеннымъ стихомъ стихъ

Сибири хладная пустыня (3).

наталкиваетъ точка послѣ слова „пустыня“. Но дѣло-то въ томъ, что точки идти въ рукописи и М. О. Гершензонъ незамѣтно, должно быть, для себя создалъ се въ своемъ воображеніи, счелъ существующей и перенесъ въ транскрипцію. Нѣтъ ея, этой точки, замыкающей слова и смыслъ. Мало того: вслѣдъ за этимъ третьимъ стихомъ въ рукописи читается еще одинъ стихъ

Единый свѣтъ души моей (4).

М. О. Гершензону не угодно было удѣлить своего вниманія этому стиху: онъ его не замѣтилъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, — и это очень жаль, ибо этотъ четвертый стихъ не вяжется съ предшествующимъ стихомъ въ контекстѣ М. О. Гершензона. Правда, изученіе рукописей показываетъ, что у Пушкина не въ обычѣ было соблюдать знаки препинанія, и М. О. Гершензонъ можетъ возразить: „я опять, что тутъ кончается мысль и фраза Пушкина“. Но этой вѣрѣ можно противопоставить предположеніе, что мысль поэта оборвалась на второмъ стихѣ, а стихи третій и четвертый должны быть связаны. И для послѣдняго мнѣнія найдутся основанія, которыхъ нѣтъ для первого. М. О. Гершензонъ опять таки не обратилъ вниманія и не оцѣнилъ того обстоятельства,

что Пушкинъ между 2 и 3 стихомъ нашелъ возможнымъ вписать еще одинъ варіантъ: следовательно, эти 2 и 3 стихи въ его сознаніи отдѣлялись. И варіантъ этотъ— „что ты единая“ и т. д. по строенію предложенія какъ разъ и примыкаетъ къ стиху „что безъ тебя міръ“. Конечно, въ такомъ случаѣ, пробѣль и долженъ былъ закончиться указаннымъ выше образомъ.

Но какъ вообще можно устанавливать опредѣленное отношеніе между незаконченными, неполными, перечеркнутыми отдѣльными стихами, когда такого отношенія между ними никогда, быть можетъ, и не было! Въ этихъ наброскахъ послѣдней части „Посвященія“ было нѣсколько приступовъ, мысль поэта искала выражений; отыскавъ, поэтъ тотчасъ же отбрасывалъ и переходилъ къ новому строенію стиха или же просто останавливался на полдорогѣ. Затруднительно вычитывать изъ этихъ развалинъ одинъ опредѣленный смыслъ и невозможно признать принадлежность этихъ *membra disiecta* одному опредѣленному построенію.

Отрицая за догадкой М. О. Гершензона какія-либо права на существованіе, мы не стремимся къ установлению связи 3-го стиха съ предшествующимъ и послѣдующимъ текстомъ и полагаемъ, что употребленное въ этомъ стихѣ слово „пустыня“ неизмѣняетъ и здѣсь своему постоянному значенію, съ какимъ мы находимъ его и выше, и ниже на той же страницѣ. Эта хладная пустыня Сибири, очевидно, есть та же „ея далекая, печальная, суровая“ пустыня.

Такова цѣна единственному фактическому указанію, сдѣланному въ опроверженіе моихъ „Разысканій“. Фактическое въ сущности отсутствуетъ, и это указаніе раздѣляетъ въ нѣкоторомъ родѣ судьбу легенды, разсказанной М. О. Гершензономъ: его излѣдованія въ области текста такъ же, какъ и его біографическая разысканія,

являются плодомъ не столько ученой разсудительности, сколько воображенія, мечтательного воображенія. Только и всего.

Къ мѣсту отмѣтить одинъ пунктъ въ возраженіи М. О. Гершензона, наглядно показывающій, до какой степени вѣствуетъ надъ нимъ воображеніе. Но его мысль, мнѣ не удалось доказать, что стихотворенія I и II „не могутъ и не должны быть“ связываемы съ именемъ княгини М. А. Голицыной, но онъ согласенъ съ тѣмъ, что мой анализъ доказываетъ, что *ниятъ документальныхъ оснований* относить I и II къ ней. (Меня удовлетворяетъ признаніе со стороны М. О. Гершензона и такого впечатлія за моей работой!). Но М. О. Гершензонъ, несмотря на признаніе имъ отсутствіе документальныхъ оснований, „продолжаетъ, по его словамъ, думать, что I и II относятся къ Голицыной“. Очевидно, ни научный методъ излѣдованія, ни фактическая дѣйствительность не имѣютъ въ его глазахъ преимущественной важности и уступаютъ въ своемъ значеніи передъ выводами, добываемыми путемъ нѣкого мистического восприятія. Но мы не послѣдуемъ, конечно, за М. О. Гершензономъ въ область воображенія и оставимъ его съ его вѣрой. Между прочимъ, онъ упрекаетъ меня за то, что я не разсмотрѣлъ его главнаго утвержденія о *фактѣ сѣверной любви на югѣ*, а подвергъ критикѣ второстепенную догадку о любви именно къ Голицыновой. Да фактъ-то плохо засвидѣтельствованъ М. О. Гершензономъ и виситъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собой фактической почвы, для созданія которой требуются изученія и біографическія, и историко-литературныя. Ни тѣхъ, ни другихъ М. О. Гершензонъ не дѣлаетъ. Какъ же его разбирать, этотъ фактъ? На самомъ дѣлѣ, если бы кому-либо заблагоразсудилось объявить, что онъ вѣрить въ такой-то и такой-то фактъ (для примѣра, въ то, что Пушкинъ былъ одержимъ тайной страстью къ су-

пругѣ Императора Николая Павловича!), то нельзя же на основаніи такого заявленія считать вопросъ поставленнымъ и направлять силы на его разсмотрѣніе. Пусть М. О. Гершензонъ „считаетъ себя въ правѣ поставить на очредь вопросъ о сѣверной любви Пушкина и въ частности— обѣ его любви къ княгинѣ М. А. Голицыной“ — это его дѣло, но наше дѣло потребовать отъ него документальныхъ, фактическихъ оснований къ постановкѣ подобныхъ вопросовъ и въ случаѣ непредставления первыхъ не принимать къ разслѣдованію вторыхъ. Вопросъ же о любви къ княгинѣ М. А. Голицыной можно просто сдать въ архивъ и всю легенду М. О. Гершензона зачеркнуть сверху до низу. Рассказъ М. О. Гершензона пріятенъ и привлекательенъ игрой воображенія, но въ научномъ отношеніи совершенно бесплоденъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы пополнить свѣдѣнія о княгинѣ М. А. Голицыной краткимъ сообщеніемъ о ея религіозномъ кризисѣ. Отпаденіе ея отъ православія случилось въ концѣ 1839 или въ началѣ 1840 года, когда она вмѣстѣ съ дочерьми послѣ продолжительного пребыванія въ Италии перебралась на жительство въ Женеву. Любопытно, что, живя въ общеніи съ католическимъ міромъ, она вынесла отрицательное впечатлѣніе о „суевѣряхъ“ католической релігіи. Неизвѣстно, подъ какимъ вліяніемъ она и ея старшая дочь восприняли протестантскую точку зре-нія на руководственное значеніе Св. Писанія. Но, читая Св. Писаніе, Голицына и ея дочь пришли къ заключенію о рѣшительномъ несоответствіи Св. Писанію ученія и обрядовъ православной церкви. Наоборотъ, знакомство съ англійской „Книгой общихъ молитвъ“ (Common Prayer-Book) внушило имъ мнѣніе ополномъ согласіи съ Св. Писаніемъ гимновъ, молитвъ и наставлений этой книги. Отсюда возникъ интересъ къ англиканству. Сна-

чала старшая дочь, а потомъ мать и средняя дочь начали посѣщать англійскую церковь въ Женевѣ и принимать участіе въ общеніи Св. таинствъ. Случайно бывший въ Женевѣ Ирландскій деканъ (Lord Edward Chichester) принялъ ихъ въ лоно англіканской церкви. О своемъ отпаденіи и переходѣ онъ написалъ въ Петербургъ князю М. М. Голицыну, а княгинѣ М. А. — и самому Николаю Павловичу, который выразилъ свое крайнее неудовольствіе по этому поводу. Самъ М. М. Голицынъ былъ въ отчаяніи: онъ неясно представлялъ себѣ сущность англіканизма и самъ признавался, что ему меныше было бы горя слышать о переходѣ своей семьи въ католичество. Были приняты официальные мѣры къ возвращенію Голицыныхъ въ православіе: священницу нашей Бернскай міссіи было поручено учищевать отившихъ, но первыя его попытки были безуспешны и если дальнѣйшія увѣнчались успѣхомъ, хотя только въ отношеніи къ дочерямъ, то, главнымъ образомъ, благодаря вмѣшательству въ этотъ религіозный инцидентъ семьи Голицыныхъ извѣстнаго діакона Вильяма Нальмера, который въ сороковыхъ годахъ упорно, но тщетно хлопоталъ о соединеніи перквей англіканской и православной и совершилъ съ этою цѣлью рядъ побѣдоокъ въ Россію. (Большую извѣстностью у насъ въ Россіи пользуется его переписка съ А. С. Хомяковымъ въ VIII томѣ „Сочиненій“ послѣдняго и по-англійски въ книгѣ Birkbeck W. J., Russia and the English Church during the last fifty years. Volume I, London. 1895). Обращеніе Голицыной сыграло болѣпшую роль въ исторіи возбужденнаго Нальмеромъ вопроса о соединеніи церквей,— роль, совершенно не освѣщенную ни въ нашей богословской, ни въ нашей исторической литературѣ. Чтобы понять значеніе инцидента Голицыной для дѣла самого Нальмера, надо сказать, что онъ вначалѣ считалъ англіканскую и православную церковь

вѣтвями единой каеолической церкви и на этомъ основа-
ніи добивался отъ нашего Синода разрѣшенія допустить
его, какъ члена истинной церкви, къ принятію Св. Тайнъ.
Такое допущеніе въ общеніе въ таинствахъ, по мысли
Пальмера, и должно было послужить началомъ соедине-
нія церквей. Принятіе же Голицыной въ лоно англикан-
ской церкви противорѣчило такой точкѣ зреянія Паль-
мера, ибо ясно, что англиканская церковь не имѣть
права принимать православныхъ, какъ обращенныхъ,
разъ не усматривается существенныхъ различій между
православіемъ и англиканствомъ. Поэтому, когда въ пер-
вую поѣздку свою въ Россію въ 1840 — 1841 годахъ
(объ этой поѣздкѣ см. дневникъ, очень любопытный,
Пальмера: Palmer W. A., Visit to the Russian Church
1840—1841. Edited by Cardinal Newman, London. 1882;
тутъ есть нѣкоторыя подробности и о Голицыныхъ).
Пальмеръ, услышавъ отъ князя Голицына разсказъ
объ обращеніи его жены, сразу заявилъ, что это очеви-
дно недоразумѣніе, и что православный человѣкъ не мо-
жетъ быть „обращенъ“, а можетъ принимать участіе въ
англиканскомъ богослуженіи, оставаясь членомъ право-
славной церкви. М. М. Голицынъ заинтересовался сло-
вами Пальмера и просилъ его изложить свои взгляды съ
тѣмъ, чтобы онъ могъ послать въ Женеву его письмо.
Пальмеръ согласился, написалъ одно, потомъ другое
письмо М. М. Голицыну, а затѣмъ вступилъ въ непо-
средственную переписку съ дочерью. Когда въ 1841 году
князь Голицынъ уѣзжалъ въ Женеву, онъ даже взялъ съ
Пальмера слово пріѣхать, если нужно, въ Женеву. Письма
ли Пальмера подѣйствовали, или убѣжденія отца, но обѣ
дочери вернулись въ православіе и вмѣстѣ съ отцомъ
возвратились въ этомъ году въ Россію, а М. А. Голицына
перѣехала въ Парижъ. М. М. Голицынъ написалъ Паль-
меру отчаянное письмо съ просьбой пріѣхать въ Парижъ

и убѣдить его жену. Пальмеръ весьма тщательно и на-
стойчиво позаботился о выполненіи этой просьбы. Онъ
доказывалъ княгинѣ, что она неправильно считаетъ себя
„обращенной“, такъ какъ, съ одной стороны, при сход-
ствѣ исповѣданій лѣтъ надобности въ обращеніи, а съ
другой стороны для дѣйствительного „обращенія“ недо-
статочно было принять участіе въ богослуженіи и прини-
мать Св. Тайны по обряду англиканскому, а надо быть
принятымъ послѣ отреченія отъ старой вѣры и съ соблю-
деніемъ формальностей и съ надлежащаго разрѣшенія.
Всѣ эти условія не были соблюдены, но княгиня Голи-
цына, осуждая православіе, твердо считала себя членомъ
англиканской церкви, и въ тоже время отказывалась отъ
исполненія какихъ-либо условій. „Всѣ попытки вернуть
меня къ православію, писала она Пальмеру, будуть
тщетны. Я не ишу, я обрѣла... Помимо всего, мы исхо-
димъ изъ совершенно различныхъ принциповъ. Вы дѣ-
лаете изъ религіи общеніе душъ, религіозную дисци-
плину. Для меня религія — вполнѣ потерянаго крушенія
къ Спасителю, отвѣтъ Спасителя и благодать“. Въ январѣ
1842 года Пальмеръ лично познакомился съ княгиней и
имѣлъ съ ней бесѣды. Такъ какъ княгиня Голицына же-
лала участвовать въ англиканскомъ богослуженіи не какъ
членъ православной и близкой, по взглядѣ, религіи, а
какъ членъ англиканской,—для чего она не хотѣла пред-
ставить основаній, то Пальмеръ, найдя единомышленника
въ шотландскомъ архиепископѣ въ Парижѣ Матвѣѣ Лес-
комбѣ (Matthew Lumscombe), добился того, что Голицынѣ
было отказано въ допущеніи къ англиканской Евхаристії.
Но это не измѣнило ея взглядовъ, и она отрѣши-
лась въ Лондонъ и тамъ продолжала посѣщать англійскія
церкви. Частный случай даѣтъ Пальмеру поводъ поста-
вить общий вопросъ, на какихъ же условіяхъ должно со-
вершаться принятіе православныхъ въ англиканскую

церковь. Этот же вопросъ приводилъ къ постановкѣ еще болѣе общаго вопроса — о возможности церковнаго общенія и единенія, если разница между православіемъ и англиканствомъ несущественна. Эти вопросы послужили предметомъ апелляціи, съ которою Пальмеръ и сочувствуяще ему духовныя лица обратились къ синодамъ шотландской церкви. Какъ материалъ для сужденія, была составлена огромнѣйшая книга, содержащая подробнѣйшее и докуменитированное изложеніе всей исторіи Голицыной и пальмеровскихъ попытокъ обращенія къ русскому Синоду. Эта книга была отпечатана не для продажи и является очень рѣдкой. Ея заглавіе: „An Appeal to the scottish Bishops and Clergy and Generally to the Church of their Communion“, Edinburg. MDCCCLXIX. Стр. XVIII+CCXL+464. Сообщаемыя нами данныя извлечены изъ этой книги. Голицына не названа по фамиліи, а упоминается подъ Madame A. Но еще до апелляціи, составленной въ 1848 году, Пальмеру было не мало дѣла съ Голицыной. Когда она на короткое время прѣѣзжала въ Россію, здѣсь какъ разъ былъ Пальмеръ, который и тутъ воспрепятствовалъ ей участвовать въ богослуженіи въ англійской церкви. Но, несмотря на все это, княгиня вездѣ, гдѣ только могла, посѣщала англійскія церкви и продолжала считать себя членомъ англиканской церкви. Такъ было и въ моментъ составленія апелляціи въ 1848—1849 году. Любопытно, что въ 1844 году притѣсненія и преслѣдованія за вѣру русской княгини стали предметомъ многочисленныхъ статей и памфлетовъ въ западной прессѣ, доставившихъ не мало огорченія княгинѣ. Исторія ея религіозныхъ переживаній заслуживаетъ подробнаго изложенія, но на это потребно другое время и другое мѣсто.

П. Е. Щеголевъ.

6-го февраля 1911 г.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Авенаріусъ, Василій Петровичъ, 47.
„Адели“, стих. Пушкина, 128.
Айсбергъ, И., 48.
Айхенвальдъ, Ю., 51.
Академія, Вѣнская Инженерная, 50.
Академія Наукъ, 54, 68, 89, 189.
Академія, Николаевская Военная, 61.
„Алеко“, опера Рахманинова, 49.
Александра Николаевна, Великая Княжна, 73.
Александра Феодоровна, Великая Княгиня, 66.
Александръ I, Имп., 60, 168.
Алексѣевъ, 142, 174.
Алимишева, Наталья Романовна, рожд. Цебрикова, 25.
Алимишевъ, педагогъ, 25.
„Альбомъ Московской Пушкинской Выставки“, 106.
„Анджело“, Пушкина, 82.
Ан. Ив. (въ Запискахъ Пушкина), 2.
Анна Феодоровна, Великая Княгиня, 71.
Анненкова-Бернаръ, Н., 42, 43.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ, 1, 2, 6, 53, 84, 86, 90, 91, 93, 94, 95, 111, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 150, 151, 158, 189, 195, 196.
„Арапъ Петра Великаго“, Пушкина, 34.
Аргусъ, 100.
Арина Родионовна (?), 2, 26.
Арсеньевъ, Д. В., 58.
Артемьевъ, А., 46.
Аргута, д., графъ, 59.
Архивъ Государственный, 161.
„Архивъ князя Воронцова“, 58.
„Архивъ Раевскихъ“, 39, 46, 51, 96, 161, 165, 192.
Афродита, 116.
Ашевскій, С., 50.
Б., М., 50.
Багратіонъ, княгиня, 57.
Байронъ, 112.
Бакунина, Екатерина Навловна, 1, 2.
Бакунинъ, 1.
Балкъ, 110.
Бартеневъ, Петръ Павловичъ, 10, 38, 51, 110, 124.
Бартеневъ, Юрий Никитичъ, 124.
„Барышня-Крестьянка“, Пушкинъ, 38, 34.
Баташовъ, домовладѣльцъ, 20.
Бахрушинъ, Алексѣй Александровичъ, 45.
Бахчисарай, 134, 135, 144, 147, 148, 149, 154.
„Бахчисарайскій Фонтанъ“, Пушкина, 30, 51, 55, 72, 108, 115, 116, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 130, 132, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159.

- 161, 162, 165, 166, 167, 169, 182, 185, 196.
Башмакова, Варвара Аркадьевна, рожд. кн. Суворова-Рымникская, 196.
Башмаковы (изд.), 41.
Беатриче, 161.
Беклемешова, Александра Ивановна, рожд. Осипова, 19.
Беклемешовъ, 19.
Bernard, докторъ, 22.
Бернъ, городъ, 71.
Бертенъ, 117.
Бессарабія, 91.
Бессель, В. (издатель), 47, 48, 49.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ, 88, 90, 114, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 139, 187.
Бецкой, Иванъ Егоровичъ, 61.
„Библиографическая Записки“, 72.
Библиотека, Имп. Цубличная, 80.
„Библиотека для Чтения“, 111.
Birbeck, W. J., 213.
„Виржевыя Вѣдомости“, газ., 38.
Бируковъ, А. С., цензоръ, 127.
Бобрищевъ - Пушкинъ композиторъ, 47.
Бобровъ, Семенъ Сергеевичъ, 123.
Богдановъ, Идрисъ, 47.
Богуславскій, С. М. (изд.), 48, 49.
Болдино, село, 20, 27, 111.
Боратынскій, Евгений Абрамовичъ, 87, 102.
„Боратынскому“, посланіе Пушкина, 89, 91.
„Борисъ Годуновъ“, Пушкина, 31, 40, 42, 48, 186.
„Борисъ Годуновъ“, опера Мусоргскаго, 48, 49.
Бородинское сраженіе, 59.
Бочелла-Чезаре, маркизъ, 72, 73.
Браиловскій, Сергій Николаевичъ, 39, 42, 52.
„Братья - Разбойники“, Пушкина, 80, 72, 78.
Брокъ, Министръ Финансовъ, 26.
Брокъ, Елизавета Карловна, рожд. Занденъ, 26.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ, 37.
Булгаринъ, Ф. В., 111, 131, 132, 134.
Бураковскій, С., 36.
Бутурлинъ, 71.
Бутурлинъ, графъ М. Л., 71, 72, 74, 92.
Выковскій, Н. Ф., 38.
Вычковъ, Иванъ Афанасьевичъ, 67, 68.
Вѣлинскій, В. Г., 41.
Вѣлкинъ, И. П. (Пушкинъ), 93.
Вѣлоусовъ, И. А., 41.
Вѣльскій, В. (изд.), 18.
„Вахническая пѣсня“, Пушкина, 49.
Варшава, 14, 16, 19, 21, 24, 39.
Введенскій, Арсеній Ивановичъ, 40, 64.
Всев., 61, 62, 68.
Венгеровъ, Семенъ Афанасьевичъ, 8, 29, 50, 53, 61, 75, 77, 78, 84, 86, 87, 100, 141, 161, 177, 188.
Веневитинова, 26.
Веневитиновъ, Дмитрій Владимировичъ, 180.
Венера, 100, 190.
Венкстернъ, А. А., 41.
Вержбицкій, И. К. (изд.), 49.
Веронскій конгрессъ, 58.
Вероуа, вина, 68, 69, 71.
Вестрицъ, балетмейстеръ, 58.
„Вечерній Петербургъ“ (газета), 51.
„Взглядъ на Русскую словесность въ теченіе 1823 г.“, А. А. Бестужева, 127.
Вигель, Ф. Ф., 11.
Вишневская, Елизавета, 26.
Вишневская, Марья Гавrilovna, 26.
Вилгнєвский, Николай, 26.
Вишневский, Степанъ, 26.
Водарскій, Вячеславъ А., 88.
Водовозовъ, В., 50.
Воейкова, Александра Андреевна, 63, 64.
Воейковъ, Александръ Федоровичъ, 81, 92, 131.
Волженштейнъ, О. А., 44, 46, 51.

- Волконская, княгиня Зинаида Александровна, 88, 168, 180.
Волконская, княгиня Марія Николаевна, рожд. Раевская, 183, 180, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 175, 176, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 191, 192, 193, 197, 198.
Волконскій, князь, младенецъ, 192.
Волконскій, князь Петръ Михайловичъ, 59.
Волконскій, князь Сергій Григорьевичъ, 163, 164, 165, 180.
Вольное Общество любителей словесности, науки и художествъ, 127.
Вольская, Зинаида (изъ отрывка Пушкина), 190.
Воронцова, графиня Елизавета Ка-верьевна, 68, 96, 188.
Воронцовъ, графъ Михаилъ Семеновичъ, 58, 61, 96, 125.
Воскресенскій, Е., 40.
„Воспоминаніе“, стих. Пушкина, 108, 109, 191.
„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, стих. Пушкина, 91, 191.
Вревская, баронесса Екатерина Николаевна, рожд. Вульфъ, 19.
Вревскій, баронъ Борисъ Александровичъ, 19.
Всеволожская, Софья Ивановна, рожд. книжна Трубецкая, 26.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ, 88.
„Все кончено: межъ нами связи нѣть“, отрыв. Пушкина, 83.
Вульфъ, Анна Николаевна, 18, 14, 16, 25.
„Въ Альбомъ“, стих. Пушкина, 91.
„Въ Альбомъ Зубону“, стих. Пушкина, 80.
„Въ Альбомъ малюткѣ“, стих. Пушкина („Адели“), 128.
„Выстрѣль“, Пушкина, 32.
„Вѣстникъ Европы“, 50, 51, 54, 188.
„Вѣстникъ Литературы“, 48, 44, 51.
„Вѣсы“, журн., 87, 50, 51, 52.
- Вяземскій, князь Павелъ Петровичъ, 110.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ, 20, 54, 63, 64, 66, 68, 69, 70, 80, 97, 102, 109, 125, 126, 127, 131, 136, 150, 159, 180, 189, 190.
„Гавриліада“, Пушкина, 116, 183, 191.
Гагарина пристань, въ Петербургѣ, 20.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ, 1.
Газенкампфъ, К. А., 31.
Галковскій, К. М. (композиторъ), 17.
Галли, Джузеппе, 60.
„Галубъ“, Пушкина, 33.
Ганнибалъ, Екатерина Исааковна — см. Меландерь.
Гартунгъ, Марія Александровна, рожд. Пушкина, 25.
Гельсингфорсъ, 73.
Гениали, Григорій Николаевичъ, 6, 35, 72, 73, 86.
Henri, 70.
Гершензонъ, Михаилъ Осиповичъ, 53, 54, 55, 56, 57, 74, 75, 76, 85, 96, 97, 103, 104, 105, 106, 107, 114, 117, 122, 123, 130, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 141, 146, 165, 184, 188, 193, 194, 198, 199, 200, 201, 203, 207, 208, 209, 210, 211, 212.
Гессенскій, Црвникъ, 73.
Гете, В., 37, 52.
Гилевъ, С. (композиторъ), 48.
Гирей (изъ „Бахчисарайского Фонтана“), 116.
Глаубичи, 19.
Глиака, Михаилъ Ивановичъ, 18.
„Глинкѣ“, Ф. Н., стих. Пушкина, 89.
Глуховцовъ, А. (композиторъ), 17.
Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ, 37, 128.
Гоголь, Н. В., 36, 39, 41, 42, 43.
Голицына, книжна Александра Михайловна — см. Юнгернъ, графиня.
Голицына, княгиня Евдокія Павловна, 109, 111.

Родицьна, княгиня Елена Александровна, рожд. Нарышкина, по 1-му браку княгиня Суворова-Рымникская, 58, 71.
Родицьна, княгиня Елена Михайловна, рожд. кн. Голицына, 60, 62.
Родицьна, княжна Леонилла Михайловна — см. Корніані, графиня.
Родицьна, княгиня Марья Аркадьевна, рожд. Суворова-Рымникская, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76—110, 114, 115, 116, 118, 119, 211, 212, 213, 214, 215, 216.
Родицьна, княгиня Прасковья Андреевна, рожд. графиня Шувалова, 109, 110.
Родицьни, княгини, 69.
Родицьни, князни, 73, 212, 213, 214.
Родицьнъ, князь Андрей Михайловичъ, 59.
Родицьнъ, князь Василій Сергеевичъ, 58.
Родицьнъ, князь Владими́ръ Васильевичъ, 82.
Родицьнъ, князь М. М., 61, 71.
Родицьнъ, князь Михаилъ Михайловичъ, 58, 213, 214.
Родицьнъ, князь Михаилъ Михайловичъ, 55, 58—61, 70, 110.
Родицьнъ, князь Николай Николаевичъ, 58, 59, 60, 61, 71, 110.
Родицьнъ, графъ, 68.
„Голосъ Москвы“, газета, 43.
„Голосъ Правды“, газета, 146.
Рончаровы, сестры Н. Н. Пушкиной, 25.
„Гости съѣзжались на дачу“, отрывокъ Пушкина, 190.
„Графъ Нулинъ“, Пушкина, 111.
„Гречаникъ“, стих. Пушкина, 80.
Греческое восстание, 43.
Грибоедовъ, Александръ Сергеевичъ, 109, 114.
Григорьевъ, изд., 49.
„Гробовщикъ“, Пушкина, 38.
„Гробъ юноши“, стих. Пушкина, 77.

Гротъ, Константи́нъ Ико́левичъ, 45, 67.
Гротъ, Яковъ Карловичъ, 73.
Грузинский, А. Е., 50.
Груша, горничная изъ Пушкинскихъ крестьянъ, 28.
Hunter, Miss, пасторинка А. С. а О. С. Пушкиныхъ, 26.
Гуревичъ, Лиза Ико́левна, 32.
Гурзуфъ, 41, 125, 133, 167, 168, 184.
Гурьевъ, Е., 37.
„Давно о ней воспоминанья“, стих. Пушкина, 57, 77 и сл.
Давыдова, Аглай, 183.
Даниловъ, В. И., 38.
Даргомыжский, А. С., 48.
Дашкевичъ, Николай Павловичъ, 36.
Де-Буръ, А., композиторъ, 47.
Декандоль, 68.
Делія, 99, 100.
Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ, 37, 38, 81, 123, 127, 134, 135, 137, 138, 147.
Delphini, г-нъ, 16.
„Демонъ“, стих. Пушкина, 49.
Демута гостинница, 26.
Демьянovo, село, 7, 8.
Де-Фово, скульпторъ, 72.
Дилакторскій, Прокопій Александровичъ, 52.
„Дюнеа“, стих. Пушкина, 93, 124.
„Дневники В. А. Жуковского“, 67, 68.
„Дневники И. И. Козлова“, 67.
Долгорукова, княгиня Александра Михайловна — см. Мюнстер, графиня.
Долгоруковъ, князь Дмитрий Николаевичъ, 62.
„Домикъ въ Коломнѣ“, Пушкина, 32.
„Домовому“, стих. Пушкина, 128.
Домогацкая, Варвара Петровна — см. Лохтина.
Донъ-Жуанский списокъ Пушкина, 106.

„Дочери Кара-Георгія“, стих. Пушкина, 128.
„Друзьямъ“, стих. Пушкина, 34, 48.
„Дубровскій“, Пушкина, 34, 48.
„Дубровскій“, опера Э. Ф. Направника, 48.
„Дѣва“, стих. Пушкина, 98.
Дюнкинъ, Н. И., 36.
„Евгений Онѣгінъ“, Пушкина, 3, 30, 31, 36, 40, 41, 43, 49, 51, 79, 83, 102, 122, 167, 170, 171, 172, 173, 182, 183, 185, 186, 189.
„Евгений Онѣгінъ“, опера Чайковского, 49.
Евлаховъ, Ал., 89, 42, 52.
Егоръ, поваръ Пушкиныхъ, 28.
„Ежемѣсячный Сочиненія“, журн., 182.
Екатеринославъ, 181.
„Ex ungue leonem“, эпигр. Пушкина, 91.
Елена Павловна, Великая Княгиня, 67.
Ефремовъ, Пётръ Александровичъ, 1, 6, 8, 53, 61, 86, 87, 90, 94, 106, 107, 108.
„Желаніе“, стих. Пушкина, 93.
„Jeune captive“ (La), 180.
Женева, городъ, 68, 70, 71, 212, 213, 214.
„Женскій Міръ“, журналъ, 87.
„Женщина“, журналъ, 87.
„Живъ, живъ, курлка“, эпигр. Пушкина, 91.
Жуковскій, В. А., 43, 63, 64, 66, 67, 69, 73, 97, 102.
„Журналъ Министерства Народного Просвещенія“, 41, 42, 44, 51.
Загряжскій, И., издат., 36.
Закревская, графиня Аграфена Федоровна, рожд. гр. Толстая, 189, 190.
Залѣсье, городъ, 19, 21, 24.
Зандень, Екатерина Карловна — см. Лодыженская.

Зандень, Елизавета Карловна — см. Брокъ.
Зандень, Наталья Карловна — см. Нодень.
„Записки“ княгини М. Н. Волконской, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 180, 185*.
„Записки“ Л. В. Мертваго, 7.
Записки Пушкина автобиографическая, 1, 2, 6, 9, 10.
„Записки“ И. И. Пушкина, 51.
„Записки“ Д. Н. Свербеева, 71.
Зарема (изъ „Бахчисарайского Фонтана“), 114, 150, 163, 165, 166.
Зарема, собака С. А. Пушкина, 17.
„Заря“, газета, 182.
Затасевичъ, А., композиторъ, 47.
Захарово, село, 6.
Зейвангъ, А., изд., 19.
Зеленая Лампа, общество, 43.
Зелинскій, В., 131, 132.
„Зимний вечеръ“, стих. Пушкина, 47, 49.
Золотаревъ, С. А., 39.
„Золотой Петушокъ“, опера Римского-Корсакова, 50.
Зубковъ, Василій Петровичъ, 41.
Зубовъ, 80.
Ивановъ, Иванъ Ивановичъ, 30.
Ивановъ, Разумницъ, 36.
Ивановъ-Борецкий, композиторъ, 49.
Ивеличъ, графиня, 25.
Ивеличъ, графиня Екатерина, 25.
Ивеличъ, графъ С. 17.
„Ізвѣстія книжныхъ магазиновъ Вольфа“, 52.
„Ізвѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности“, 67.
Ильинскій, Л. К., 29.
„Иностранкѣ“, стих. Пушкина, 143.
Исааковъ, Я. А., 72, 86.
„Искры“, журн., 45.
Истоминъ, В. А., 52.
„Исторический Вѣстникъ“, 37, 38, 42, 43, 44, 45, 50, 52, 165.
„Исторія Пугачевскаго бунта“, Пушкина, 31, 169.

„Histoire de Crimée“, 128.
Италія, 72.
Іфигенія, 84.

Югель, ганцевістеръ, 10.

К., А. Е., 36.
Кабарда, 114.
„Каверину“, посланіе Пушкина, 89, 91.
„Кавказскій Пленникъ“, Пушкина, 80, 44, 55, 72, 78, 112, 113, 114, 115, 119, 123, 163, 182.
Кавказъ, 25, 55, 112, 113, 114, 168, 184, 197.
Каллашъ, Владіміръ Владімировичъ, 43, 52.
Каменка, 128, 133, 168, 184.
„Каменный гость“, Пушкина, 47.
„Капитанская дочка“, Пушкина, 34, 46.
Капнистъ, графъ Петъръ Ивановичъ, 80, 81, 82, 88, 89, 90, 91, 92, 105, 106, 121, 126, 166, 167, 196.
Карамзинъ, Н. М., 49.
Карді - Ятриконъ, ім'яне графа Олізара, 161.
Карль X, король французскій, 59.
„Карманная книжка для любителей русской старины“, альб., 85, 93.
Каруза, рѣка, 15.
Кат. П. (въ Запискахъ Пушкина), 2.
Кеппенъ, Петъръ Ивановичъ, 61.
Кернъ, Анна Петровна, 14, 189.
Кернъ, Ермолай Федоровичъ, 14.
Кернъ, Ольга Ермолаевна, 14.
Керовъ, Н., 38.
Керузамо, псевд., 48.
Кириакова, Нелагая Ивановна — см. Меландеръ, 18.
Кириаковъ, Василій Яковлевичъ, 13.
Киселевы, дѣвичы Е. и Е. Н., 106.
Кишиневъ, 112, 125, 142, 160, 168, 171, 174, 188, 184.
Кіевъ, 160, 168, 184.
„Клеветникъ безъ дарованья“, эпігр. Пушкина, 80.

Кленбергъ, домовладѣлецъ, 25.
Клинъ, городъ, 7, 8.
Ключевскій, Василій Осиповичъ, 40.
„Книжныя новости“, журналъ, 51.
Кінь, 45.
Княжина, рож. кн. Хованская, 25.
Козловъ, Василій, 126.
Козловъ, Иванъ Ивановичъ, 62, 63, 64, 66, 67, 73, 97.
Козминъ, Николай Кировичъ, 29.
Комитетъ, Военно-Цензурный, 61.
Комовскій, Сергій Дмитріевичъ, 1.
Коноваловъ, Е., изд., 30, 84, 85.
Конради, М., 29.
Константинъ Павловичъ, Великій Князъ, 71.
Коппо, 69.
Копыловъ, А. Ф., 160.
„Кормчій“, газ., 37.
Корніани, графиня Леонілла Михайловна, рож. кн. Голицына, 60, 62.
Корпусъ Внутренной Стражи, Отдельный, 61.
Корфъ, баронъ Молесть Андреевичъ, 1.
Котляревскій, Несторъ Александровичъ, 50.
Кочетова, г.-жа, 26.
Кочубей, Марія (Матрена), 192.
Кочубей, графиня Наталья Викторовна, 1, 2.
„Критическое Обозрѣніе“, 52.
Кронштадтъ, 69.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, 36, 48.
Крымъ, 17, 55, 96, 112, 123, 133, 134, 136, 137, 161, 167, 168, 184, 197.
Кубасовъ, Иванъ Андреевичъ, 52, 127.
Куаминъ, Н., 44, 181, 182.
Кульманъ, Николай Карловичъ, 54.
„Къ другу В. А. Ж.“, посланіе И. И. Козлова, 68, 64.
„Къ княгинѣ М. А. Голицыной“, посланіе И. И. Коалова, 64.
„Къ морфею“, стих. Пушкина, 89, 91, 128.

„Къ ней“, стих. Пушкина, 91, 100.
„Къ портрету Вяземскаго“, 80.
„Къ Чаадаеву“, посланіе Пушкина, 80, 88, 84.
Клю, Цезарь Антоновичъ, 44.
Лаваль, графъ, 109.
Лавра, Александро-Невская, 62.
Ладухинъ, Н., композиторъ, 47.
La-mi, псевд., 44.
Лангъ, д-ръ, 124.
Ланской, 16.
Le-Brun, Ponce-Denis-Esquard, 99, 100, 117.
Лейпцигская битва, 50.
Лейпцигъ, городъ, 68, 70.
Лемке, Михаилъ Константиновичъ, 40, 51.
Ленскій, 118, 122.
Лермонтовъ, М. Ю., 36, 37.
Лернеръ, Николай Осиповичъ, 41, 42, 43, 44, 45, 50, 51, 52, 58, 75, 76, 85, 86, 87, 91, 93, 94, 95, 102, 106, 107, 108, 124, 140, 141, 142, 144, 172, 177, 180, 184, 188, 190.
Лескомбъ, Матвій, архієпископъ — 215.
Ліброполь, Сигизмундъ Ф., 44.
Левенъ, графиня, 57.
Ліда, 121.
„Лизѣ страшно полюбить“, стих. Пушкина, 79, 80.
Ліпранді, Иванъ Петровичъ, 160.
„Літературные Листки“, 131.
Ліцейскія стихотворенія Пушкина, 1, 9.
Ліцей Царскосельскій, 1, 2, 3, 7, 45, 109.
Лобовъ, Л., 52.
Лобода, проф., 185.
Лодыженская, Екатерина Карловна, рож. Зандень, 26.
Лохтина, Варвара Петровна, рож. Домогацкая, 22.
Луккскій, герцогъ, 72.
Луковникова, П. В., изд., 41.
„Мазепа“, опера П. И. Чайковскаго, 48.
Майковъ, Б. А., 40.
Майковъ, Леонідъ Николаевичъ, 7, 8, 9, 10, 46, 58, 77, 80, 81, 89, 92, 106, 119, 121, 139, 143, 147, 148, 159, 167, 189.
Малинники, вмѣніе Вульфовъ, 178, 205.
Малиновская, Анна Петровна, 26.
Мамонтовъ, С., 36.
Мансуровъ, Александръ Навловичъ, 26.
Маринъ, Сергій Никифоровичъ, 58.
Марія (изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“), 115, 116, 144, 150, 152, 163, 165, 166.
Марія (изъ „Полтани“), 192.
Мартынова, Елизавета — см. Шерemeteva.
Масловъ, Л. И., 80.
Меландеръ, Екатерина Ісааковна, рож. Ганнибалъ, 13, 22.
Меландеръ, Пелагея Ивановна — см. Кириакова.
Мельникова, Варвара Алексеевна — см. Пушкина.
Мендельсонъ, Н. М., 36.
Мертваго, Варвара Марковна, рож. Полтораккая, 7.
Мертваго, Дмитрій Борисовичъ, 7, 8.
Мертваго, Марія Дмитріевна, 7, 8, 9, 10.
„Метель“, Пушкина, 33, 47.
„Мечтателю“, стих. Пушкина, 10.
Милютина, Юрій, 43.
Мильвуа, 117.
Мінскій (изъ отрывка Пушкина), 190.
„Минувшиі годы“, журн., 50, 51.
Мітава, 69.
Михайловское, сельло, 13, 14, 15, 17, 19, 21, 22, 38, 44, 58, 92, 114, 134.
Михайлъ Павловичъ, Вел. Князъ, 61.
Міцкевичъ, Адамъ, 38, 109, 110, 161.
„Міцкевичъ“, стих. Пушкина, 42.
Мишкель, Марина, 136.

- „Мнѣ вѣсъ не жаль“, стих. Пушкина, 47.
- Модзалевскій, Борисъ Львовичъ, 18, 14, 29, 30, 45, 46, 51, 73, 111, 193.
- „Мой другъ, забыты мной“, стих. Пушкина, 55, 77 и сл., 181.
- „Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, 43.
- „Молодикъ“, альм., 61.
- Мольеръ, 18.
- Монфоръ, 2.
- Морозовъ, Пётръ Осиповичъ, 8, 84, 86, 100, 103, 108, 114, 143.
- Морозовъ, Юрий Петровичъ, 45, 46.
- Москва, 7, 10, 26, 61, 66, 71, 127, 168, 180, 189, 198.
- „Московскія Вѣдомости“, 10, 51.
- Можовая улица, 25.
- „Моцартъ и Сальери“, Пушкина, 32.
- Мошинъ, Алексѣй, 36.
- „Муза“, стих. Пушкина, 93.
- Муравьевъ, Александра, 169, 180.
- Мусинъ-Пушкинъ, графъ В., 41.
- Мусоргскій, М. П., композ., 48, 49.
- Мухановъ, П. А., 44.
- Музей, Румянцовскій, 8, 53, 77.
- „Мѣдный Всадникъ“, Пушкина, 32, 33, 42, 45.
- „Мѣсяцъ“, стих. Пушкина, 91.
- Мѣщанская улица въ С.-Пб., 42.
- Мюнстеръ, графиня Александра Михайловна, рожд. кн. Голицына, по 1-му браку княгиня Долгорукова, 60, 62.
- Мясофдовъ, художн., 38.
- „Надпись къ портрету кнзя П. А. Вяземскаго“, Пушкина, 128.
- Наполеонъ, 77.
- „Наполеонъ“, стих. Пушкина, 80.
- Направникъ, Э. Ф., композиторъ, 48.
- „Напрасно рощу оглашаest“, стих. Пушкина, 77, 78.
- „Народная Библиотека“, 31.
- Нарышкина, Елена Александровна сим. Голицына, княгиня.
- Нарышкина, Мария Антоновна, 68.
- „На холмахъ Грузіи“, стих. Пушкина, 48.
- „Наездники“, стих. Пушкина, 91.
- Незеленовъ, Александръ Ильичъ, 56, 95, 96, 97, 103, 106, 107.
- Некрасовъ, Н. А., 163, 167, 182.
- Нелидовъ, З., 41.
- Немировичъ-Данченко, В. И., 50.
- „Нереида“, стих. Пушкина, 80, 127, 129.
- Нерчинскъ, 169, 170.
- „Нива“, журн., 38, 51.
- „Нива золотая“, журн., 46.
- Николай I, 59, 61, 212, 218.
- Николай Михайловичъ, Великий Князь, 58.
- Николь, аббатъ, 59.
- Новиковъ, А. И., 36.
- „Новая Русь“, газета, 44, 45, 46, 50.
- „Новое Время“, газета, 31, 38, 42, 48, 49, 51, 52.
- Новоржевъ, городъ, 13, 15, 17, 24.
- „Новости литературы“, журналъ, 81, 92, 94.
- Нодель, Наталья Карловна, рожд. Зандень, 26.
- „Nord“ Le, газета, 59.
- „Ночь“, стих. Пушкина, 47.
- Newman, Cardinal, 214.
- О., М., 38.
- „Образованіе“, журналъ, 51.
- „Овидію“, стих. Пушкина, 80.
- Осаннико - Куліковскій, Дмитрій Николаевичъ, 39.
- Одесса, 51, 84, 85, 98, 96, 97, 125, 126, 127, 131, 162, 167, 171, 174, 184, 188.
- Одоевская, княгиня, рожд. Ланская, 109.
- Ольденбургъ, Сергій Федоровичъ, 193.
- Оленина, Анна Алексѣевна, 189.
- Олизарь, графъ Густавъ Филипповичъ, 160, 161, 162, 197.
- Оланъ, Валеріанъ Николаевичъ, 84, 98.
- Онѣгінъ, Александръ Федоровичъ, 45, 73, 111.

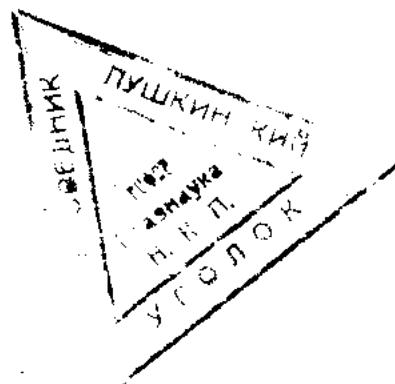
- Онѣгінъ, Евгеній, 118, 122, 491.
- „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“, статья Пушкина, 102, 103.
- Орестъ, 84.
- Орлова, Екатерина Николаевна, рожд. Раевская, 114, 133, 135, 136, 160, 184.
- Орловъ, Григорій Феодоровичъ, 71.
- Орловъ, Михаилъ Феодоровичъ, 136, 160, 184.
- „Осеннее утро“, стих. Пушкина, 100.
- Осипова, Прасковья Александровна, 14, 15, 18, 19.
- „Оставя честь судьбѣ на произволъ“, стих. Пушкина, 80.
- Остафьево, село, 41.
- „Остафьевскій Архивъ“, 10, 63, 68, 70, 96, 110, 126, 127, 136, 190.
- Острогорскій, Викторъ Петровичъ, 41, 52.
- Островъ, гор., 13, 14, 19, 21, 22, 24.
- „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“, Пушкина, 102.
- „Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д(ельвигу)“, 134, 135.
- „Отрывокъ („Ты сердцу непонятный мракъ“), Пушкина, 143.
- Павленковъ, Ф. Ф., 30, 31, 32, 33, 34, 35.
- Павлищева, Ольга Сергеевна, рожд. Пушкина, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 27.
- Павлищевъ, 14, 27.
- Павлищевъ, Левъ Николаевичъ, 15, 17, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 28.
- Павлищевъ, Николай Ивановичъ, 16, 19, 20, 21, 23, 24, 28.
- Павловскъ, городъ, 66.
- Пальмеръ, Вильямъ, діаконъ, 213, 214, 215, 216.
- Панчулидзе, Софія Николаевна, рожд. Сункова, 11.
- Панчулидзе, Александръ Александровичъ, 11.
- Панафицина, А. С., изд., 30, 31, 32, 33, 34, 35.
- Парижъ, 59, 62, 69, 70, 73, 211, 215.
- Парни, Эваристъ, 98, 99, 100, 101, 117.
- Переписка Пушкина, Академическое издание, 50, 53, 88, 127, 157.
- „Петербургскій Листокъ“, газета, 13, 44.
- „Петербургскія Вѣдомости“, газета, 39, 42, 45, 46.
- Петрарка, 126, 186.
- Петрушка, камердинеръ, 23.
- Петръ Великій, 32.
- „Печалень будеть мой разскать“, отрывокъ Пушкина, 138 и сл.
- Пещуровъ, Алексѣй Никитичъ, 22.
- Пиза, городъ, 72, 73.
- „Пиковая дама“, Пушкина, 34, 46, 49.
- „Пиковая Дама“, опера П. И. Чайковскаго, 49.
- Никсановъ, Николай Карапетовичъ, 29.
- Пиладъ, 84.
- Пиндаръ, 99.
- Пиреней, 70.
- „Пиръ во время чумы“, Пушкина, 32.
- Письма Пушкина, 37, 83, 84, 87, 88, 90, 91, 92, 99, 111, 113, 114, 123, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 138, 187, 190.
- „Письма А. И. Тургенева къ П. И. Тургеневу“, 70.
- Плаховъ, П., издатель, 36.
- Плесовская, г-жа, 19.
- Плетневъ, Петръ Александровичъ, 73, 74, 89, 90, 91.
- „Плюсковой“, стих. Пушкина, 91.
- Подолянинъ, А., 32.
- Покровскій, Михаилъ, 40.
- Поливановъ, Цезарь Ивановичъ, 172.
- „Подтава“, Пушкина, 31, 32, 36, 40, 48, 178, 177, 178, 179, 180, 181, 185, 189, 190, 192, 198.
- Полторацкая, Варвара Марковна — см. Мертваго.
- Полторацкіе, 7.
- „Полярная Звѣзда“, альманахъ, 126, 127, 128, 129, 132.

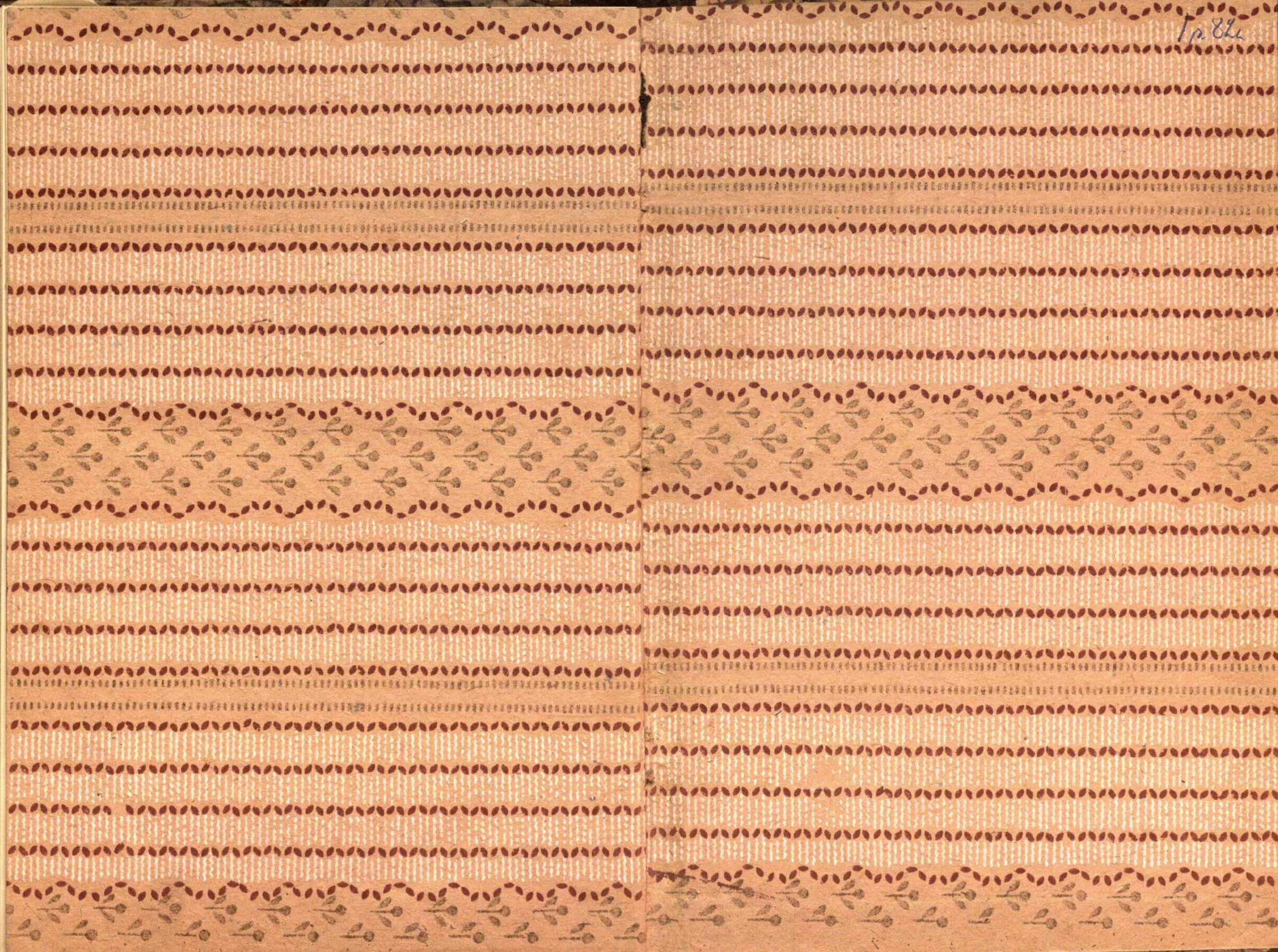
- Поминанье, стих. Пушкина, 49.
 Попова, О. Н., 30.
 „Посланіе къ Н. И. Гаѣдичу“, Е. А. Боратынскаго, 87.
 „Посланіе къ узникамъ“ („Богъ помочь Вамъ, друзья мои!“, стих. Пушкина, 169).
 „Посланіе къ Юдину“, стих. Пушкина, 4, 6, 7, 8, 9, 10.
 Потоловскій, Н., композ., 47.
 Потоцкая, 125.
 „Правительственный Вѣстникъ“, 51.
 „Примѣты“, стих. Пушкина, 93.
 „Пробужденіе“, журналъ, 33.
 „Псковская Жизнь“, газ., 38, 39, 42, 43.
 „Псковской Голосъ“, газета, 43.
 Псковъ, 18, 19, 21, 22.
 „Птичка“, стих. Пушкина, 47.
 Пугачевъ, 169.
 Пушкина, Анна Федоровна, 189.
 Пушкина, Варвара Алексеевна, рожд. Мельникова, 22.
 Пушкина, Марія Александровна — см. Гартунгъ.
 Пушкина, Надежда Осиповна, 2, 13, 15, 16, 18, 20, 21, 24, 25, 27.
 Пушкина, Наталья Николаевна, 15, 18, 21, 25, 111.
 Пушкина, Софья Осиповна, 189.
 Пушкинская колонія, 42, 43.
 Пушкинскій Лицейскій Музей, 44.
 Пушкинское Лицейское Общество, 42, 44, 51.
 „Пушкину, В. Л.“, посланіе Пушкина, 128.
 Пушкины, 7.
 Пушкинъ, Александръ Александровичъ, 15, 25.
 Пушкинъ, Александръ Сергеевичъ, 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 27, 28 и т. д.
 Пушкинъ, Василій Львовичъ, 7, 128.
 Пушкинъ, Григорій Александровичъ, 22.
 Пушкинъ, Левъ Сергеевичъ, 2, 14,
- 15, 17, 18, 23, 27, 28, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 113, 125, 183.
 Пушкинъ, Николай Сергеевичъ, 2.
 Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ, 13, 15, 19, 22, 23, 24, 27, 53.
 „Пушкинъ и сто современники“, сборникъ, 2, 13, 15, 29, 39, 50, 73, 111, 159, 189.
 Пущина, 15.
 Пущинъ, Иванъ Ивановичъ, 51.
 „Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ“, эпигр. Пушкина, 153.
 „Пѣсенка“, стихотвореніе Пушкина, 49.
 „Пѣсни западныхъ славянъ“, 82.
 Раевская, Елизавета Николаевна — см. Орлова.
 Раевская, Елена Николаевна, 190, 183, 162, 184.
 Раевская, Марія Николаевна — см. Волконская, княгиня.
 Раевская, Софія Алексеевна, 181.
 Раевская, Софія Николаевна, 183, 168, 184.
 Раевскіе, 113, 125, 133, 131, 136, 146, 159, 160, 161, 162, 184.
 Раевскій, Александръ Николаевичъ, 114, 183, 168.
 Раевскій, Владимира Осдоевичъ, 123.
 Раевскій, Николай Николаевичъ, старшій, 160, 164, 167, 168, 184.
 Раевскій, Николай Николаевичъ, 133, 145, 146, 159, 168.
 Раевскій, Нестръ Михайловичъ, 39.
 „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, Пушкина, 117, 158, 159, 186.
 Растворяева улица, 49.
 Рахманиновъ, С., композ., 49.
 Рахманкуловъ, С., 47.
 Рашидовъ, А. М., 47.
 Ризничъ, Амалія, 128, 188.
 Римській-Корсаковъ, Н. А., композ., 48, 49, 50.
 Розенъ, баронъ, 15, 16.
 Розенъ, баронъ Андрей Евгениевичъ, 164.

- Розенъ, баронъ Г. В., 38.
 Розовъ, В. А., 37, 52.
 Рокотовъ, Иванъ Матвеевичъ, 15.
 „Романсъ“, стих. Пушкина, 91.
 Ростъ, госпожа, 23.
 Рубинштейнъ, А. Г., композ., 47.
 Ругодиво, имѣвое, 15.
 Руммель, Василій Владимировичъ, 11.
 Румфордъ, графиня, вдова Лануазье, 68.
 Русаковъ, Викторъ, 44.
 „Русалка“, Пушкина, 48.
 „Русалка“, опера А. С. Даргомыжскаго, 48.
 Русланъ, собака С. Л. Пушкина, 16—17.
 „Русланъ и Людмила“, Пушкина, 30, 43, 48.
 „Русланъ и Людмила“, опера М. И. Глинки, 48, 49.
 Русло, 2.
 „Русская Мысль“, журн., 37, 50.
 „Русская Старина“, журн., 6, 36, 39, 42, 43, 50, 51, 53, 125, 127, 167.
 „Русская Школа“, журн., 52.
 „Русскій Архивъ“, 7, 38, 43, 44, 45, 51, 66, 67, 70, 71, 72, 111, 125, 160.
 „Русскій Вѣстникъ“, 160.
 „Русскій Инвалидъ“, 51.
 „Русскій Филологический Вѣстникъ“, 38, 39, 42, 50, 52.
 „Русскія Вѣдомости“, 38, 41.
 „Русскія женщины“, поэма Н. А. Некрасова, 163, 167, 182.
 „Руское Богатство“, журн., 52.
 „Руское Слово“, газ., 45.
 Рыльевъ, Кондратій Федоровичъ, 126, 127.
 Рымникъ, р., 58.
 „Рѣдѣсть облаковъ летучая гряда“, стих. Пушкина, 80, 128, 132, 136, 150.
 „Рѣчь“, газ., 44, 46, 51.
 Рябовъ, Владимира, 36.
 Садовскій, Борисъ, 50.
 Салтовъ, Владимира Ивановичъ, 53, 62, 68.
- Саладонъ, 69.
 Салтыковы, 69.
 Салтыковъ, Александръ Николаевичъ, 30, 40.
 Самойлова, графиня, 66.
 Самокишъ, Н., 31.
 Самокишъ-Судковская, 51.
 „Самообразованіе“, журн., 37.
 Сафо, 91.
 Сажинъ, З. М., изд., 49, 50.
 „Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности“, 82.
 „Свободное Слово“, газ., 46.
 Свѣтлана (Л. А. Войкова), 61.
 Свѣчина, Софья Петровна, 57.
 Семеновскій, Василій Ивановичъ, 161.
 Сень-При, графъ, 59.
 Сибирь, 165, 169, 180, 181, 196, 197, 200, 204, 207, 208, 209, 210.
 Синскъ, почтовая станція, 15.
 Сидоровъ, В. И., 41.
 Сильный, Лукіанъ, 51.
 Сильчевскій, Дмитрій Петровичъ, 50.
 Сиповскій, Василій Васильевичъ, 41, 50.
 Сиркуръ, рожд. Хлостина, 57.
 Сиротининъ, Андрей, 45, 52.
 Сисмонди, историкъ, 72, 74.
 „Сказка о золотомъ пѣтушиѣ“, Пушкина, 35, 50.
 „Сказка о мертвѣй царевнѣ“, Пушкина, 35.
 „Сказка о попѣ и работнике его Балдѣ“, Пушкина, 35.
 „Сказка о царѣ Салтанѣ“, Пушкина, 35.
 Сказки Пушкина, 34.
 „Скупой Рыцарь“, Пушкина, 32, 38, 45.
 „Славянская Извѣстія“, 52.
 Слоновъ, М., композ., 49.
 Смирновъ-Кутачевскій, А., 37.
 „Современный Миръ“, журн., 30.
 Соколовскій, Михаилъ Константиновичъ, 51.
 Сомовъ, Орестъ Михайловичъ, 37, 38, 39.

- Щеголевъ, Павелъ Елисѣевичъ, 52, 193, 194, 195, 196, 197, 216.
„Шербинину“, посланіе Пушкина, 89, 91.
„Элегія“ (Ам. Ризничъ), Пушкина, 128.
„Элегія“, Пушкина — см. „Мой другъ, забыты мной“.
„Элегія“ („Простишь ли мнѣ ревнивья мечты“), Пушкина, 129.
„Элегія“, Пушкина — см. „Умолену скоро я“.
„Эмилій человѣкъ пустой“, стих. Пушкина, 80.
Эмст, гор., 67, 70, 92.
„Эпиграмма“ („У Кларисы денегъ много“), Пушкина, 79.
Эпитафія младенцу князю Волконскому, Пушкина, 192.

- Эхинъ, псевд., 48.
Юдинъ, 4, 6, 7.
„Юная Россія“, 31.
„Юношѣ“, стих. Пушкина, 91.
Юргенсонъ, П., изд., 48, 49.
Юсуповъ садъ, 2.
„Я видѣлъ смерть“, стих. Пушкина, 89, 91, 117.
„Я здѣсь Инезилья“, стих. Пушкина, 45.
Якубовичъ, 114.
Якупжинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ, 53, 77, 78, 88, 84, 88, 103, 108, 139, 140, 142, 143, 144, 146, 152, 171, 172, 173, 188, 189.
Яшвиль, князь В. В., 62.
Фоминъ, Д., 37.

—
II-568

